КОКО

ШАНЕЛЬ

Я

И МОИ МУЖЧИНЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Коко Шанель – ярчайшая звезда на небосклоне Высокой моды XX столетия.

В ее жизни было много интриг, романов, зависти и сплетен, страданий и, конечно же, любви. В ее объятиях были великие князья, герцоги, графы и сеньоры, а еще – поэты, режиссеры и актеры, ставшие знаменитыми. В этом пространном списке – Сергей Дягилев, Игорь Стравинский, великий князь Дмитрий Павлович, герцог Вестминстерский, граф Лукино Висконти, Пикассо, Реверди, Поль Ириб и даже бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг. Одних делала Она, другие делали Ее.

Шанель – личность, возведенная в культ. Спустя десятилетия после смерти ее образ будоражит умы, а стиль Chanel все еще остается на вершине Высокой моды. Как же права была кутюрье, когда на предложение руки и сердца ответила очередному поклоннику: «На свете полно всяких герцогинь, но только одна Коко Шанель!»

Впервые так честно и пронзительно рассказано обо всех любовных связях великой Шанель.

- Софья Бенуа
  - Тайна рождения
  - Безрадостное детство
  - Приют в Обазине
  - Начало взрослой жизни
  - Этьен Бальзан. Кавалерист в роли любовника
  - Артур Кэпел. «Мальчик был красив, очень красив…»
  - Поль Пуаре. Le Magnifique и «Бедность De Luxe»
  - Мода войны-1914
  - «Рубище для миллиардерши», или Двуполая мода
  - Мися Годебска. «Пожирательница гениев»
  - Возлюбленный Бой как символ черного цвета
  - Сергей Дягилев. Узаконенные отношения между балетом и модой
  - Великий князь Дмитрий Павлович. В объятиях кузена Николая II
  - «Шанель № 5»: С любовью из России
  - Игорь Стравинский. Миф о загадочной любви
  - Пикассо и Пьер Реверди: Между художником и поэтом
  - Кокто. Маленькое черное платье
  - Герцог Вестминстерский. «В его натуре было что-то от клошара»

- Сэм Голдвин. Как одеть Голливуд
- Поль Ириб. Дамский угодник и несостоявшийся супруг
- Лукино Висконти. В постели графа-бисексуала
- Ганс Гюнтер фон Динклаге. «Оккупационная» связь
- Уинстон Черчилль. Операция «Модная шляпа»
- Вальтер Шелленберг. Полюбить врага
- Мишель Деон. Как из легенды делать женщину
- Триумфальное возвращение Коко

Софья Бенуа
Коко Шанель
Я и мои мужчины

Влюбляясь, я всегда полностью отдавалась своему чувству.

Но когда мне приходилось выбирать между мужчиной и моими платьями, я выбирала платья. Я всегда была сильнее своих страстей; работа была для меня своеобразным наркотиком. Но я сомневаюсь, что стала бы известной всем Шанель без помощи мужчин…

Коко Шанель

Тайна рождения

В марте 1895 года по дороге на холм дорога из Брива в Туль медленно двигалась двуколка под серым брезентом, которую тянула худая лошадка. В немудреном экипаже возница – симпатичный черноусый брюнет лет сорока да три девчушки с грустными лицами. В глазах девочек застыли слезы, они сидят, прижимаясь друг к другу.

Через час двуколка останавливается перед сиротским приютом в Обазене, который размещается в старинном аббатстве. Вокруг кучно стоят нелепые городские домишки, в которых живут люди, возможно, даже счастливые семьи. Но нашим путницам предстоит остановиться не в жилом доме, а в сером, унылом приюте.

Возница стаскивает малюток с повозки, и вскоре вся компания скрывается за массивной дверью. Через какое-то время громоздкая дверь отворяется, и возница выходит один. Любопытные прохожие, будь они здесь, могли бы обратить внимание, что шаг его легок, а лицо расцвечивает непринужденная улыбка.

Ярмарочный торговец Альберт Шанель спустя лишь несколько дней после смерти жены, матери трех несчастных девочек, решил избавиться от них. Жизнь распорядится так, что больше им никогда не суждено будет увидеться с родным отцом… Стоит ли нам сожалеть о его судьбе?

Так в один момент три девочки оказались в приюте; старшей Джулии тогда было тринадцать лет, средней, дурнушке по имени Габриэль, – двенадцать, младшей Антуанетте, всего восемь. Пройдет еще двадцать лет, и весь мир узнает Габриэль под именем Коко Шанель.

Ее биография, размещенная в разных источниках, лишь немногим отличается от вышеописанной.

«Коко Шанель родилась 19 августа 1883 года в Сомуре (Saumur), Франция. Ее родители не состояли в браке. Мать не могла прокормить ребенка и отдала ее в приют для детей-сирот. Когда Габриэль было 12 лет, мать умерла, и отец отдал девочку в католический монастырь, а затем в интернат. Будучи вынужденной много лет носить форму, она мечтала одеть всех женщин по-своему»;

«Родилась в Сомюре в 1883 году, хотя утверждала, что появилась на свет в 1893 в Оверни. Мать умерла, когда Габриэль едва исполнилось двенадцать, позже ее с четырьмя родными братьями и сестрами оставил отец; дети Шанель были тогда на

попечении родственников и провели некоторое время в приюте»;

«Коко Шанель родилась 19 августа 1883 года в Сомуре, хотя говорила, что родилась на 10 лет позже в Оверни. Мать умерла, когда Габриэль было всего шесть лет, позже умер и отец, оставив пятерых детей сиротами. Они были в то время на попечении родственников и некоторое время находились в детдоме».

Впрочем, не Коко ли однажды сказала: «Люди, имеющие легенду, – сами эта легенда!»? И посему загадка ее раннего детства останется загадкой даже для биографов.

«Люди увлекаются не модой, а лишь теми немногими, кто ее создает»

Безрадостное детство

19 августа 1883 года; Сомюр; четыре часа пополудни. Молоденькая женщина на сносях позвонила в обитую гвоздями большую дверь приюта. Массивная дверь открылась на звук колокольчика, чтобы пропустить немного растерянную гостью. Девушку, которой на вид около 20 лет, зовут Жанна. В окружении заботливых сестер Провидения, чьим рукам вверено попечительство над приютом, Жанна родила крохотную девочку, которую нарекла Габриэль.

И в этот, в день ее рождения, и на следующий день, – когда нужно было зарегистрировать рождение ребенка в мэрии, отец малютки отсутствовал. Вместо него свои имена под документом поставили три пожилые служительницы приюта, внеся также в казну несколько грошей. Роженица Жанна была записана как «проживающая со своим мужем», хотя отец Габриэль – Альберт приходился ей всего лишь сожителем. К тому же в графе «род занятий» ее записали как «купчиху» вместо истинного «приходящая домашняя прислуга», что бы точнее соответствовало действительности.

Отчего такие милости? Возможно, кто-то из служителей приюта благоволил юной матери.

21 августа т.г. в приютской капелле состоялось крещение Габриэль. Как и ранее, ее непутевый отец болтался неведомо где и по каким делам.

Когда для ритуала потребовались крестные отец и мать, их тут же отыскали, хотя любезно согласившиеся на эту роль не были знакомы с родителями крестницы. Поучаствовав в обряде священного таинства, оба крестных родителя бесследно исчезли из жизни своей крестницы.

Таким могло быть детство Габриэль Бонер и ее сестер. Французские девочки. Фото начала XX века

На протяжении нескольких месяцев семья Шанель жила в Сомюре, но Альберт, внезапно появившийся на горизонте дочери, вновь запросился в дорогу. Сидение на одном месте было явно не для него. Его пустые прожекты, как бы разбогатеть или хотя бы просто подняться на ноги, не приносили никакого успеха. Альберт сетовал, будто сам городишко Сомюр приносит ему неудачи в делах. «Неисправимый бродяга» Альберт напутствовал семью в дорогу…

Во время своих путешествий семья встретилась с родственниками Жанны – тетушкой и дядюшкой Шардон, которых к тому времени постигло несчастье, – у них в возрасте

двадцати одного года умерла дочь. Вот почему эти жалостливые люди пригласили скитальцев в детьми на руках поселиться у них. Поставив лишь одно условие: чтобы красавчик Альберт сочетался со своей спутницей законным браком. Молодые люди согласились.

В июле 1884 года были опубликованы оглашения о предстоящей свадьбе. Но самовлюбленный Альберт не был бы самим собой, если бы не закатил сцену. «В последний момент жених, напуганный перспективой брака, заартачился, как упрямый мул: никакая сила не могла затащить его в мэрию. Невеста проливала потоки слез. Скандал разразился грандиозный: никогда еще Курпьер не видывал ничего подобного! И тогда Альберт, преследуемый родней Жанны, требовавшей от него сдержать слово, измученный оскорблениями и угрозами, решил бежать. Видимо, заварушка надолго запечатлелась в сознании горожан – и сейчас еще, столетие с лишком спустя, предание о ней переходит в Курпьере из уст в уста», – сообщает нам Анри Гидель.

По истечении шести месяцев этот неприглядный конфликт удалось разрешить, когда было достигнуто следующее соглашение: Альберт заключает брачный союз с Жанной при условии, что та принесет ему в дополнение к личным вещам и мебели приданое в размере 5000 франков. Сумма была значительной. Так семья Жанны устроила складчину, чтобы… купить ей мужа.

Церемония состоялась 17 ноября 1884 года… Если верить биографам, оба супруга на этой праздничной церемонии официально признали рождение у них двоих детей: Джулии и Габриэль. Присутствовали дядюшка Шардон, брат Жанны Марен Деволь и даже родители Альберта – Адриен и Виржини, которые тоже нечасто виделись со своим сыном-повесой. Брачная церемония стала поводом объявить, что у молодожена не так давно появилась сестренка Адриенна, девятнадцатый ребенок в семье.

Француженки, идущие на рынок. Фото начала XX века

Впоследствии сия тетушка (которая не намного старше) станет лучшей подругой Габриэль Шанель.

Заполучив изрядный капитал в 5000 франков, принесенных ему семейством Деволь, Альберт, захотел приобрести пакет торговых акций на юге Франции, в Монтобане. «Для начала он заказал в типографии свою коммерческую афишу, на которой, помимо имени и будущего адреса (Рыночная площадь, 4), значился и будущий род деятельности: «Торговля различными видами трикотажа и белья». Но, увы, это оказалось не более чем химерой: операция так и не состоялась, и следует предположить, что деньги Альберта растаяли, как снег на солнце, растраченные

на малоприглядные спекулятивные сделки, а то и на женщин…» Так утверждают биографы.

И, чтобы скрыться от опеки родственников, отпетый гуляка и пустомеля вновь – в который уж раз – пустился в путь. В ходе странствий он оседает в Исуар – небольшом старинном городке, испещренном узкими, темными улочками.

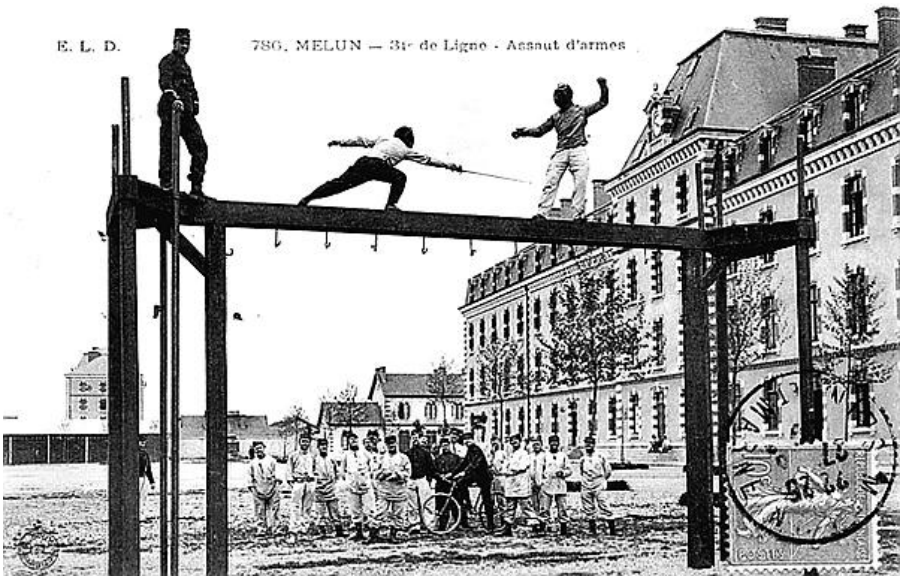
Современным путешественникам этот городок может показаться весьма привлекательным. Ведь здесь так и веет милой стариной; многие дома ведут свою летопись с XVI века. «Между Бурбулем и Исуаром, – сообщают путеводители, – в долине есть очаровательная деревушка Сен-Нектер, где можно просто походить и полюбоваться сокровищами овернской архитектуры романского периода. Крепко стоит на основании церковь романской эпохи, похожая на каменный корабль, дневной свет окрашивает церковь в красный цвет. Фасад церкви украшен двумя скульптурами, а восьмиугольная колокольня имеет два этажа. Внутри церкви вы увидите капители, в нефе и на хорах, которые расскажут о сценах Нового Завета и о событиях в Сен-Нектере. Городок Исуар окружен горами, но когда-то кроме гор Исуар окружали и надежные стены. На месте стен сейчас разбиты бульвары, окружающие Старый город. Вы увидите здания с прекрасными резными дверями, изящные лестницы. Побывайте на площади Republigue со старинными особняками и древней церковью Saint-Austremoine. Церковь была построена в XII веке и была изначально частью бенедиктинского монастыря. Вы будете поражены размерами и великолепием базилики, которая подавляет все вокруг и в то же время украшает все. Великолепна и апсида базилики круглой формы. Апсиду завершают квадратные элементы и колокольня. Внутри церкви вы увидите великолепные росписи, прекрасно выделяющие формы и объемы здания. На капителях – сцены из Нового Завета. Если подняться на один из холмов, то вы увидите расходящиеся от церкви концентрические круги улочек и домов. А на скалистом утесе возвышается замок Montaigut-le-Blanc с несколькими гостевыми комнатами, из окон которых открываются великолепные виды на горы и ущелья. На террасах замка – красивые сады. Вам понравится Исуар, прекрасное место для отдыха».

Француженка, идущая утром на рынок. Фото начала XX века

Во времена жительства там семьи Шанель городок Исуар являл собой некий шумливый базар и легко вселял надежду, что здесь дела могут пойти на лад. Даже несмотря на то, что дом, в котором поселились супруги Шанель, находился на улице Мулен-Шаррьер, в нищем квартале, протянувшемся вдоль заваленной отбросами речки Куз-де-Павен. На берегах реки кучно

разместились жалкие мастерские, в основном кожевенные цеха, окрашивавшие воду в реке в мерзкий ржавый цвет и распространявшие по всей округе тошнотворный запах.

Уклад жизни четы Шанель не претерпел в ходе передвижений никаких изменений, разве что из окон лачуги были видны совсем другие декорации. «Альберт, в крови которого бурлила жажда приключений, с равным аппетитом набрасывался на вино, вкусную еду, отдавал себя игре и женщинам»; «Одно только омрачало картину: необходимость хоть изредка возвращаться к родному очагу»; «Бедная Жанна разонравилась ему давным-давно»; что можно добавить к подобной характеристике, данной до нас с вами?!



Армейские занятия. Французская открытка начала XX века

Почему бедняжка Жанна прощала своего пропащего гуляку, охваченного вечным зудом бродяжничества? – По всему видать, женщина сильно любила симпатягу. Впрочем, он старался оправдывать свои постоянные отлучки ремеслом ярмарочного торговца, которому предстоит мотаться по делам, переезжая с места на место в поисках дешевого товара и более выгодной сделки. Не успев притормозить у дома, этот веселый «блудный сын», насвистывая популярный мотив, уже мчится прочь. И только Жанна, успев лишь ублажить мужа да всплакнув у него на плече, долго стоит на пороге, глядя вослед благоверному, пока его двуколка не скроется из глаз.

Впрочем, нелюбовь к супруге и постоянные отлучки вовсе не мешали Альберту вновь и вновь брюхатить молодую супругу. 15 марта 1885 года у него рождается третий ребенок – сын, которому

дали имя Альфонс, в 1887-м – дочь Антуанетта.

То ли прогуляв все деньги и устав ютиться по темным углам, то ли понадеявшись на помощь родных в воспитании малюток, но повеса и ловелас Альберт решает вернуться в Курпьер, – откуда несколько лет назад они с Жанной уехали. А, возможно, Альберта угнетало ухудшающееся здоровье жены, для которой сельский климат мог оказаться лечебным? Утомленная частыми родами и тяжелыми приступами астмы, женщина по-прежнему являла собой образчик стойкости. Она без устали и жалоб продолжала провожать и встречать беспечного мужа из долгих загулов и странствий, всегда готовая отправиться в путь, чтобы быть рядом с ним, коль тот соизволит позвать.

К тому же Альберт знал: устроившись под крылышком у родни, его женушка вряд ли станет таскаться за ним по городам и весям. Но здесь он ошибся. Жанна, по-прежнему любящая и ревнующая, боялась его потерять, а потому предпочла неотвязно сопровождать его в странствиях.

Как и прежде, женщина сносила дурное настроение мужа, грубость, оскорбления и зуботычины. Как и прежде, без жалоб и слез сносила холод, трясясь в повозке по заснеженным дорогам, мерзла за прилавком с торговой мелочью, выставленным на рынке за многие километры от родного дома. В этом деле преданного служения мужу Жанне не мешало даже состояние беременности! Своего пятого ребенка, которого назвали Люсьеном, женщина произвела на свет в очередной убогой гостинице деревушки Гере. И сразу же, еще не оправившись, поспешила за мужем на ежегодную городскую ярмарку.

Такие картинки прежде украшали практически каждый дом французской семьи – то в виде вышивок, то в виде открыток

В 1891 году в Курпьере родился шестой ребенок, названный Огюстьеном, но, к несчастью, малыш прожил на свете лишь несколько недель. А едва только бедная мать вернулась с кладбища, как тут же… пустилась в дорогу, чтобы присоединиться к мужу.

* * *

Вернувшись в Курпьер, семья Шанель жила у дядюшки Огюстена Шардона и его жены Франсуазы в старинной части городка. Габриэли, когда девочка оказалась здесь по воле родителей, на тот момент было четыре с половиной года, и именно здесь прошло раннее детство будущей звезды моды. Ее постоянными товарищами по играм были старшая сестра Джулия и младший брат Альфонс; остальные дети были слишком малы

для веселых и беззаботных игр. Отца дети почти не видели, – Альберт наведывался в Курпьер лишь от случая к случаю. И лишь январь и февраль, «мертвые» для торговли месяцы, проводил в стенах этого дома. Ну а мать… Жанна тоже большую часть времени проводила с мужем на ярмарках, оставляя малюток на попечении родственников.

И еще что хорошо запомнилось Коко и о чем она вспоминала во взрослой жизни – терпкий запах эвкалиптового порошка, который местный доктор предписал сжигать в комнате матери на маленькой печке из листового железа. Это помогало снимать приступы астмы, мучавшие Жану все чаще и чаще, и особенно по ночам.

Париж времен детства и юности Габриэль Бонер Шанель. Конец XIX – начала XX века

«Что до Габриэль, – свидетельствовал биограф А. Гидель, – то годы, проведенные здесь, в Курпьере, станут светлою, счастливою полосою ее детской жизни. Вместе с Джулией и Альфонсом она помогала дядюшке ухаживать за садом, который располагался у городской черты. Как все это было не похоже на жизнь в Исуаре, где ничего не видишь, кроме каменных стен и мостовых! А здесь, за городом, все ей так близко – ароматы полей, щебетанье птиц, тихий рокот реки, струившей свои воды мимо старинных укреплений, под осенявшими ее плакучими ивами. Дети научились удить рыбу – из орехового прута получалось отличное удилище, из шпильки для волос – заправский крючок. Сооружали из камней, по которым струилась река Дор, миниатюрные порты и помещали туда бумажные кораблики, которые затем пускали

вниз по течению. А главное, в этом краю острее чувствовалась разница между временами года – рождественская пора была, как ей и положено, белой, снега и льды укутывали землю, а знойным летом воздух словно дрожал, поднимаясь от растрескавшейся почвы. Уже в столь юную пору Габриэль выказывала независимость и своенравность в поведении. Скажет мать: «Поди поиграй с братом и сестрой!» – она проводит их метров за полсотни, а потом оторвется от них и пойдет своей тропинкой. Частенько тропинка приводила ее на старинное кладбище, обнесенное ветхой стеною, где среди разросшейся буйной травы виднелись замшелые, вросшие в землю надгробные камни. Это был ее любимый уголок. Здесь – с чего это ее в столь юном возрасте заинтересовало ремесло могильщицы? – она хоронила своих старых кукол, закопала (а это еще зачем?) маленькую ложечку и перо с костяной ручкой – подарки отца, сувенир о Париже, где, если поглядеть сквозь крохотное отверстие, можно было с одного боку увидеть собор Парижской Богоматери, а с другой – Триумфальную арку. Да вот беда – в тот день за нею увязалась Джулия, нашпионила, наябедничала матушке; о, как же влетело в этот день бедняжке Габриэль за то, что так поступила с подарком отца! И все же отца она любила, при всех его недостатках. Но никому – и в первую очередь ей самой – не дано было понять в высшей степени символичное значение ее поступка. Закапывая в своем заповедном саду самые дорогие ее сердцу вещицы и беря в свидетели мертвецов – составивших ей компанию избранников, – она становилась единственной обладательницей своих драгоценных сокровищ, спасенных от непрошеного постороннего взгляда! Ей приглянулись две могилы, и она выказала свою симпатию к обитателям сих подземных жилищ, принося к ним цветы с полей. Здесь, на этом позабытом погосте, она чувствовала себя независимой. Здесь было ее собственное царство, бесконечно удаленное от всего, что его окружало; здесь у нее были друзья, которых никому не отнять».

Мода для детей и девочек-подростков начала XX века. Рисунок из модного журнала

Бедное дитя! И как ярко описано ее внутреннее состояние; диву даешься как это некоторым биографам удается влезть в шкуру своих возлюбленных героев…

В 1893 году Жанна, находившаяся тогда в Курпьере, вдруг получила от супруга письмо, в котором тот сообщал, что неожиданно встретил сводного брата по имени Ипполит, о существовании которого и не подозревал. Они быстро нашли общий язык и, проведя время за долгими беседами, решили совместно содержать гостиницу в городке Брив-ла-Гайард. Альберт писал также, что нашел в городе жилье и просил супругу приехать. Та, естественно, не колебалась ни мгновение. Прихватив с собою двух старших дочерей, Жанна отправилась в путь.

Прибыв с Джулией и Габриэль Брив-ла-Гайард, Жанна, к величайшему разочарованию, обнаружила, что супруг обманул ее самым наглым и бессовестным образом. Братья не были владельцами заведения, а работали в прислугах, да еще, ко всему прочему, по уши увязли в долгах. И написал ей Альберт только затем, чтобы женщина вела хозяйство, готовила еду да стирала одежду этому наглецу с его братцем… Жертвенность – вот основная черта натуры несчастной Жанны, и на сей раз женщина не изменила себе.

Париж времен детства и юности Габриэль Бонер Шанель. Конец XIX – начала XX века

Но если мать восприняла ситуацию с покорностью, ее дочери Джулия и Габриэль долгое время пребывали в грусти и слезах. Разочарование девочек было понятным: отец и мать вырвали их из привычной и такой милой сердцу среды: они более не могли радоваться дням насыщенной сельской жизни, когда можно без устали бегать по полям, по лесам, лакомиться спелыми ягодами малины и ежевики… А еще девочки потеряли своих друзей по школе, к которым успели привыкнуть за несколько лет.

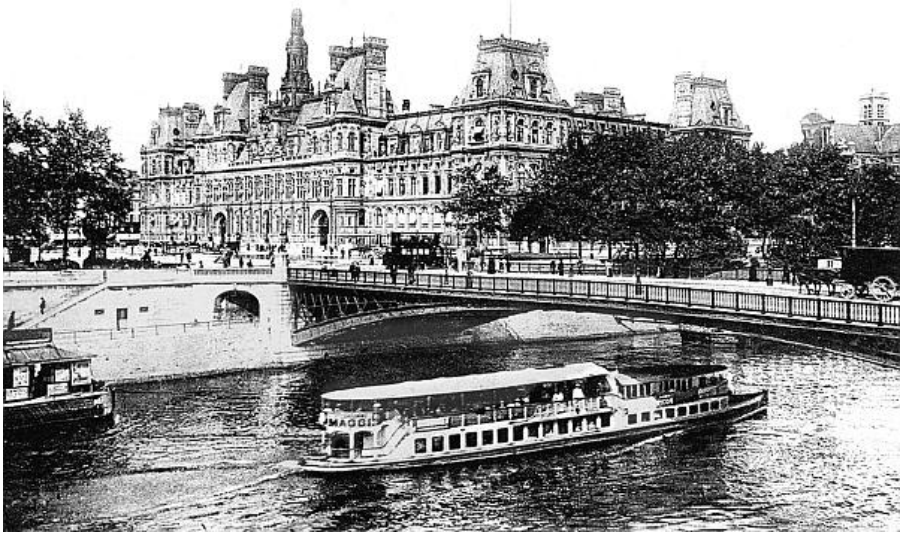
В новой школе и дети, и учителя были незнакомыми, все приходилось начинать сначала. Атмосфера, царившая в городском учебном заведении, отрицательно повлияла на добродушных и раскованных сельских жительниц, обе девочки сильно переживали и часто плакали.

Переезд в этот город, этот захолустный квартал губительно сказался и на Жанне, – ее болезнь стала прогрессировать. Приступы астмы участились, особенно с наступлением холодов, и длились, бывало, уже по часу или два, особенно ночью. Ее ночные приступы кашля будили дочерей, порождая в их душах страх и смятение. Особенно в те минуты, когда их отец начинал зло отчитывать бедняжку, давая понять, что та давно стала им всем обузой.

Неожиданно в лето 1894 года состояние здоровья Жанны немного улучшилось, она оживилась, стала чаще улыбаться, и уже

вновь с готовностью выказывала желание сопровождать мужа в его поездках по разным ярмаркам. Но с первыми осенними холодами приступы астмы возобновились с новой силой; больная стала подолгу просиживать в кресле на кухне, забыв обо всем, пребывая слово в прострации… она погружалась в себя, словно предчувствуя скорый конец всему – и любви, и страданиям, и безнадеге…

Даже дети не могли вывести ее из этого странного состояния. Все, кто видел ее в те дни, замечали, как сильно она переменилась.



Старый Париж

В декабре к астме добавились тяжелые бронхиальные осложнения, но Жанна отказывалась от помощи врачей, – не потому ли, чтобы сэкономить и так скудные финансы семьи…

Жанна все чаще задыхалась, и все чаще ее бил озноб; а то бывало, что женщина падала в обморок, пугая домашних. Но вот как-то февральским утром 1895 года Габриэль, не дождавшись матери, вошла к ней в комнату и тут же закричала от ужаса: ее несчастной матери больше не было в живых. Мучения несчастной кончились; Жанна умерла в возрасте 33 лет. Рядом были две дочери, но мужа, как всегда, не было…

Много позднее, размышляя об ударах судьбы, которые неожиданно подстерегают людей на их жизненном пути, Габриэль Шанель скажет: «Я знаю, что это такое! В двенадцать лет у меня словно отняли все. Мне казалось, что я умерла».

Похоронами пришлось заняться сторонним людям. В серый и холодный день на кладбище в Бриве состоялись скромные

похороны. Присутствовали сводный брат мужа Ипполит, хозяин гостиницы да несколько членов семьи, которые успели приехать. У свежей могилы унылыми тенями стояли тонкие силуэты пятерых детей покойной, вызывая у немногочисленных присутствовавших приступы искренней скорби.

Когда, наконец, Альберт появился в этих краях, он первым делом стал решать, как быть с сыновьями и дочерьми. В силу того, что Альберт превыше всего ценил личную свободу, он решил избавиться от детей – раз и навсегда. Понятное дело: коль молодая супруга его тяготила, то дети и подавно. К сожалению, родственники, у которых и так были многодетные семьи, не могли приютить осиротевших детей. В итоге, двоих мальчиков – десятилетнего Альфонса и шестилетнего Люсьена – городская администрация приписала к разряду «покинутых детей» и передала под опеку Ассоциации публичной помощи, каковая передала их в «сельскую местность, в честные семьи землевладельцев, каковым по сему случаю начисляется ежемесячное пособие». Но повезло ли мальчишкам? – Нам уже не узнать точно. Чаще всего приемыши становились дармовой рабочей силой и жили впроголодь, деля кров с домашними животными. То ли сбегая от тяжелой жизни, то ли в силу наследственности и воспитания (или отсутствия его как такового) мальчики сделались ярмарочными торговцами. В общем, пошли по стопам своего непутевого отца.

Улица французской столицы. Конец XIX – начало XX века

После того, как городская администрация решила судьбу Альфонса и Люсьена, на руках тридцатидевятилетнего вдовца остались Джулия, Габриэль и Антуанетта, которых предстояло

еще пристроить. После того как семьи родственников отказались их принять, Альберт не нашел ничего лучшего, как обратиться за помощью к своей тетушке. Он рассудил так: тетушка замужем за бривским нотариусом, а тот состоит в хороших отношениях с начальницей конгрегации Сен-Кер-де-Мари, попечительствующей над сиротским приютом в Обазине, что между Бривом и Тюлем. И, значит, он нашел решение проблемы!

В одной из трогательных исторических книг рассказывается о судьбе сиротки, милой девочки по имени Мари, которая волей судеб оказалась в том же заведении, что и дочери месье Шанель. Мы можем обратиться к описанию, чтобы понять ситуацию, в которой оказалась наша главная героиня.

«В начале XX века редко кто решался усыновить ребенка-сироту. Приют, притулившийся у стен аббатской церкви Святого Стефана в коммуне Обазин, недалеко от города Брив-ла-Гайард, стал домом для нескольких маленьких девочек, оставшихся без родительской опеки. В шестидесятые годы XIX века, когда бедняков на улицах Брива стало намного больше и монахиням пришлось открыть центр благотворительной помощи, увеличилось и количество сирот. В это же время сестры конгрегации Святого Сердца Девы Марии основали в Обазине, в красивейшем здании старинного цистерианского аббатства, построенном в XII веке, сиротский приют. Мэр и представители епархии обратились к именитым и состоятельным жителям городка и окрестностей с просьбой обеспечить бедных сирот одеждой и пропитанием.

Теперь же монахини принимали под свою крышу не только местных пяти– и шестилетних девочек, чьи родители умерли или исчезли неизвестно куда, но и воспитанниц на полный пансион. В числе учениц были также девочки, которые посещали уроки в монастырской школе, но жили дома, в семьях. И пансионерки, и ученицы школы оплачивали свое пребывание в стенах приюта.

Эйфелева башня – самая узнаваемая архитектурная достопримечательность Парижа, всемирно известная как символ Франции, названная в честь своего конструктора Густава Эйфеля. Построена в 1889 году к Всемирной выставке

В начале XX века дети, доверенные заботам монахинь, были обеспечены и пищей, и одеждой. Жители охотно одаривали приют орехами, съедобными каштанами, растительным маслом, молоком, мясом и фруктами. Кроме того, монахини обрабатывали два огорода, исправно снабжавшие приют разнообразными овощами. Еще у них был живорыбный садок, несколько плодовых деревьев и ферма с птичником, свинарником, клетками с кроликами и даже коровой! Чуть ниже садка разместилась мельница, которая поставляла в приют

электроэнергию.

Одевали своих воспитанниц монахини благодаря щедротам богатых жителей Брива. При монастыре была и своя рукодельня, где воспитанниц учили не только вышивать и шить новую одежду, но и перелицовывать и перешивать старую. В том же, что не касалось материального обеспечения, Мари разделила участь всех брошенных детей, ничего не знающих о своем происхождении. Для одних это неведение было тяжким бременем, для других – необременительной ношей, в зависимости от характера. Мари не жаловалась никогда. От природы девочка была наделена покладистым и жизнерадостным характером. Но кто, скажите на милость, может знать, какие печали и горести тяготят душу ребенка?»

Какое милое описание, и, главное, мы понимаем, что в этом месте будущая Коко научится «не только вышивать и шить новую одежду, но и перелицовывать и перешивать старую».

Стоит отметить, что здешняя природа также располагала к спокойствию и умиротворению, – вполне сносно для тех, кто хотел бы вернуться к сельской идиллии. Все было примерно так: «Склоны долины реки Коррез, текущей между Бривом и Тюлем по ущелью меж высоких скал, были покрыты густыми лесами, которые не пересекала ни одна дорога, ни одна тропинка. Под их густою сенью пробегали разве что кабаны, олени и лани. Посередине одного из склонов помещалось плато, хорошо защищенное от северных ветров, дующих с соседних вершин. В начале XII столетия в этом краю появился худой как щепка… лиможский священник по имени Этьенн», чтобы именно здесь посвятить себя служению Господу. Так в месте для отшельничества появился впоследствии мужской монастырь, а рядом – на отдалении всего-то 600 метров – «на берегу горловины, где пенятся воды реки Куару, впадающей несколькими километрами ниже в реку Коррез, был построен женский монастырь», – куда попадет и сиротка Мари, и сестры Шанель…

«В платье ищите женщину. Если нет женщины, то нет и платья»

Модель в платье от Габриэль Коко Шанель на фоне Эйфелевой башни

«Самый важный поступок – думать о себе. Во всеуслышание»

Приют в Обазине

С 1895 года Габриэль жила в сиротском приюте, и это прибежище напоминало дворец в сравнении с теми местами, в которых ей довелось проживать ранее. Но могло ли ранимое сердце девочки смириться с несвободой? Могла ли она искренне радоваться всему, что происходило в этих чужих стенах, если ее разбитое сердце было так одиноко?

Меж тем, думается, что именно эти просторы и строгая геометрия монастырских красот с годами нашли отражение в моделях, выполненных под искусным руководством Шанель. «Квадратные газоны монастырского сада, обрамленные живой самшитовой изгородью, с вечно журчащим фонтаном в центре, исполненные суровой красоты древние монастырские здания с головокружительными скатами черепичных крыш» могли очаровать кого угодно. Сколько времени ушло на то, чтобы привыкнуть к этому месту, почувствовать себя здесь своей, нужной, обласканной?

Габриэль поселили в дортуаре на третьем этаже; дортуар являл собой длинную галерею, в которой теснились десятки кроватей. Отбой начинался всегда одинаково: в девять часов вечера пожилая надзирательница гасила свет и объявляла полный покой.

Казалось, жизнь в приюте будет идти ровно и размеренно, без всяких таинственных происшествий. Но вот уже спустя три-четыре недели новенькая – Габриэль – получила сказочный подарок в виде пакета, в котором обнаружились отделанное кружевами платье, маленький вышитый кошель, а еще – четки, роскошная вуаль и венчик из роз. Этот дорогой подарок, предназначенный для церемонии причастия, прислал своей дочери отец, – неслыханная щедрость от того, кто не собирался строить будущую жизнь в окружении дочерей.

Французская открытка начала XX века. Такую вполне могла держать в руках Габриэль

Зато девочка поверила, что отец обязательно когда-нибудь приедет и заберет ее из приюта. Долгими вечерами она не смыкала глаз, все мечтала о том, как и в какой момент произойдет это важное событие. Она успела даже всем новым подругам рассказать о том, какой же замечательный ее отец и как он любит ее.

Рассказы девочки вызывали все новые и новые вопросы окружающих, а затем и насмешки. Но ведь не могла же Габриэль признать, что это все – мечты, причем явно несбыточные. Все бы ничего, если бы среди ее товарок были одни лишь сиротки, однако монастырь принимал на воспитание и обучение и «платных». Среди последних была младшая тетушка Габриэль по имени Адриенн и ее кузина Марта Костье. Также следует отметить, что «платницы» носили униформу, сшитую по мерке, из лучших тканей. Утонченная натура Габриэль тяжело переживала подобное унижение.

И когда подружки начали в очередной раз иронизировать по поводу ее все не приезжающего родителя, девочка проявила всю свою фантазию, чтобы рассказать небылицу: ее отец – богатый промышленник, он владеет огромными виноградниками, а проживает в Нью-Йорке, куда привозит свое вино. Он француз, но прекрасно знает английский, и успел сколотить целое состояние в Америке. Но он так поглощен своей работой, что никак не может приехать в жалкую деревушку на берегу реки Коррез.

Странное дело, но на сторону Габриэль встали и ее сестры,

покрывавшие это вранье. И если мальчики семьи Шанель, которые впоследствии стали ярмарочными торговцами, повторяли судьбу своего отца, то девочки, так самозабвенно любившие этого никчемного человека, шли по стопам их несчастной матери. В сговоре сестер: старшей Джулии (по-сестрински Жужу), средней Габриэль и младшей Антуанетты чувствовалась сила семейной солидарности.

В череде приютской рутины проходили дни и месяцы, наполненные молитвами, нехитрой работой и учебой. Школьные занятия велись монахинями: всего понемногу – от истории, географии, арифметики до Закона божьего. А также самое важное, что могло пригодится в будущем для обустройства судеб сироток: их обучали готовке и шитью.

Зимние забавы французской молодежи. Открытка начала XX века

Именно в стенах монастыря произошло одно значимое событие: значимое для мировой моды, или, вернее, для брендов мировой моды. Во время одной из церковных служб, когда монахини и их юные воспитанницы стояли в молитвенном молчании с зажженными свечами в руках, Габриэль обратила внимание на странное сплетение фигур и знаков на искусных витражах. Впоследствии одно из переплетений, запавшее в память, ляжет в основу бренда Дома мод Коко Шанель, личного логотипа великого французского модельера в виде двух переплетенных букв *C*. Которые будут означать французское имя *Coco* (Коко).

…Однажды, уже в другой стране, молодой воспитанник церковного хора, увидев на стенах церкви странный знак, примет

его за основу своей судьбы, своей политики и будущего нации. Этим юношей будет молодой Адольф Гитлер, а судьбоносным знаком, который прочно войдет в его память, – будет свастика.

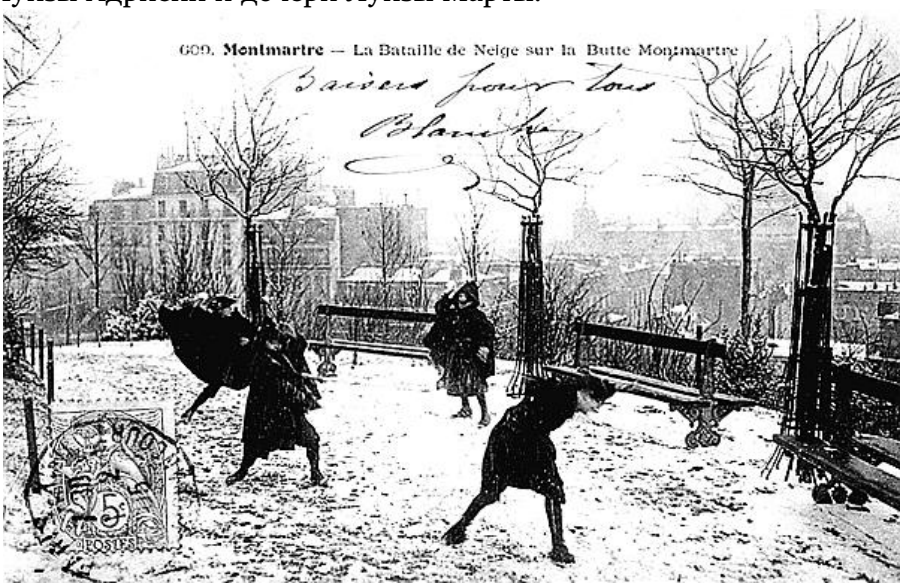
Подобное сравнение в судьбах будущей модницы и будущего диктатора было бы странным, если бы это не происходило в одну и ту же эпоху, и если бы мадам Шанель не закрутила роман с одним из приближенных фюрер немецкой нации – Вальтером Шелленбергом. Впрочем, обо всем по порядку.

Строгие нравы, сестринская трость и скудная еда на общих столах трапезной монастырской школы – таким было детство маленькой Габриэль. Десять лет пребывания в приюте воспитали в юной Шанель твердость характера и желание вырваться из бедности и безвестности. Будучи вынужденной много лет носить форму, она мечтала одеть всех женщин по-своему. Так утверждают многие, кто описывает жизнь знаменитой кутюрье.

Монастырь, оказавший большое влияние на формирование личности Шанель, не научил ее покорности, терпению, кротости и повиновению.

* * *

Спустя три года после приезда в Обазин Габриэль с сестрами пригласили к себе в гости тетка Луиза и ее супруг Поль Костье, служивший на железной дороге; девочкам предстояло провести каникулы у них в Варенн-сюр-Алье, в компании маленькой сестры Луизы Адриенн и дочери Луизы Марты.



Французская открытка начала XX века

Варенн-сюр-Алье являл собой небольшой городишко с тремя тысячами жителей, со скучной архитектурой и не менее скучными жителями. Здесь, в скромном доме родственников, отроковицы впервые открыто беседовали о девичьих секретах, а еще – о моде. «Шитье, которому ее учили в обители, было самого утилитарного свойства – расшить скатерть, окаймить салфетку, раскроить сукно, расширить или заузить юбку». Здесь же она познакомится с самым что ни на есть искусством создавать женские вещи. Как оказалось, ее тетка интересовалась шляпами, причем не покупала их готовыми, а ездила в ближайший город Виши за фетровыми заготовками, чтобы затем перекроить их на свой фасон, смоделировать да украсить в соответствии со своей фантазией. Подобное творчество пришлось по вкусу и юной Габриэль, явно нуждавшейся в приукрашивании своей неказистой внешности.

Наблюдая, как под теткиными пальцами бесформенные болванки ловко превращаются в оригинальные головные уборы, которые впору носить парижским модницам, девушка мечтала о том времени, когда сама сможет проявить подобные таланты. Казалось, она увидела свет в конце сиротского тоннеля.

И даже когда она узнала, что так страстно ожидаемый ею все эти долгие годы отец время от времени наведывает эти края и даже бывает в доме, где она гостит, ее горе хоть и было бурным, но скоротечным. Ибо надо всеми ее несчастиями отныне будет сиять утешительная, сияющая *звезда Моды.*

Последующие месяцы пролетели под знаком мечтаний о будущем и чтения простеньких женских романов.

А вскоре две подружки – Адриенн и Габриэль – сбежали из приюта. Без единого франка в кармане девушки подались в Варенн, к чете Костье. А те, в свою очередь, попытались водворить беглянок обратно в Обазин, однако не вышло: настоятельница категорически отказалась от непослушных воспитанниц. Тогда было решено: в городе Мулен, что в местности Алье, имеется монастырское заведение с безупречной репутацией, – институт Богоматери, который содержат женщины-каноники. Помимо «платных» воспитанниц, как Адриенн, туда берут и бедных сироток. Причем, как выяснилось, по окончании учебы монахини заботятся об устройстве жизни своих выпускниц. Также было оговорено, что Адриенн и Габриэль смогут часто бывать в гостях у четы Костье, – благо Мулен расположен всего в двадцати километрах от Варенна. Более того, в Мулен перебрались дедушка Габриэль – Анри-Адриен со своей женой Анжелиной, пожилая пара сняла скромное жилье в мансарде. Они также стали

принимать участие в заботе о девочках.

Курсы кройки и шитья. Фото начала XX века

Мулен на начало XX века – центр департамента с двадцатью тысячами жителей; местность, по описанию авторов, выглядела так: «Берега широкой и ленивой в этом месте реки Алье выглядели довольно унылыми, зато мощеные улицы центра, застроенные особняками XVI, XVII и XVIII веков, со множеством торговых лавок, и укрытые в тени раскидистых каштанов и платанов проспекты были очень оживленными – не в последнюю очередь потому, что в городе было расквартировано несколько полков, в том числе 10-й егерский».

В пансионе Богоматери Габриэль прожила с 18 до 20 лет. В те времена барышни не могли беспрепятственно выходить за стены обители, кроме как в дни каникул. Впрочем, в каникулы сестры Шанель гостили в Варенне.

Вот какой видится юная Коко своим, явно симпатизирующим ей многочисленным биографам:

«В свои восемнадцать лет Габриэль сложилась в милую юную барышню с белой матовой кожей и очень худощавую. Согласитесь, что в эпоху, отдающую предпочтение дамам в теле и с пышным бюстом, не всегда чувствуешь себя уютно, если у тебя плоская грудь и талия лишь чуть толще, чем у госпожи Полер (наст. имя Эмиль Мари Бушо, знаменитая в ту эпоху певица. – *Ред.*). Но и у Габриэль были свои козыри физической привлекательности. Она обладала особой, самобытной красотой, которая изумляет, возбуждает и побеждает сердца подчас даже в большей степени, чем классические типы красоты».

«Пища должна быть простой. Спать хорошо семь-восемь часов, если столько хочется, спать при открытых окнах. Вставать рано, работать сурово, очень сурово. Это не повредит никому, потому что это создаст бодрость духа, а дух, в свою очередь, позаботится об участи тела. Не сидеть допоздна. В конце концов, что такого уж ценного в светской жизни, чтобы вы пренебрегли подушкой для того, чтобы бодрствовать до раннего утра!»

Удачное фото: юная Коко Шанель

«К восемнадцати годам Габриэль превратилась в красавицу: яркая брюнетка с добрым сердцем и хорошим чувством юмора была душой любой компании».

«Шарм Коко Шанель заключался в ее особенной красоте, оригинальном, тонком уме и выдающемся характере, где любовь к свободе сочеталась с беспрестанной тягой к одиночеству…» и т.д.

И, несмотря на лесть современных писателей, следовало бы

честно признать: без сомнения, эта юная мадемуазель не блистала красотой, да и фигура ее оставляла желать лучшего (ведь век анорексичных худышек еще не наступил!). В то время, как ей выдалась возможность бывать в кафешантанах, она слышала в спину нелестное: «Кутит со всеми напропалую, вот и отощала!», а еще насмешливую кличку: «Голодающая из Индии». В те годы мировые СМИ полюбили публиковать страшные фото исхудавших людей из голодных местностей. «В действительности же Габриэль, сама того не осознавая, положила начало – сильно опередив свое время – новому стилю, который позднее воцарился и с ее легкой руки распространился по всему свету», – справедливо заметили биографы.

Да, сохранилось несколько фото, на которых эта юная особа весьма фотогенична и мила, – что не помешало ей на всех последующих фотографиях выглядеть гадкой утицей, наполненной харизмой. Можно сказать: вместо красоты у этой целеустремленной женщины был ярко выраженный шарм.

«Сдерживать себя, когда обидно, и не устраивать сцен, когда больно, – вот что такое идеальная женщина»

Начало взрослой жизни

В 1902 году Габриэль и ее близкая подруга Адриенн навсегда покинули обитель Богоматери. Им было около двадцати лет. Но, как уже говорилось, это заведение честно исполняло свои обещания устроить жизнь выпускниц; институт Богоматери располагал целой сетью связей, которые помогали девушкам найти и работу, и даже спутника жизни. Так что трудовой карьере Шанель способствовали именно монахини, определившие ее с подругой в магазин свадебной одежды с характерным названием «Святая Мария». Помимо прочего, в магазине можно было приобрести готовое платье, юбки, горжетки, боа и меха, а также ко всему прочему еще и «фурнитуру для портних». Покровительство Девы Марии явно пошло на пользу будущей портнихе, превратившей свое ремесло в высшее достижение XX века.

Более того, девушек – Габриэль и ее тетушку – задушевную подружку Адриенн – поселили в одну комнату в доме в самом центре Мулена, на углу Часовой улицы и рю д'Алье. А это был самый центр коммерческой активности, наиболее оживленный квартал во всем городе. А вскоре девушки, проявившие необыкновенные таланты в деле шитья и рукоделия, стали известны всему городу. Покупательницы и клиентки буквально повалили в магазин – кто за новым платьем, кто за подгонкой и переделкой старого. Причем среди клиенток было немало представительниц дворянских семей. Их пребывание в стенах магазина «Святая Мария» не могло не повлиять на Габриэль, так тянущуюся к высшему свету. Позже она не только станет работать в кругу дворянок, но и обзаведется высокопоставленными любовниками.

Вскоре, желая свободно использовать свои возможности, Габриэль ушла на другую съемную квартиру. Она долго скрывала от хозяев заведения, где работала по десять часов в день, что обзавелась своей клиентурой. Усердная швея благодаря работе в свободные часы смогла скопить некоторую сумму, чему была несказанно рада. В деле шиться обновок ей приходила помогать ее верная подруга Адриенн. У девушек даже оставалось время на посещение центра города, и в особенности площади Алье, являвшейся «средоточием муленских удовольствий вечером по субботам и по воскресеньям». Портнихи с удовольствием стали захаживать в «Гран-кафе» – шикарное новое заведение, созданное по образцу парижского кафе «Максим», которое на стыке XIX и XX веков снискало мировую славу благодаря водевилю Жоржа Федо.

Также они любили посещать чайный салон с таинственным для юных барышень названием «Искушение», располагавшийся в старой части города.

«Прекрасное остается, красивое проходит…»

Как мы помним, Мулен был гарнизонным городом, в котором было расквартировано несколько полков, и потому немудрено, что вскоре на юных дев обратили свои страстные взоры молодые

красавцы. К тому же одна из них – а именно наша героиня Габриэль – стала мелькать на сцене в качестве… певицы. В те годы, когда на сцене скромного, но претенциозного городка в роли певички выступит будущая хозяйка звезд мировых подиумов, еще не родилась мировая звезда кабаре француженка Эдит Пиаф, но эти звезды – на пике своей славы – будут знать друг о друге. Ведь и судьба этих звезд XX века схожая: обе вырастут в полной нищете и предпримут попытку выбиться в люди через сцену…

Оказывается, эта девушка с твердым характером с раннего детства любила петь. В Обазине она вместе с другими воспитанницами пела в хоре в капелле, затем участвовала в хоре в институте Богоматери. Неудивительно, что ей в голову пришла мысль: а не попробовать ли себя в популярном кабаре «Ротонда»? Как водится, ее пение прослушали и дозволили выступать по вечерам на сцене. В ее скудном репертуаре была весьма популярная веселая песенка «Qui qua vu Coco», с которой часто начиналось выступление. За задор и многократное повторение рефрена публика вскоре прозвала юную певицу по-свойски: *Коко*.

Приглашение в Мулен-Руж (букв. «Красная мельница»). Французская открытка начала XX века

С тех пор Шанель начала представляться только этим именем. Так постепенно исчезло имя Габриэль. Но сцена, дав ей имя, не стала для девушки притягательной на всю жизнь. Мечта, забытая на миг, засияла с новой силой. Работая днями напролет продавцом в магазине женской одежды, проводя часть времени за шитьем нарядов для клиенток, Коко Шанель стала одержима идеей открыть свой Дом моды.

К тому же, как только до владельцев магазина «Святая

Мария» дошли слухи о кафешантанных занятиях юных швей, – как тут же были напрочь забыты все их таланты и заслуги, а сами «две кабацкие певицы» оказались на улице.

«Ввиду такого ошеломляющего успеха Коко директор «Ротонды» месье Шабассьер предложил ей годичный контракт, который она рада была подписать. Адриенн, не удостоившаяся такой чести, тем не менее не выказывала ни малейших признаков ревности. Она знала, что не обладает ни тем дарованием, ни тем самобытным шармом, которым природа наградила ее племянницу, ни той силой духа. Что из того! Она ее обожает и преклоняется перед нею! В ее глазах вознаграждение заслуг Габриэль явилось долгожданным торжеством справедливости». И в этом кратком отрывке из книги А. Гиделя вновь видится перепев с судьбой Эдит Пиаф. У нее тоже будет такая же преданная подруга-родственница, и эта ее сводная сестра Симона Берто, проведшая большую часть жизнь подле блистательной простонародной любимицы, напишет впоследствии о ней книгу трогательных воспоминаний.

Зимою 1905 года Габриэль решила, что покинет Мулен и переберется в Виши – городок, который, по меткому выражению, становился в «курортный сезон настоящим сколком Парижа, а для выступавших здесь артистов – подчас этапом на пути к покорению столицы». Однако этот проект не удался – и в силу небольшого певческого таланта, и в силу невзрачности новоявленной артистки. Когда все сбережения были на исходе, ее подруга Адриенн – красивая, высокая, стройная, «с походкой принцессы» – в явном разочаровании вернулась в Мулен, несмотря на уговоры Коко.

«Ныне молодые женщины одеваются не то как клоуны, не то как совсем маленькие девочки… Они не правы. Мужчины не любят маленьких девочек, а если и полюбят, то потом задушат…»

Немногим позже, когда закрылся курортный сезон и Коко возвратилась в Мулен, она уже не застала там свою верную наперсницу. Та поселилась близ Сувиньи, в двенадцати километрах от Мулена, у некоей Мод Мазюель, которую легко представить в роли провинциальной свахи, компаньонки для девушки, дуэньи или задушевной подруги. Эта пышнотелая мадам организовала на своей вилле салон, который охотно

посещали и офицеры из Мулена, и сыновья окрестных помещиков, и юные барышни на выданье, то ли принадлежащие, то ли желающие примкнуть к высшему свету. Среди барышень на подобных вечерах выделялась Адриенн.

В комнатах этого гостеприимного дома, а то и во время вечеринок в салоне (где молодые женщины обретали возможность найти себе спутника жизни) встречались наши подруги. Коко с некоторой завистью наблюдала, как за ее подругой ухаживали господа: граф де Бейнак, маркиз де Жамилак, другие мужи и аристократические отпрыски. Сразу же можно сказать, что симпатичная барышня не упустит свой шанс и через несколько лет станет супругой барона де Нексона.

Вернувшись в Мулен, Габриэль частью вернула, частью приобрела новую клиентуру, чтобы начать, как и прежде, скромно жить, занимаясь шитьем. Ей уже было двадцать четыре года, и она проходила все тот же путь: шитье на дому и пение по кафешантанам. Коко часто видели по вечерам в недавно открывшемся в центре города чайном салоне «Делис», где девушка с удовольствием уплетала горячие булочки с чаем в кругу поклонников. Среди них и давно знакомый Коко «молодой, красивый и богатый» сержант Этьен Бальзан.

Вот что нам известно о первом серьезном поклоннике будущей звезды. Среднего роста брюнет, с небольшими усиками на круглом лице; добрый, честный малый с широкой натурой, имел массу друзей среди офицеров; любитель поесть и всласть выпить; желающий взять из жизни максимум возможного. Он был без ума от беговых лошадей и мечтал, чтобы они участвовали на самых престижных французских ипподромах. Происходил из богатой семьи, жившей в Шатору и владевшей текстильной фабрикой с полутора тысячами рабочих, которая выполняла поставки для французской армии. В силу происхождения и наличия огромного наследства от родителей молодой повеса просто прожигал жизнь. Однако он оказал свое влияние не только на Коко, но и на ее подругу. Фотохроника жизни Коко Шанель сохранила ряд снимков, на которых запечатлены Габриэль, Адриенн и пышнотелая мадам Мод, проводящие время на конных скачках.

Реклама из модного французского журнала начала XX века

Утверждают, что Коко обожала любоваться на худеньких жокеев в белых штанах и шелковых куртках; обожала «весь начальный ритуал, который вносил в зрелище поэтическое и драматическое начало»; так впоследствии именно эта страсть к жокейству выразится у Коко через использование *мужских элементов в женской моде*. И тогда вдохновение, навеянное представителями конного спорта, превратится в реальность: женщины, одетые в стиле Коко Шанель, начнут уподобляться героям ее юности, и станут легко носить мужские брюки на светские приемы.

Отдельные авторы поспешают нам сообщить, что связь с

богатым сержантом была для Коко счастливым шансом. Мол, молодой бравый мужчина увез провинциалку в свой парижский фамильный замок, который много ранее был монастырем. И, мол, вот так, в который уж раз, девушка попала в монастырские стены.

Впрочем, «фамильный замок» был приобретен нашим ловеласом и страстным любителем скачек, и свое влияние здесь сыграли именно лошади. В 1904 году Этьен Бальзан узнал, что неподалеку от Компьена, где проходили конные соревнования, одна вдова тренера по конному спорту выставила на продажу прекрасное имение, именуемое Руалье. Молодого вояку прельстили огромные луга, прекрасно подходящие для пастбищ. Ведь он так мечтал о чистопородных скакунах и участии в ливерпульском «Гран насьональ» или в кроссе По. Он купил имение не торгуясь. Изначально здесь располагался основанный в 1303 году монастырь, куда ездил на богомолье Филипп Красивый. В XVII веке здесь поселились монахи-бенедиктинцы из ордена Сен-Жан-де-Буа, но позже, в годы Великой французской революции, их изгнали с насиженного места.

«У моды две цели: удобство и любовь. А красота возникает, когда мода добивается этих целей»

В какой-то момент Этьен, очарованный худышкой Коко, придумал: он сделает из нее наездницу!

«Скромность и роскошь – две сестры»

Этьен Бальзан. Кавалерист в роли любовника

Коко Шанель переехала в Руалье. Мечтала ли она сделаться хозяйкой богатого поместья? Не исключено. Однако веселый богатый холостяк, коллекционировавший любовниц, воспринимал каждую связь как приключение. И он вовсе не собирался предлагать Коко роль хозяйки его сердца и дома. Габриэль была просто молодой, обаятельной женщиной, любящей лошадей, интересующейся конным спортом. Этого было достаточно, чтобы просыпаться под одной крышей.

Любила ли Коко повесу, если забыла о добродетели? Позже женщина признается, что – нет. Однако в угоду милому молодая содержанка решила во что бы то ни стало сделаться превосходной кавалеристкой.

«Годы спустя Этьен вспомнит, в какое замешательство приводил его стиль жизни Габриэль в начале ее пребывания в Руалье: залеживалась в постели за полдень, у подушки – большие чашки кофе с молоком, под подушкой – бульварные романы по четыре су… Такой лени он ни в ком не видывал сроду! Но в ее-то представлении это была как раз та жизнь, какую полагается вести обитательницам замка. Она с лихвой вкусила беготни за грошовым заработком, материальных затруднений, неуверенности… Хватит с нее! До сих пор она жила, постоянно напрягшись… Теперь появилась возможность расслабиться всем существом…» Воистину иногда приятно почувствовать в себе вкус к лени!

Светским барышням, ловко катающимся на лошадях, полагалась изящная амазонка – длинное суконное платье для верховой езды, укороченное с одного боку и застегиваемое на пуговицы до самой шеи. А к этому костюму нужны еще кожаные сапоги. На все эти дорогостоящие вещи средств у нашей героини не было. И тогда она решается надеть мужские брюки (даже не специальные кавалерийские штаны), что избавит ее от необходимости искать финансы на шикарные сапоги из мягкой кожи.

«Глупые женщины стараются поразить мужчин, одеваясь эксцентрично. А мужчин это пугает, они терпеть не могут эксцентричности. Им нравится, когда оглядываются на их женщин, потому что они красивы»

Вот как описывают начало эпохи женских брюк биографы нашей героини.

«Она отправилась к портному из Лакруа-Сен-Уана, который держал мастерскую у края тренировочной площадки и обслуживал в основном скромную публику из конного мира: конюхов, гарсонов, прислуживающих в конюшнях… Явившись в мастерскую, она извлекла из сумки пару брюк, которые показались ей особенно элегантными и которые она одолжила у

состоявшего на службе Этьена конюха-англичанина.

– Можете сшить такие же и в таком стиле? – спросила она.

– Мадам, надо, чтобы ваш муж явился лично. Мне же нужно снять мерки.

– Так это для меня, месье!

– Для вас? – ошеломленно воскликнул портной.

– Точно так, для меня.

– Но дамам это не к лицу! – сказал он, ошарашенный и возмущенный.

Давая понять, что ответ не произвел на нее ни малейшего впечатления, Коко повторила свою просьбу с таким авторитетом в голосе и взгляде, что портной вынужден был капитулировать. Конечно, она сумасшедшая, эта клиентка, но ведь платит не торгуясь!

Отныне Габриэль, оставив привычку залеживаться в постели за полдень, с невероятной энергией и прилежанием стала брать уроки у Этьена, делая все, чтобы доставить ему удовольствие».

Так мы сумели почувствовать стиль и нравы той далекой от нас эпохи…

Коко почти сразу научилась садиться на лошадь по-мужски. А через несколько месяцев она была уже отменной кавалеристкой.

Все бы ничего, но в этой светлой и почти беспечной жизни проявлялись свои темные, неприличные нюансы. К примеру, любовницы не принимали участие в торжественных обедах, даваемых в честь гостей. В такие моменты Коко и другие молодые мадемуазели усаживались за один стол с конюхами и жокеями. Никакой компрометации, никаких скандалов! Также им – стоящим ниже по социальной лестнице – запрещался вход на трибуны для владельцев лошадей и других почетных гостей на ипподромах. Так было всегда, когда Коко в кругу товарок появлялась на скачках в Шантильи, в Лоншане, в Венсенне, в Трембле, Отейле или Сен-Клу. И это остро ощущаемое унижение наложит свой отпечаток на поведение француженки, когда она станет карабкаться вверх, цепляясь за богатых промышленников и успешных чиновников.

Кадр из фильма «Коко до Шанель» (фр. Coco avant Chanel) – фильма-биографии основательницы Дома моды Коко Шанель, вышедшего на экраны в 2009 году. В роли Коко актриса Одри Тоту

Распорядок дня в поместье Этьена протекал обыденно, места хватало всем и всему; разношерстная компания прожигала жизнь: от скачек на ипподроме в Компьене до шумных вечеринок в Париже, от посиделок за картами до расслабленного лежания под утренним солнцем. «Когда засиживались в Руалье, жизнь текла по строго заведенному ритуалу. После завтрака на залитую солнцем террасу выносились кресла и шезлонги, предназначенные для Этьена и его друзей. Здесь читали и комментировали «Эксельсиор», «Голуа», или «Журналь». Женская половина более интересовалась светской хроникой и модой». Итак, тема моды вновь и вновь мелькает в жизни Коко, вернее – она никуда не уходит из ее наполненной событиями жизни.

Научившись легко держаться в седле, мадемуазель Коко также легко научилась представать перед публикой в «простой экипировке цвета морской волны, похожей на униформу пансионерок монастырских учебных заведений». Как жокейский убор она носила «глубоко сидящие на голове маленькие круглые канотье, перехваченные узкими лентами из плотной шелковой ткани». Не обращая внимания на перешептывания, девушка стала носить «мужские рубашки с лощеным воротником, галстуки и длинные спортивные манто с большими кожаными пуговицами», благо Этьен и его друзья не отказывали ей в удовольствии

заполучить их рубашки. Такая манера одеваться, без сомнения, была эпатажной, и сразу же выделила Коко из толпы. «Чудачка», – шептались за ее спиной, но девушка больше не обращала внимания на насмешливые реплики.

Артур Кэпел, Этьен Бальзан и Коко

Еще одним увлечением сельской барышни стало шитье всевозможных шляпок. И тогда подружки Коко из числа приезжавших в поместье с восторгом примеряли их перед всеми зеркалами, какие только были в Руалье. Коко без колебаний откликнулась на просьбы товарок изготавливать и им такие великолепные эксклюзивные шляпки. Этот опыт явно пригодится ей, когда Коко Шанель откроет свой шляпный салон.

Поняв, что ее возлюбленный явно не собирается связать с ней дальнейшую жизнь, и ее положение вряд ли изменится, девушка впала в отчаяние. «Я проплакала целый год», – как-то признается она.

Разочарование поселилось в сердце, Коко была готова уехать из Руалье… но… как быть дальше? Все решилось внезапно. Однажды во время поездки («охотничьей вылазки») и пребывания в Нижних Пиренеях она встретила англичанина, перевернувшего ее жизнь.

«Есть две вещи, которые мужчине постичь не дано: это тайна Творения и шляпка его жены»

Габриэль Коко Бонер в своей шляпке, 1910 год

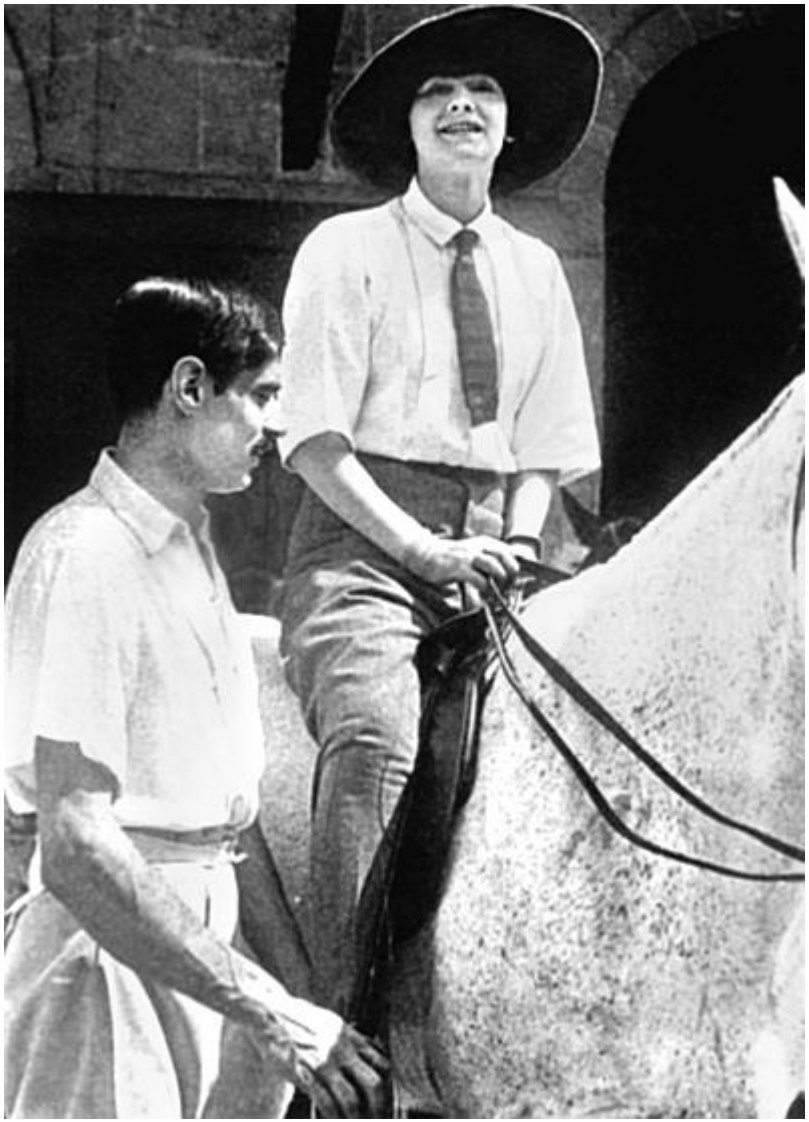
Артур Кэпел. «Мальчик был красив, очень красив…»

Об этом человеке мы знаем, что «он был из тех молодых людей, которые жили в седле и в атмосфере веселья». Коко влюбилась внезапно, с первого взгляда. Позже она говорила о том моменте Полю Морану: «Мальчик был красив, очень красив, соблазнителен. Он был не просто красив, он был великолепен! Мне нравилась его беспечная манера, его зеленые глаза. Он садился на самых гордых лошадей и был очень сильным. Я влюбилась в него».

Ну разве могло ее сердце не затрепетать при взгляде на молодого красавца с густыми и черными, как смоль, волосами, с глубокими зелеными глазами. Ей понравилось в нем все: красота, интеллект, начитанность, изысканность и умение при всех обстоятельствах держаться с достоинством.

Молодого человека, внезапно ворвавшегося в ее «залитую слезами» жизнь, звали Артур Кэпел. Среди друзей чаще ходило другое имя – прозвище Бой.

Об этом человеке ходило много слухов, никто из окружавших его людей не знал наверняка его родословную. Шептались, что он внебрачный сын знаменитого банкира из семейства Перейров, а то, может, даже один из незаконных отпрысков Эдуарда VII. О матери речь вообще не шла. Как бы там ни было, но парень явно не нуждался в деньгах. Ведь он обучался в известных колледжах для богатых: сначала в Бомонте, руководимом иезуитами, затем в Даунсайде, где часть дисциплин вели бенедиктинцы. К тому же он вращался в самых изысканных лондонских кругах, слыл одним из самых уважаемых игроков в конное поло. Будучи наследником своих (скрываемых ото всех) родителей, Артур Кэпел удачно вложил финансы в угольные шахты Ньюкасла, сколотив к своим тридцати годам неплохое состояние.



Коко Шанель и Артур Кэпел, 1907 год

В какой-то момент он оказался в поле зрения Этьена и был приглашен в круг гостей и друзей Руалье. За развитием событий вновь обратимся к Анри Гиделю и его книге «Коко Шанель. Маленькое черное платье», ставшей своего рода классикой жанра в деле библиографий о знаменитом модельере. Впрочем, договоримся, что пространные цитаты, кои будут встречаться на страницах, будут принадлежать именно этому автору в силу доверия к его труду (в остальных случаях будут указываться иные источники). Мы никоим образом не против других исследователей: Эриха Марселя, Криса Гринхола, Карена Карбо, Клода Дэле, Кристины Санчес-Андраре, а также Е. Бажанова, Е.

Белянкина, Е. Рог, Н. Надеждина и прочих авторов, очарованных этой великой женщиной XX столетия и посвятивших ей свои книги. Однако большинство из них являют собой пространный или, наоборот, сжатый пересказ полной приключений и драматизма жизни Коко Шанель, тогда как (ну так уж нам представляется) именно А. Гидель проник в саму душу этой странной женщины; словно он жил бок о бок с ней…

Вернемся же к отношениям Коко и ее возлюбленного. «Но каковым будет его отношение к Габриэль? Судя по всему, последняя и не думала скрывать ту страсть, которую питала к англичанину, и даже внушала себе мысль, что готова покинуть Этьена и составить тому компанию. Но Кэпел и не помышлял ни о чем подобном. Он, безусловно, испытал живейшее влечение к молодой женщине, но этот повеса, по крайней мере внешне, держался джентльменом: он застал Коко под покровительством своего друга Этьена, у которого был гостем – следовательно, вопрос о том, чтобы всерьез отбить ее у него, не возникал. Но, несмотря на все, принимая во внимание свободу нравов, царившую в Руалье, не мог ли Бой стать любовником Коко? Вероятно. Этьен, которого лошади заботили больше, нежели женщины, наверняка должен был бы закрывать глаза на мелкие любовные эскапады со стороны той, в которой он больше видел товарища, чем метрессу».

Начало карьеры. Один из первых нарядов от Коко Шанель

При таком развитии событий не стало громом среди ясного неба, когда девушка объявила своему покровителю, под кровом которого жила уже долгое время:

– Я хочу обосноваться в Париже и сделаться модисткой.

Этьен поступил по-мужски: он решил предоставить в ее распоряжение свою холостяцкую квартиру из трех комнат на

первом этаже дома 160 на бульваре Малешерб. Разве не пикантно: его подружка Коко станет шить там шляпы!

Идею со шляпным бизнесом поддержал и новый друг Коко – Бой. Любопытнее всего, что холостяцкое парижское пристанище англичанина также находилось на этом самом бульваре Малешерб, в доме под номером 138, в ста пятидесяти метрах от будущей мастерской Коко… Все складывалось как нельзя лучше, ведь сама Габриэль Бонер Шанель была без ума от красавчика и надеялась продолжать с ним встречи. А здесь – сама удача ложилась ей в руки…

* * *

Весна 1909 года. Коко в Париже, а с ней ее младшая сестра Антуанетта двадцати двух лет от роду, и в придачу – молодая одаренная модистка Люсьен Рабате, которую Шанель уговорила переехать «из захолустья».

«Узнав, что «малышка Коко» завела в Париже лавку, юные подружки кавалеров из Руалье повалили толпами. Их привлекала перспектива стать обладательницами головных уборов, не похожих на то, что носит весь остальной свет; строгость изделий, лишенных декоративных излишеств, воспринималась ими как эксцентричность. Ну и то обстоятельство, что бывшая метресса Бальзана взялась за дело, хотя могла бы по-прежнему блаженствовать на денежки своего покровителя, явилось для них апогеем шика».

К концу года Коко настолько вошла в раж, что уже замыслила основать собственный бутик под своим именем в престижном районе Парижа. Но для осуществления проекта нужны были деньги, и немалые. Тогда она обращается к бывшему любовнику Этьену, но получает отказ. Он не против того, что она живет и работает в его квартире, но он не готов поддержать ее бизнес. Вот если бы это были лошади…

Француженки. Начало XX века

Однако то, что не сделал Этьен, сделал Бой! Это дало повод друзьям поддразнивать юношу репликами: «Да ты влюблен в нее!» Но ревность, которая, казалось бы, должна была заставить Этьена воевать за сердце своей женщины, не оказалась ни сильной, ни роковой. Первый любовник почти без всякого сопротивления передал свою утешительницу другому. «Впоследствии Коко, вспоминая о тех моментах своей жизни, расскажет Полю Морану, что между ними тремя велись нескончаемые споры, сопровождавшиеся потоками слез. Но, похоже, что это романтическое видение вещей от начала до конца придумано страстной любительницей любовных историй, каковою она осталась навсегда. В действительности же оба соперника были мужчинами благовоспитанными, джентльменами и, сверх того, людьми рассудительными. Этьен быстро сообразил, что противостояние подлинным чувствам между англичанином и Коко было бы с его стороны глупостью. Если верить Бальзану, он сказал своему сопернику следующее:

– Так она тебе по-настоящему нравится?

– Ей-богу… Да!

– Она твоя, мон шер!

И, чтобы скрепить сие джентльменское соглашение, Этьен

позвонил в колокольчик, вызвал своего мажордома и потребовал подать шампанское».

Осенью 1910 года Артур Кэпел открыл в банке кредит на имя Габриэль Бонер Шанель, благодаря чему та смогла нанять под свои мастерские большую квартиру на втором этаже дома номер 21 по улице Камбон. Новую мастерскую украсила табличка: «Chanel modes».

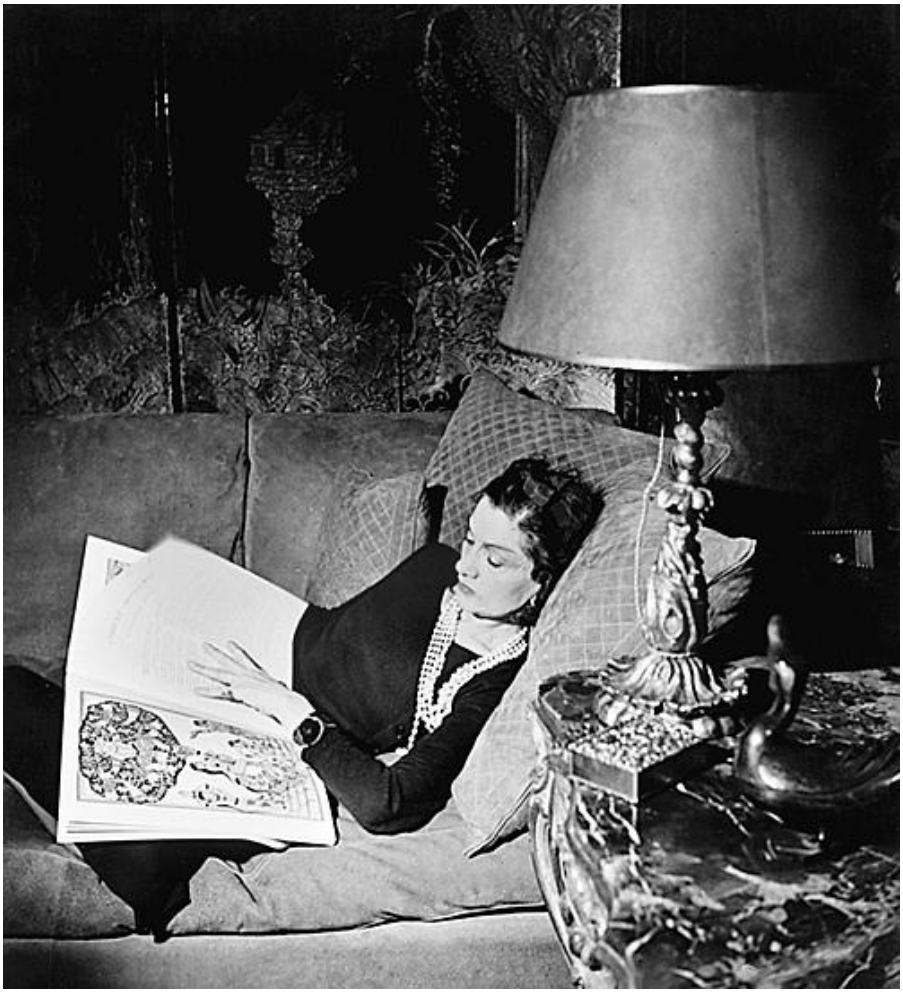
Успех Коко все возрастал. К тому же влюбленный в Коко Бой нанял для их совместного проживания квартиру на авеню Габриэль, окна которой выходили в сад Шанз-Элизе. Влюбленная пара обставила ее роскошными ширмами от Короманделя, «украшенными черным лаком и расшитыми золотом. В течение всей жизни Габриэль не сможет расстаться с этими предметами обстановки (число коих доходило у нее до тридцати двух) и будет перевозить их с квартиры на квартиру – подобно тому, как в средние века перевозили шпалеры из замка в замок – конечно же, как память о своей первой любви». Эти ширмы мы можем лицезреть на многих фотографиях великой Коко; но и сейчас еще они находятся, как утверждают знатоки, в последней ее квартире на рю Камбон. О роскоши ее дома ходили легенды!

«Никто меня ничему не учил. Я всегда училась сама, совсем одна»

Коко, проведшая детство и раннюю юность в нищете, вовсю сорила чужими деньгами. Впрочем, разве не так поступают нынешние содержанки богатых господ? Походы Коко по магазинам участились, и везде она выбирала самое лучшее, самое изысканное и дорогое. Впрочем, как подметил Н. Надеждин в книге «Коко Шанель. Секрет успеха», и сама «Коко никогда не

стеснялась выставлять баснословные цены на свои произведения – а ее платья были подлинными произведениями искусства».

Живя в роскоши, дочь ярмарочного торговца не могла попасть в мир, которому эта роскошь принадлежала – в *мир высшего общества*. Тогда ее возлюбленный Артур вводит ее в мир полусвета, где царствует искусство. Они вместе появляются в театрах, посещают оперу, общаются с известными актрисами и певицами того времени, к примеру, актрисами Жанной Лери, Габриэль Дорзиа, певицей Мартой Давелли и проч. Однако и в этой среде у Коко свои пристрастия. Раз увидев яркую представительницу Мельпомены Айседору Дункан, модистка сочла ее вульгарной и перестала посещать ее танцевальные представления. Однако другую вольную птицу – танцовщицу по прозвищу Кариатида – она и вовсе не осудила, хотя та вела столь разгульный образ жизни, *общаясь* с партнерами обоих полов, что шокировала все общество. Не из-за того ли, что «Каря» преподавала Коко уроки танца? Впрочем, эти уроки не пошли впрок: способностей к танцу в ней обнаружилось не больше, чем к пению.



«Если вы хотите иметь то, что никогда не имели, вам придется делать то, что никогда не делали»

В традициях того времени, Бой свел своих новых знакомок с хозяином поместья Руалье, где те – актрисы и певички – были приняты с нескрываемым восторгом.

И Габриэль не ревновала: она искренне чувствовала себя любимой Артуром, который на деле всерьез заботился о ней. Он, в отличие от остальных ее близких друзей, даже познакомил возлюбленную со своей младшей сестрой Бертой, и та стала ее подругой, видящей, как искренне, как самозабвенно Коко любит ее брата. Впоследствии Коко признается: он был «моим братом, моим отцом и всей моей семьей». Успешная модистка была уверена: Артур Кэпел обязательно женится на ней.

«Бой учил Габриэль мыслить, расширял ее кругозор. Он

готовил эту маленькую несмышленую провинциалку к той важной роли, которую ей предстоит играть в литературной и артистической жизни страны в период между двумя мировыми войнами». Как великолепно подмечено!

Коко танцует. Карикатура Сэма из альбома «Истинный и фальшивый шик», 1914 год

Поль Пуаре. Le Magnifique и «Бедность De Luxe»

Наступил 1911 год. Жизнь Коко шла своим чередом. Она больше не хочет петь, не хочет удивлять свет популярными танцами. Коко держит марку: она хозяйка модного ателье и бутика.

В 1912 году Коко впервые появилась на страницах газеты «Монд», у которой была самая широкая читательская аудитория. Читатели рассматривали страницы с фотографиями очаровательных артисток в шляпках, сделанных Габриэль, и читали о ее потрясающих таланты хозяйки ателье на рю Камбон.

Не став артисткой сцены, тем не менее Коко становится причастной сценическому искусству: она начинает делать костюмы для спектаклей. «В будущем эта роль существенно возрастает, когда, например, Кокто будет заказывать ей костюмы для героинь своих пьес, называя ее «самой великой кутюрье своего времени».

А чтобы стать столь великой, нужно было не только идти в ногу со временем, но и опередить свое время. И здесь многое сыграло свою роль, в том числе совершенно новаторский спектакль Игоря Федоровича Стравинского «Весна священная», созданный для дягилевских «Русских сезонов», постановку которого осуществили весной 1913 года. Хореография спектакля принадлежала Нижинскому. Публика не понимала этого новаторства; зрители неистовствовали, «Стравинский избежал линчевания только благодаря поспешному бегству»; Габриэль «оказалась лицом к лицу с самым вызывающим авангардом». Шокировало ли это ее? Можно рассуждать сколько угодно, но нельзя забывать, что она уже очутилась среди тех, кто пропагандировал свободу отношений и однополую любовь, распространение порно и смешение стилей.

Поль Пуаре. Фото Борис Липницки, около 1925 года

В чем же, в каком сюжете в начале XX века выразилось странное новаторство, освистанное разгневанной публикой?

Вот как писала о премьере будущая жена хореографа Вацлава Нижинского балерина Ромола Пульска: «Волнение и крики доходили до пароксизма. Люди свистели, поносили артистов и композитора, кричали, смеялись. <…> Я была оглушена этим адским шумом и, как только могла, скоро бросилась за кулисы. Там все шло так же плохо, как в зале. Танцовщики дрожали, удерживали слезы. <…> Долгая месячная работа сочинения, бесконечные репетиции – и, наконец, этот кавардак».

Сюжет балета весьма прост, даже, если можно так выразиться, простонароден: на рассвете некое славянское племя

собирается на праздник Священной весны. Начинается веселье, пляски, возбуждающие плоть. Действо умыкания жен сменяется хороводами. Далее начинаются молодеческие мужские игры, демонстрирующие силу и удаль. Появляются старцы во главе со Старейшим…

Глухой ночью девушки избирают великую жертву. Одна из них, Избранная, представ перед богом, сделается заступницей племени. Старцы начинают священный обряд…

В основу замысла «Весны священной» лег странный сон Стравинского, в котором он увидел древний ритуал – молодая девушка в окружении старцев танцует до изнеможения, чтобы пробудить весну, и погибает. Работал над музыкой Стравинский одновременно с Рерихом, который писал эскизы к декорациям и костюмам. Содержание «Весны священной» композитор излагает так: «Светлое Воскресение природы, которая возрождается к новой жизни, воскрешение полное, стихийное воскрешение зачатия всемирного».

И коль нам предстоит рассказать о связи примадонны мира Моды с композитором, дирижером и пианистом, одним из крупнейших представителей мировой музыкальной культуры XX века Игорем Стравинским, то обратимся к любопытной статье И. Грезина «Семейный круг Стравинских» (Le cercle familial des Stravinski), который пишет: «Где бы ни жили Стравинские – в России, Швейцарии, Франции, – их дом всегда был полон гостей и друзей. Об одном из них стоит упомянуть подробнее, тем более, что между двумя знаменитостями артистического мира XX века существовала не только дружеская, но и родственная связь.

Обложка европейского журнала. Реклама гастролей Русского балета, 1910 год

Сергей Павлович Дягилев (1872 – 1929), имя которого так тесно переплелось с именем Стравинского благодаря «Русским сезонам», «Русским балетам», да и всему искусству первой половины XX века, приходился Игорю Федоровичу Стравинскому, между прочим, пятиюродным братом. Их общим предком был немецкий выходец Иоганн Энгель, а в родстве двух знаменитостей смешались многие великорусские, малороссийские, немецкие и польские семьи. Тут и саксонские выходцы Фурманы и Литке (к последней семье принадлежал граф Федор Петрович Литке – адмирал, полярный исследователь, президент Академии наук), черниговские дворяне Холодовские,

виленские дворяне Стравинские, рязанские дворяне Сульменевы, выходцы из Тобольского края Дягилевы…

Самим Дягилеву и Стравинскому об их родстве было известно (не знаем, правда, до каких тонкостей), но мемуаристы в деталях уже путались. «Результаты» творческих отношениях Дягилева и Стравинского известны на весь мир. Напомним лишь, что их сотрудничество плодотворно развивалось и в Швейцарии, и именно в Лозанне была возобновлена – в 1915 году, после паузы, связанной с началом мировой войны – деятельность «Русских балетов»…».

А как же возлюбленный Коко Артур Кэпел? В один из трогательных моментов встречи после короткой разлуки Артур сказал Коко:

– Я живу до тех пор, пока ты меня любишь. И только ради тебя.

Модели конкурента Коко – Поля Пуаре, 1908 год

* * *

1913 год, лето, курорт Довиль. Артур Кэпел останавливает сверкающий «Даймлер» перед роскошным отелем «Нормандия», в машине его спутница – мадемуазель Шанель.

Спустя короткое время они уже вместе принимают решение: Коко откроет здесь свой бутик, ведь по окончании курортного сезона вся эта публика, вернувшаяся в Париж, обязательно вернется к ее искусным моделям, ее платьям и шляпкам, и вновь станет покупать их, но уже в столице.

Коко действительно откроет бутик в Довиле. «Она считала алогичным и даже глупым, что здесь одеваются, как в Париже, и что не существует моды, приспособленной для досуга. «Женщины присутствуют на спортивных состязаниях одетые, будто дамы XV века на рыцарских турнирах», – объясняла она, смеясь. Пора все это изменить!»; «В витринах бутика на рю Гонто-Бирон стали появляться выдуманные ею матроски, кожанки на манер жокейских, затем – легкие куртки, холщовые юбки, шелковые блузки, несколько плащей для прогулок прохладными довильскими вечерами, бижутерия…».

Внешний успех не смог принести полное утешение и покой ее женскому сердцу, с некоторых пор у Габриэль появилась уверенность, что и этот мужчина – несмотря на их тесную связь – не сделается ее мужем. До нее стали доходить слухи о его посиделках в модных кафе и свиданиях с молоденькими барышнями. Бой и в самом деле часто пропадал в «Кафе де Пари» в компании прекрасных иностранок из высшего общества. Оставив свою Коко, мужчина садился за руль могучего «Даймлера» – и *поминай как звали!* Ему не нужно видеть страдания и ревность Коко, и та молча сносила обиды. Она так долго вращается в этой среде, так долго пребывает в роли любовницы, что начинает всерьез осознавать: аристократы не женятся на модистках. К тому же ей уже тридцать. И, значит, ей придется самой ставить точку, чтобы искать нового спутника жизни. А пока она с еще большим усердием отдается работе.

Бутик Коко Шанель в Довиле, 1913 год

«Начиная с весны 1914 года она, конечно, вернулась в Довиль, где ее присутствие замечается все больше и больше, в частности, на соревнованиях поло, где самые броские детали ее наряда – открытый белый воротничок и шляпа-котелок наездницы, переделанный ее заботами, – выделялись среди

принятых тогда фасонов. В тот год весна выдалась много теплее обычного, и Коко была одной из немногих женщин, которые осмеливались, ежась, влезать в море при температуре шестнадцать градусов. Для этого был отгорожен небольшой участок – там, где начинались первые волны, вбили колышки и натянули веревки. Она создала для себя специфический купальный костюм из махровой ткани цвета морской волны, обнажавший тело куда меньше, чем вечернее платье. Но, окаймленный тройным белым петличным шнуром, он не был лишен элегантности. При этом забавно было наблюдать на берегу моря толпу одетых в городские костюмы людей, комментировавших особенности телосложения или поведения дам, которые только окунались в море, но никогда не плавали».

Все эти чудесные нововведения женской моды, запечатленные на черно-белых фотографиях начал XX века, кажутся нам трогательными и наивными, но за ними уже стоит брэнд – *Coco*.

Бутик на рю Гонто-Бирон процветал, к тому же Коко несказанно повезло, когда между баронессой Анри де Ротшильд (близкие прозывали ее Китти) и ее личным кутюрье – знаменитым Пуаре вспыхнул скандал. Поль Пуаре – парижский модельер высшего класса, один из самых влиятельных создателей моды. В истории моды имя Пуаре связано с созданием молодежного стиля. Он был близок с ведущими мировыми модельерами той эпохи, и, в первую очередь, с великолепной Надеждой Ламановой, которая по праву считается создательницей русской модной школы XX столетия и лучшим в истории России художником-модельером. Мы можем вспомнить о ней также в связи с тем, что историки моды впоследствии назовут ее «Русской Шанель». Кстати, не так давно – по принципу: *«модное – это хорошо забытое старое»* – в музеях Московского Кремля проходила выставка творчества знаменитого французского модельера Поля Пуаре. На выставке под названием «Пуаре – король моды» было представлено более 160 экспонатов: наряды, обувь, головные уборы, ткани и многое другое. Выставка творчества Пуаре подобного масштаба прошла в России впервые.

Поль Пуаре перед отъездом в Данию со своими манекенщицами, 1925 год

Свой модный Дом Пуаре основал еще в 1903 году. Король французской моды 1910-х годов Поль Пуаре, которого соотечественники называли просто *Le Magnifque*, искренне ненавидел соперницу, перешедшую ему дорогу – Коко Шанель и назвал «бедностью de luxe». Впрочем, в 1920-м великий Пуаре резонно скажет о хрупкой Шанель другое: «Этот мальчишка еще обставит нас во всех мастях».

Что касается эксцентричной баронессы Китти, то об этой особе авторы говорят следующее: «Эдвард в Австрии пребывал в обществе не только Ротшильда, что было бы ладно, но еще и его жены, а баронесса Китти Ротшильд зарекомендовала себя как чрезвычайно ловкая особа. Даже и сам Эдвард как-то со смехом заметил, что она была протестанткой при первом муже, католичкой при втором и еврейкой при третьем». Здесь Эдвард – тот самый принц, что *женился по любви*, лишившись тем самым британской короны. Так вот, однажды баронесса решила обновить свой летний гардероб, но ехать в ателье самой посчитала ниже своего аристократического достоинства и потому потребовала, чтобы Пуаре прислал ей для демонстрации нарядов группу манекенщиц. Те безропотно предстали перед ней в ее роскошном особняке, но сама хозяйка даже не соизволила встать с постели. Богатая еврейская баронесса придирчиво осмотрела наряды и

приказала девушкам… повернуться к ней спиной. Пока она придирчиво разглядывала их спины в лорнет, ее не менее наглая шутовская рать отпускала колкие насмешки в адрес бедных девушек. Сальные шуточки баронессы и ее молодых друзей пришлись не по вкусу Пуаре; узнав об инциденте, он счел вправе выставить визитершу за порог, когда та наконец явилась в его ателье.

Модный французский дизайнер начала XX века Поль Пуаре

Обуреваемая жаждой мщения, оскорбленная баронесса «решила отныне обращаться только к Габриэль, чьи тенденции в моде были диаметрально противоположны тенденциям Пуаре». Словно в отместку, она стала заказывать у модистки Коко манто и платья целыми дюжинами, да еще взяла за правило направлять к Коко своих богатых подруг. Благодаря этому неожиданному знакомству в ателье одаренной модистки поселился золотой телец.

Вечернее платье от Поля Пуаре, 1913 год

Мода войны-1914

Наступил 1914 год – переломный год великой эпохи; началась Первая мировая война. Англичанин Артур Кэпел был мобилизован. Коко сильно переживала, утешением могло служить лишь то, что все кругом говорили: война не продлится и двух месяцев, даже зимней формы не надо запасать… В действительности же события развивались совсем не так, как планировалось во французском Генеральном штабе. Кэпел стал офицером по связям при маршале Джоне Френче, прославившемся еще в англобурской войне; с началось войны сэр Джон Френч, граф Ипрский назначен командиром Британского экспедиционного корпуса, направленного во Францию. Понятное дело, возлюбленный Коко был слишком занят по службе, чтобы иметь возможность отлучаться из штаба в Париж или в курортный Довиль, где пребывала оставленная им пассия.

Правду говорят: *кому война, а кому – мать родна.* В условиях, когда над миром разразилось гибельное проклятие, Габриэль Бонер Шанель начала по-настоящему сколачивать себе состояние. Именно на заказах Китти Ротшильд и ее товарок, а также на заказах во время военных действий в годы Первой мировой и еще – на заказах времен так называемой русской революции 1917 года будет складываться баснословное состояние Коко Шанель.

Но как события 1914 года могли принести Коко состояние? Ведь она же не крупный промышленник, в конце концов, и не занимается поставками на фронт боевого обмундирования. Кстати, ее основной конкурент Поль Пуаре в это сложное время перейдет исключительно на выполнение военных заказов. «Она объяснит это тем, что на побережье съехалось множество элегантных дам – «им потребовались не только шляпы, но вскоре – за отсутствием других кутюрье – и одежда. У меня в ателье были только модистки. Я сделала из них кутюрье». У этой клиентуры не оставалось выбора, так как бутик Коко был единственным, который по-прежнему работал. Габриэль поместила в витрины изделия, которые создавала для себя, а также те, что предлагала раньше, но сильно упростив их. Шляпы теперь вовсе не украшались ничем. Это была простая и удобная мода, так сказать, мода войны, продиктованная обстоятельствами. Удивительная способность быстро приспосабливаться к новым условиям всегда будет присуща Шанель».

Страница из модного журнала за 1913 год

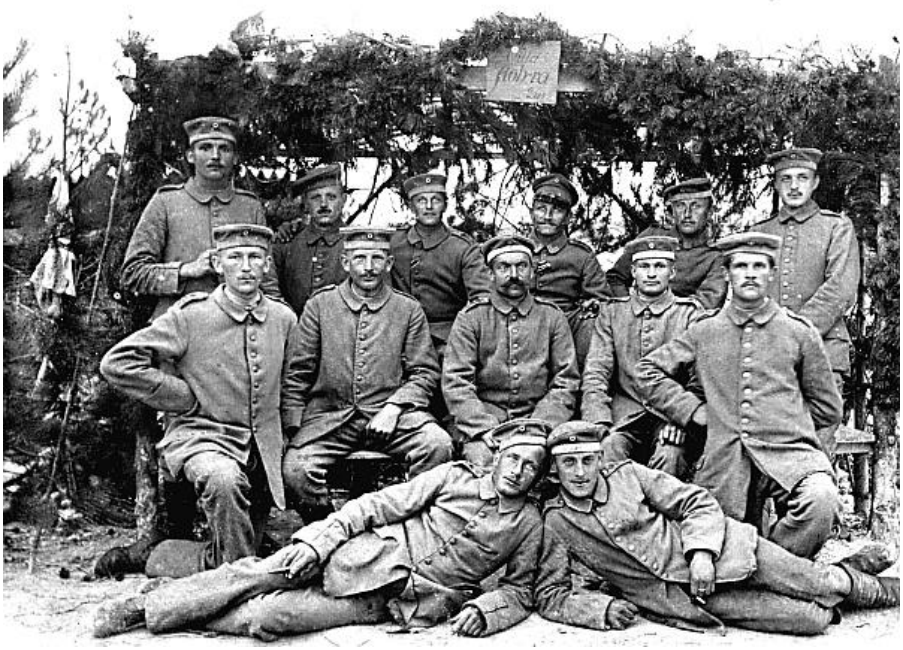
В курортном отеле «Рояль» разместился госпиталь, и многие женщины сделались добровольными сестрами милосердия. Таково было веяние времени. Особенность лишь заключалась в том, что большинство этих мадмуазелей и мадам принадлежали к числу клиенток Шанель. А значит, ей предстояло разработать и сшить для них десятки блуз, изготовить множество специальных головных уборов, отвечающие духу времени. В помощницы Коко призвала сестру Антуанетту и подругу Адриенн, которые уехали в начале августа, когда город опустел.

Вместе с тем биографы спешат сообщить нам, что сама Коко,

несмотря на ее предельно плебейское происхождение и суровую школу жизни, ни разу не посетила госпиталь, не пообщалась с ранеными. А ведь еще несколько лет назад она – начинающая швея и неудавшаяся певичка – водила дружбу с офицерами муленского гарнизона, кавалеристами-молодцами, щеголеватыми красавцами. И вдруг такое… Час милосердия – не в чести у содержанки богачей, не по нраву экстравагантной модистке, ставшей вдруг богатой женщиной. Да, *неисповедимы пути Господни!*

* * *

В июле 1915-го Артур Кэпел был назначен членом французско-британской комиссии по ввозу угля во Францию. Как нюанс укажем: на тот момент 95% французских угольных шахт оказалось на оккупированной территории, в департаментах Норд и Па-де-Кале. И здесь, в этом назначении на новую должность, тоже откровенно попахивало бизнесом.



Участники Первой мировой, 1914 год

Прежде чем приступить к исполнению новых обязанностей, Бой взял несколько дней отпуска, чтобы повезти Коко в курортный Биарриц, расположенный далеко от театра военных действий. Это обстоятельство способствовало тому, что все лучшие отели французского курорта оказались заняты главным

образом испанской аристократией, у которой за многие десятилетия выработалась привычка наезжать сюда.

Естественно, в Биарриц съезжались и богатые французы, чтобы развлечься, поправить здоровье, подышать йодистым воздухом океана. В то время, как во всей остальной Франции были закрыты танцполы, то здесь, в крупных отелях, вовсю танцевали модное с недавнего времени танго.

В то время, как на фронтах войны гибли их соотечественник, Бой и Габриэль в компании с крупным сахаропромышленником Константином Сэ и другой богатой публикой наслаждались отдыхом на песчаном пляже Сен-Жан-де-Люз. В один из таких блаженных дней отдыха спутнице Артура пришло на ум: а что, если открыть в Биаррице модельное дело? Здесь ведь та же богатая, светская, снобистская публика, что и в Довиле. К тому же, грамотно рассудила Коко, Биарриц располагается гораздо дальше от театра военных действий, чем Довиль, и оттого роскошества фривольной моды будут восприниматься здесь менее шокирующе, как в местах, близких к зонам, где люди вынуждены каждый день смотреть в глаза смерти. «В пользу Биаррица говорила также его близость к нейтральной Испании, а значит, не составит проблемы снабжение ателье Коко тканями, нитками и сопутствующими аксессуарами. Кстати, от этого выиграет и ее предприятие на рю Камбон, которое она, понятное дело, не собиралась оставлять. Как всегда, Бой авансировал Габриэль суммы, необходимые для открытия дома от кутюр с коллекцией платьев, которые она собирается дорого продать».

Страница из альбома мод за 1914 год

Недолго думая, Габриэль сняла в Биаррице большую виллу «Де Ларральд», расположенную на рю Гардер; фасад виллы был обращен прямо на роскошное казино. Да, Коко явно не мелочилась и всегда действовала с размахом…

Это был триумф! «По салону Габриэль дефилировали многочисленные испанские аристократки, среди которых были дамы, принятые при дворе Альфонса III, представительницы богатой буржуазии из баскских провинций, Бискайи, Наварры, Арагона, не говоря уже о богатых парижанках, приехавших на побережье отдохнуть».

На рю Камбон не было недостатка в работе; общее число работниц, трудившихся у Габриэль, достигло трехсот. «А работать у нее – не в игрушки играть! Разумеется, жалованье она

выплачивала аккуратно; но, беспощадная к себе, она была столь же строга и с другими и безжалостно увольняла тех, кто не слишком серьезно относился к делу». Блистательная кутюрье и одна из самых элегантных женщин Франции, Коко Шанель имела крутой нрав. Но именно это способствовало процветанию ее знаменитого Дома.

И вот, когда она стала настолько обеспечена, что могла рассчитаться с долгами, она решает вернуть своему возлюбленному все вложенные в нее деньги. Понимала ли она, что за этим может последовать разрыв? Наверняка. Но Коко была лишком горда, чтобы считаться содержанкой и к тому же было ясно, что у них не может быть совместного будущего. К тому же накануне войны она сама заверила его:

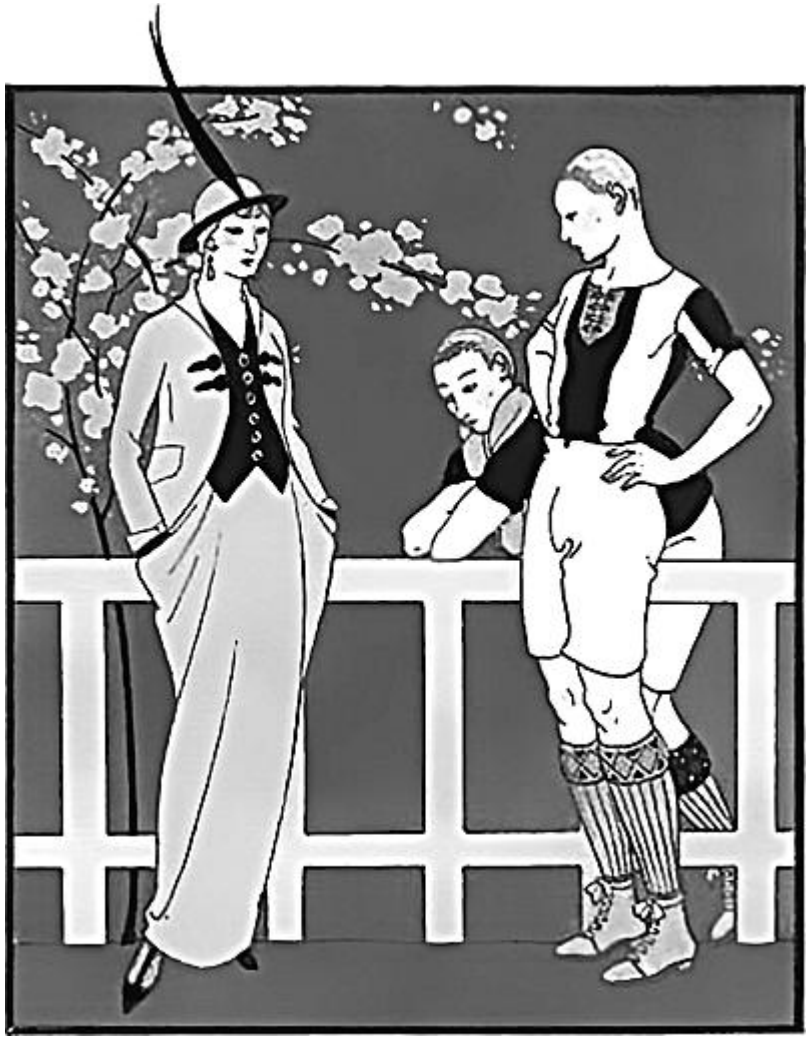
– Пока моя нужда в тебе не кончится, я не буду знать, люблю ли я тебя по-настоящему.

Женщина дает распоряжение перечислить деньги через банк. Когда Бой узнал о поступке Габриэль, он воскликнул:

– Я считал, что дал тебе игрушку, а подарил тебе свободу…

Много позже она скажет:

– Господа Бальзан и Кэпел относились ко мне с жалостью, видя во мне бедного покинутого воробушка. А на деле я была настоящей тигрицей. Мало-помалу я постигла жизнь – точнее, училась находить средства защищаться от нее.



Страница из альбома мод за 1914 год

И в этих словах «бессмертной Шанель» вновь прослеживается идентичность с другой ее великой соотечественницей – Эдит Пиаф, которая сравнила себя с «Воробышком на балу удачи» (так называется книга воспоминаний, написанная французской певицей).

«Мода – это то, что выходит из моды»

Кукла в пальто в стиле Коко Шанель

«Рубище для миллиардерши», или Двуполая мода

Шел 1916 год; трудности с получением добротных материалов никак не заканчивались. И тогда в какой-то момент Коко решает закупить партию бракованной ткани, завалявшейся на складах фабриканта Родье. Еще до войны текстильщику заказали крупную партию джерси, однако заказчики забраковали эту новую ткань, сочтя ее слишком суровой для мужского белья. Познав об этом, решительная Коко скупила все, не торгуясь, да еще заказала Родье новую партию. Эта скромная ткань сродни трикотажу была сложной в пошиве, казалась невзрачной, и оттого не была востребована модистками.

Но Коко Шанель уже все продумала: она имела опыт работы с трикотажной тканью, так нелюбимой ее коллегами по цеху; она прочувствовала, как можно украсить ее, применить, придать естественные формы. Ведь это лучшая ткань для ее худощавого тела!

Следует сказать, что за эталон модели для своих нарядов экстравагантная Коко принимала лишь себя, или такую, как она сама, а никак не дородных, сбитых телом модниц. Ну и что, что ее мальчишечья фигура не вписывается в общепринятые каноны красоты. Ну и что, что ей больше нравится мужской гардероб, в коем всегда есть место рубашкам, жилетам, свитерам, пуловерам, брюкам-галифе и тяжелым пальто.

Стиль конюшни – вот стиль Коко Шанель, который она навяжет обществу с присущим ей диктаторским изяществом.

В годы, когда дела в обществе шли не лучшим образом, когда молодые мужчины гибли на фронтах мировой войны, она почти инстинктивно отказывается от шикарных тканей в пользу дешевого трикотажа и грубого джерси, делая их предметом высокой моды. «Обладая чутким вкусом, она поняла, что это ей подходит – и не только ей, но и многим другим женщинам, которым доставит удовольствие эта исполненная шарма игра в двусмысленность, в двуполость, ею была открыта новая манера акцентировать внимание на женственности – не столь бросавшаяся в глаза, более размытая, но не менее эффектная». Все это даст возможность Коко гордо произнести:

– Прежде джерси шло только на нижнее белье; я оказала ему честь, сшив из него платья и костюмы!

«Мода, не нашедшая признания широких масс, уже не мода»

Костюм из джерси от Шанель, 20-е годы XX века

Для своих клиенток в курортном Биаррице Габриэль быстро

придумывает странные новинки: платье, впервые обнажающее лодыжку и даже чуть выше; платье без талии, но с шарфом вместо пояса, небрежно свисавшим на бедра, при этом горловина открывает не корсаж, а жилет почти мужского кроя. Модные журналы тут же окрестили его «очаровательным платьем-шемизье в стиле женской сорочки от Шанель».

Справедливости ради стоит сказать, что убрать корсет из женского гардероба первым придумала не Коко, а ее основной конкурент – Поль Пуаре: в 1905 году он предложил рубашечный покрой женского платья без корсета, тем самым совершив первый шаг к полной ликвидации корсета.

Понятно, что с отъездом на войну миллионов мужчин женщинам пришлось перейти к несвойственному им прежде активному образу жизни. Новая реальность в виде обретенной свободы и независимости заставила женщин меняться не только внутренне, но и внешне. И Коко сыграла в этом процессе далеко не последнюю роль. Клиентки Коко стали носить струящиеся платья с отсутствием подчеркнутой талии, без акцента на бюст и ягодицы; отсутствие корсета и укороченные юбки делали женское тело более раскованным, но одновременно – более… простым и доступным. Пал барьер между мужчиной и женщиной в виде пышных изукрашенных нарядов, тонны мехов и бижутерии, тяжелых корсетов с кружевами, пуговицами и лентами, широкополых шляп с цветами и перьями… «Дамы недавнего прошлого, украшавшие собою трибуны ипподрома в Лоншане или Шантильи, увешанные бижутерией, точно ходячие рождественские елки, утопавшие в мехах и увенчанные экстравагантными шляпами-тортами, казались теперь анахронизмами из минувшего века». На смену этим жеманницам пришли женщины нового века: спортсменки, гольфистки, автомобилистки, деловые женщины, руководительницы предприятий, простые работницы и сестры милосердия.

«Шанель – это не мода, Шанель – это стиль» Модели в костюмах от Шанель, 20-е годы XX века

Коко Шанель – маленькая, непропорциональная, вечная девочка-подросток, тигрица под маской воробышка – сумела разрушить ненавистную ей моду.

Еще недавно, сообщают историки моды, главной заботой кутюрье был декоративный элемент женской одежды: богатые ткани, яркие краски, вышивки, кружева, оборки, рюшки, помпоны, различного рода бижутерия и всяческие сложные виды отделки. Но, по мнению Шанель, отныне приоритет следует отдать общему силуэту и линии, избавившись при этом от всех ненужных украшательств и финтифлюшек. Однако пройдет совсем немного времени, в Российской империи свершится страшная революция Лениных-Бланков, Троцких-Бронштейнов и прочей большевистской сволочи, и на просторы Франции в спешке станут стекаться лучшие умелицы и модистки дворянских кровей, и тогда, ставшие простыми работницами, швеями, моделями, они принесут новый стиль, известный как «русский стиль» Дома Шанель, – изысканный, утонченный, богатый на отделку и украшательство.

* * *

Еще одним важным нюансом, «запатентованным» в *вечности мира моды*, стала короткая стрижка от Коко. Еще ранее этим же – коротко стриженными волосами – могли гордиться так называемые русские революционерки еврейской национальности, обретающиеся на средства «мировой буржуазии» по Европам, где проходили обучение в деле мировой революции. Но им не могло принадлежать первенство в силу того, что их влияние на мир моды было слишком мало. Вернее, их влияние пролегало в сфере идеологии и террора, но никак не моды. Однако они оказали свое влияние на время, на обстоятельства и на ту же Шанель. Вот такой замкнутый круг.

«Ничто так не старит женщину, как слишком богатый костюм»

Модели в знаменитых костюмах из джерси от Шанель

Введя мальчишеский или жокейский стиль в женской моде, Коко понимает несоответствие длинных волос и тяжелых трудоемких причесок с ее новым стилем. И тогда вдруг решает, что ей очень к лицу короткие волосы, так открывается ее удлиненная шея, которой она по праву гордится. И вот весной 1917 года – с легкой руки Габриэль – в моду мгновенно входит новая прическа. Популярная газета «Журналь» сразу же подмечает феномен события, говоря, что «тенденция носить короткие стрижки распространилась среди женщин в какие-то несколько дней». Прическа, как и шитые наряды Шанель как нельзя лучше подходили для стиля «двуполой моды».

«Каждая женщина имеет тот возраст, какого заслуживает»

Мися Годебска. «Пожирательница гениев»

В эти стремительные, бурные годы у Шанель появилась новая наперсница, о которой она скажет в конце своей жизни: «У меня в жизни была одна-единственная подруга».

И тем самым перечеркнет все остальные близкие отношения, складывавшиеся еще в раннем детстве…

Этой незаурядной личностью, покорившей душу известной модистки, была пианистка Мися Годебска, чьим отцом был польский скульптор Киприан Годебский, пользовавшийся в свое время большой известностью в Европе. О самой девушке говорили: ноты она научилась читать раньше, чем буквы. Ее папаша слыл таким же беспутным, как и папаша Габриэль; Мися родилась (мать ее умерла сразу после родов) в момент, когда он крутил шашни с родственницей своей беременной супруги.

Урожденная Мария София Зинаида Годебска, мадам Натансон, мадам Эдвардс, мадам Серт, Мися, как называли ее на русский лад в кругах дягилевской антрепризы, и, наконец, просто Мизиа для всего художественного и светского Парижа. От французского писателя Поля Морана эта хищная красотка получила прозвище «пожирательница гениев».

Польско-бельгийская еврейка родилась в 1872 году в Санкт-Петербурге. Детство и юность провела в Бельгии, а потом навсегда переехала в Париж. «Родной язык – сообщают биографы Миси, – французский, которому твердое и слегка раскатистое «р», как находили ее друзья, придавало особый «славянский» шарм». Такая подмена понятий о картавом «славянском» *р* возникла ввиду необычного наплыва русских революционеров еврейской национальности, говоривших с таким характерным акцентом.

Мися Годебска, мадам Натансон, мадам Серт. Полотно Пьера-Огюста Ренуара – французского живописца, графика и скульптора, одного из основных представителей импрессионизма

Когда Мисе исполнилось пятнадцать лет, она получила приглашение на придворный бал. Прибыв во дворец и увидев в зеркале милую девушку в платье из голубого тюля с широким муаровым поясом, девушка пришла в такой восторг, что захотела поцеловать ее. Что и сделала: подошла к зеркалу и… коснулась губами собственного отражения. Весьма впечатляет, не правда ли? Этот эпизод раскрывает внутреннюю сущность роковой кокотки, сыгравшей свою странную роль в истории XX века.

Однако после успеха на балу Мися отказывается возвращаться в монастырь Сакре-Кер, куда ее пристроил отец и его третья супруга. И тогда, заняв у друга отца деньги, девочка

сбегает из Парижа в Лондон. Что дало повод судачить, что в английскую столицу девушка бежала со своим любовником, который был на 40 лет ее старше. Уже через два месяца бесстыдница вернулась в Париж; и это уже была «совсем другая Мися – взрослая, независимая, знающая себе цену. Средства на жизнь зарабатывала уроками музыки, которые давала Бенкендорфам – семье русского посланника в Париже», – сообщает нам журналист И. Оболенский.

В 1893 году, в возрасте 21 года, девушка вышла замуж за своего кузена Тоде Натансона. Тадеуш Натансон – один из трех сыновей польского еврея-банкира. У братьев Натансон ходил в знакомых весь литературный и художественный Париж; четыре года назад ими на деньги родителей был основан ежемесячник «Белый журнал», с которым сотрудничали лучшие писатели эпохи. 300 тысяч франков, полученных от бабки в качестве приданого, Мися истратила за один день, оставив их не где-нибудь, а в лучшем бельевом магазине Брюсселя. В этом – высокий стиль куртизанки мирового уровня!

О своем муже она, не стесняясь, судачила с подругами: «Во время занятий любовью с ним я составляю меню завтрашнего обеда».

Супруги владели огромной квартирой в Париже на улице Риволи, и одними из первых обзавелись роскошной яхтой. Благодаря деньгам и влиянию мужа их дом становится одним из самых популярных в Париже. Вот несколько характерных эпизодов, раскрывающих нам сущность лучшей подруги Коко. Что из ее поведения почерпнет для себя Коко Шанель?!

Мися Годебска на отдыхе, самое начало XX века

Вот Миси получает письма от Марселя Пруста, и даже не распечатывая их, приказывает складывать в коробку из-под шляп. Вот знаменитый летчик-ас Ролан Гаррос умоляет ее совершить с ним полет над Парижем. Вот Пабло Пикассо предлагает ей стать свидетельницей на его свадьбе с русской балериной Ольгой Хохловой и крестной матерью новорожденного сына. Вот ее супруг приходит к ней с мольбой уговорить актрису Лантельм, исполнительницу главной роли в его пьесе «Потерянный попугай», стать… его любовницей. О времена, о нравы! Кстати, Лантельм приняла Мисю и поставила условие: жемчужное ожерелье, миллион франков и сама Мися, в которую была влюблена актриса (однако через день, испугавшись, одумалась и согласилась принять ухаживания Эдвардса).

А по вечерам Мися Натансон выходит из своей квартиры на Риволи, доходит до набережной Сены, где была пришвартована роскошная яхта, поднимается на палубу и, устроившись в кресле-качалке с бокалом белого вина, вздыхает: «Неужели и дальше моя жизнь будет такой же беспросветной?»

Интересно, а какую реакцию у вас вызывает подобная

дамочка?

Пока супруг изменял Мисе, она крутила роман то с Альфредом Эдвардсом, то с испанским художником Хосе-Марией Сертом, за которых она последовательно выйдет замуж. В 1905 году Мися, разведясь с Натансоном, вышла замуж за толстого бизнесмена Эдвардса, владевшего среди прочего газетой «Матэн». Воспылав к дородной красотке страстью, Эдвардс буквально вырвал ее из объятий супруга. Прожили они вместо до 1909 года, чтобы соединиться браком с модным художником и декоратором, каталонцем Жозе Марией Сертом. Сын промышленника, он был не менее богат, чем его предшественник, но более образован. Коренастый и словоохотливый коротышка писал полотна гигантских размеров, украшавшие храмы и будуары. Его слабость – пристрастие к алкоголю и морфию, и этим он «вознаградит» и свою возлюбленную подругу Миси.

Пабло Пикассо с супругой – русской балериной Ольгой Хохловой и сыном Паулем

Благодаря каталонцу в жизнь кокотки среди прочих впишется «безумный русский» – Сергей Дягилев (Серт сведет ее с ним в

1908 году во время премьерного показа «Бориса Годунова» в парижской Опера), гениальный устроитель «Русских сезонов», рекламе которых Мися отдаст столько сил. Их странная дружба продолжалась больше двадцати лет. Дягилев говорил, что Мися Серт (к тому времени у нее была уже эта фамилия) – единственная женщина, на которой он мог бы жениться. Жениться? В 1913 году, оказавшись в Венеции в номере Дягилева, она стала свидетельницей, как он среагировал на телеграмму о женитьбе своего главного любимчика Вацлава Нижинского. В мгновение ока вся гостиничная мебель была разрушена.

Дягилев посчитал поступок своего протеже предательством; разве не он писал так трогательно, так страстно в своем «Дневнике»: «Я хочу танцевать, рисовать, играть на рояле, писать стихи. Я хочу всех любить – вот цель моей жизни. Я люблю всех. Я не хочу ни войн, ни границ. Мой дом везде, где существует мир. Я хочу любить, любить. Я человек, Бог во мне, а я в Нем. Я зову Его, я ищу Его. Я искатель, ибо я чувствую Бога. Бог ищет меня, и поэтому мы найдем друг друга». И вот – этот нежный искатель Нижинский нашел своего единственного бога, вернее, богиню…

Об этом страстном танцоре его друг Игорь Стравинский скажет предельно точно: «Нижинского мало назвать танцовщиком, в еще большей степени он был драматическим актером. Его прекрасное лицо, хотя оно и не было красивым, могло становиться самой впечатляющей актерской маской из всех, какие я видел».

Властный Дягилев категорически возражал против замужества своих танцоров и балерин. К примеру, один из его биографов, С. Федоровский, пишет: «Он допускал кое-какие исключения лишь в тех случаях, если такая связь оборачивалась социальными преимуществами и денежной выгодой». Так, балерине Лидии Лопуховой, ставшей женой влиятельного английского экономиста Кейнса, было разрешено остаться в труппе. И здесь можно привести замечательные слова Р. Харрода, написавшего биографическую книгу о члене Палаты лордов Кейнсе, сказанные им в адрес русской жены британского экономиста и бизнесмена, а в ее лице – в адрес всех русских балерин (и не только), вышедших из Российской империи: «Лидия стала первостепенной личностью. Она была хорошей и верной женой, никогда не уклонялась от трудностей. Это создание, созданное из воздуха, полное юмора и эмоциональности, вступило на суровый путь долга как человек, которого с юности воспитывали в строгости. Быть может, глубокая, уравновешенная русская душа помогла ей пронести тяжелое бремя жизни с терпением и благородством. Ее веселость была нескончаемой, ее

дух всегда оставался высоким. Никто не слышал ни слова жалобы, и не только слова, но и шепота, ни вздоха. То, что она давала, шло от ее доброй природы и истинной любви».

Сергей Дягилев, Вацлав Нижинский и Игорь Стравинский, 1911 год

…Друзья Дягилева не раз жаловались Мисе на Дяга. «Этот грязный эксплуататор», – возмущался Лев Бакст. «Он свинья и вор», – уверял Игорь Стравинский. Мися всех слушала, всем сочувствовала и за все платила; на ее средства похоронили Сергея Павловича Дягилева.

В 1929 году Мися вместе с Коко Шанель приехали в Венецию. Они вместе застала его при смерти, вместе проводили в последний путь. Саму Мисю в последний путь провожала Шанель, с которой ее связывали тридцать лет тесной дружбы.

Несмотря на обмен колкостями, Шанель и Серт оставались

самыми близкими людьми. Шанель пришла Серт на помощь, когда ее второй супруг Хосе-Мария увлекся грузинской художницей Русей Мдивани и попросил Мисю о разводе. Но и Мися помогала Коко залечивать душевные раны после неудачных интрижек и романов.

Оставшись без возлюбленного, Мися сумела сохранить дружбу не только с ним, но и с его новой пассией, более того – Мися даже подбирала для нее обручальное кольцо. Свет судачил: они живут в одном доме, втроем… вполне вероятно, так оно и было.

Вацлав Нижинский и Тамара Карсавина в балете «Жизель»

Когда Хосе-Мария Серт умер, в дневнике Миси появилась запись: «Вместе с ним для меня исчез всякий смысл

существования». Результатом пережитого стала почти полная потеря зрения. Утешением ее последних дней стал морфий. Она открыто употребляла наркотики, делая себе уколы прямо на улице. Однажды ей даже пришлось сутки провести в полицейском участке среди проституток и бродяг, так как ее имя было обнаружено в списке торговцев наркотиками. Коко Шанель не раз пыталась вытащить подругу из наркотической зависимости, спасала от беспросветной депрессии и даже выезжала с ней в санаторий в Швейцарию. Но все было бесполезно. В 1950 году, в возрасте 78 лет Миси не стало.

Любопытно, что в мемуарах Миси имя Коко не встречается ни разу. Утверждают, что таковым было желание самой Шанель. Мол, она сама хотела написать о себе, сочинив такую же прекрасную сказку о своей жизни, как и ее подружка.

Уже почти совсем потеряв зрение, Мизиа Серт продиктовала воспоминания, в которых рассказала историю своей жизни. На самом деле в ее книге «Мизиа» о некоторых важных событиях сказано расплывчато, какие-то эпизоды романтизированы, о чем-то она умалчивает, где-то говорит полуправду, а то и вовсе придумывает. Она предстает перед читателем наивной, беспомощной, незащищенной «маленькой девочкой» (как она себя называет), избалованной, но чистой и самоотверженной. Знавшие Мизиа люди, прочтя ее мемуары, иронично улыбались и говорили, что в них есть все, кроме настоящей Миси.

Родившись под именем Мария София Ольга Зинаида Годебска, она осталась в истории как любимая модель Ренуара и Тулуз-Лотрека, муза Стравинского и Равеля, героиня Марселя Пруста и Жана Кокто. Ее портреты, написанные кистью великих художников, можно увидеть в музеях разных концов света – в Лувре и Метрополитен в Нью-Йорке, в Норфолке, штат Виргиния, и в Лионе, в Лондоне и Тель-Авиве, в парижском Музее современного искусства и в Хьюстоне, Берне, Брюсселе, Дрездене, Цюрихе; не говоря уже о том, что они хранятся во многих частных коллекциях. Ей посвятили свои сочинения Стравинский, Равель и Пуленк, Малларме и Верлен писали ей стихи. Она была другом Дягилева и Пикассо. Стала прообразом героини романа Кокто «Самозванец Тома» и двух персонажей в «Поисках утраченного времени» Пруста. О ней написали в своих дневниках Поль Клодель и Андре Жид. Причем писали не только самое лестное. К примеру, Кокто как-то прозвал ее «молодой тигрицей с нежным и жестоким личиком кошечки». Поль Моран написал: «Мизиа – капризная, коварная, объединяющая своих друзей, чтобы иметь возможность поссорить их потом Пожирательница гениев, влюбленных в нее…». То же подтверждал и Пруст. В унисон им

Филипп Бертело говорил, что ей не следует доверять того, что любишь. А вот Коко в разговоре с Марселем Хедрихом скажет о подруге: «Не будь Миси, я так и умерла бы полной идиоткой».

Мизиа Серт на полотне Пьера Боннарда

«В 20 лет ваше лицо дает вам природа, в 30 – его лепит жизнь, но в 50 вы должны заслужить его сами… Ничто так не старит, как стремление молодиться. После 50 никто уже не молод. Но я знаю 50-летних, которые более привлекательны, чем три четверти плохо ухоженных молодых женщин»

Возлюбленный Бой как символ черного цвета

В какой-то момент связь Коко и ее Боя трещит по швам; Артур Кэпел знакомится с герцогиней Сазерлендской. Он встретил красавицу среди сестер милосердия; как и многие ее соотечественницы, молодая дама занималась организацией службы помощи раненым. Как оказалось, еще прежде он приметил ее в Лондоне. Звали девушку Диана Листер, урожденная Рибблсдейл; дочь и невестка лордов, она овдовела, едва выйдя замуж. Ее судьба и бросающаяся в глаза кроткая нежность взволновали душу Боя. Он официально предложил ей руку и сердце, и тут же получил согласие. Сделавшись женихом Дианы, он вошел в высшие круги британского истеблишмента. К тому же он получил назначение политического секретаря британской секции Большого межсоюзнического совета в Версале.

Весной 1918 года Бой встретился с Коко. Позже она признается друзьям: «Прежде чем он сказал слово, я все уже знала сама». Едва за ним затворилась дверь, как она бросилась на подушки выплакивать свое горе.

Свадьба Артура с Дианой состоялась в октябре 1918 года у одного из ее знатных родственников – шотландского аристократа лорда Ловата в домовой капелле замка Бофорт, графство Инвернесс. То был типичный английский замок, каким его воспринимает каждый любитель старинных романов о рыцаре Львиное Сердце…

Она более не жила в Париже; по настойчивой просьбе Боя Коко сняла виллу «Миланез» в непосредственной близости от Мальмезона и пруда Сен-Кукуфа, но откуда открывался чудесный вид на столицу. Отправляя многолетнюю любовницу из Парижа, хотел ли он тем самым избавиться от стеснявшей его теперь женщины или желал посещать ее в полной тайне? «Последнее предположение ближе к истине: с одной стороны, у него теперь будет законная супруга, с помощью которой он полноправно утвердится в высшем обществе, с другой – обожаемая метресса, отношения с которой останутся в точности теми же, что и в прошлом. Трудно представить себе более практичное решение проблемы…»

«Не знаю, почему женщины требуют всего того, что есть у мужчин. Ведь у женщин, среди прочего, есть мужчины»

В парке нового жилища Коко вовсю цвели розы и лилии, – не этот ли аромат ляжет в основу знаменитых духов «Шанель № 5»?

В апреле 1919-го законная жена Кэпела подарит своему мужу дочь, крестным отцом малышки станет сам Клемансо. А вот Шанель не могла подарить Бою малыша: причиной того был аборт, который она сделала еще в Мулене в ужасных условиях,

что привело к непоправимым последствиям.

В том же 1919-м, летом, младшая сестра Габриэль Шанель, 33-летняя Антуанетта выходит замуж за бравого аса британских воздушных сил Оскара Эдварда Флемминга, который был младше своей избранницы на восемь лет. Свадьба состоялась в Париже, свидетелями у Антуанетты были Артур Кэпел и жених подруги-тетушки Адриенн Морис де Нексон. Вскоре после свадебной церемонии молодожены уехали в Канаду. Чтобы занять сестру делом и дать ей средства к существованию, Шанель поставляет свои наряды в Канаду. Но дела – любовные и коммерческие – шли под откос. Мечтающая вернуться во Францию, доведенная до отчаяния несчастная Антуанетта по уши влюбляется в девятнадцатилетнего аргентинского студента, появившегося в стенах их дома. Оставив Оскара, Антуанетта, покоренная экзотическим шармом молодого аргентинца и его превосходным умением танцевать танго, она решается ехать с ним в Аргентину. В канадском Виндзоре супруга Флемминга пробыла всего десять месяцев; идиллия с аргентинцем оказалась еще короче. В итоге Антуанетта оказалась одна в чужой стране без гроша в кармане. Но сестра и на этот раз пришла ей на выручку, выслав деньги и снова поручив ей возглавить представительство Дома Шанель, – на сей раз в Южной Америке. Но спустя несколько месяцев Антуанетта уйдет из жизни при не разгаданных до сих пор обстоятельствах.

Париж, ювелирный магазин. Фото 1919 года

Антуанетта покинула мир в 1920-м, еще ранее – в 1913 году не стало Джулии; из трех сестер Шанель на свете осталась одна Габриэль.

Но на этом ее испытания не закончились.

22 декабря 1919 года; вилла «Миланез», четыре часа утра. С неожиданным визитом прибывает друг Шанель Леон де Лаборд. Он приехал сообщить о несчастье, случившемся с капитаном Кэпелом. «Вот показалась Габриэль, одетая в белую пижаму. «Силуэт подростка, юноши, закутанный в атлас». Она, обычно скрытная в своих эмоциях, на сей раз была не в силах скрыть страдания. У нее из уст не вырвалось ни слова, ни крика, из глаз не скатилось ни единой слезинки. Она буквально окаменела…»

Оказывается, Бой ехал со своим шофером в Канны, где его

ждала жена, чтобы вместе отметить Рождество. По дороге лопнула шина, и автомобиль на всем ходу полетел в кювет. Шофер отделался легкими ранениями, но Артур, у которого был проломлен череп, скончался на месте.

Коко тут же требует, чтобы Лаборд отвез ее туда, немедленно. Они прибыли в Канны. Несмотря на долгую дорогу и усталость, перекинувшись несколькими репликами с сестрой Боя Бертой, она просит отвезти ее одну на место катастрофы. Свидетелем был лишь шофер. Габриэль обошла вокруг искореженного металла, прикоснулась рукой к обожженному железу. Затем села на обочину, и, повернув лицо к встающему над горизонтом солнцу, зарыдала…

* * *

Теперь, когда Коко перенесла очередной удар судьбы, но не утратила силы духа, она решает расширить свои мастерские и с новым рвением и силой приступить к работе. Осенью она переезжает в дом номер 31 по рю Камбон. С тех пор дом 31 станет *храмом фирмы Шанель*, являясь таковым и по сей день.

Парижские улицы. Фото 1920 – 1930-х годов

Габриэль становится также владелицей роскошного темно-синего «Роллса» с обитой черной кожей салоном. «Черный цвет, тень и строгость и здесь останутся ее маркой… И это в области, где царствовали веселые цвета – красный, синий, зеленый, канареечно-желтый… Это с ее легкой руки пошла мода на черные кузова автомобилей! Она и в этой области станет

законодательницей представлений о высшем шике, как за несколько лет до того стала законодательницей мод от кутюр…»

«Все в наших руках, поэтому их нельзя опускать»

Сергей Дягилев. Узаконенные отношения между балетом и модой

Весной 1920 года Габриэль Бонер покидает виллу «Миланез» и покупает просторную виллу «Бель Респиро» в Гарше, на углу улиц Эдуард-Детай и Альфонс-де-Невилль. Ей 37 лет, а рядом – лишь товарки да великосветские друзья, и никто не метит в возлюбленные. В то время из состояния меланхолии подругу вытаскивала Миси, по приглашению которой она стала бывать на многочисленных приемах. И вот все чаще и чаще подруги хозяйки дома стали упоминать о скором возвращении в Париж Игоря Стравинского, пребывавшего с 1914 года в Швейцарии. Творец «Весны священной», «Петрушки» и «Жар-птицы», созданных для С.П. Дягилева, собирался вместе с ним засесть за работу над новым балетом – «Пульчинелла», декорации и костюмы к которому будут выполнены по эскизам Пикассо.

Благодаря Мисе Коко Шанель окунется в мир искусства, и многие художники, композиторы, писатели станут ее друзьями. «С уходом из жизни Артура Кэпела и вхождением в круг Миси для Габриэль началась новая эпоха, в которую значительно обостряется ее восприимчивость и расширяется сфера ее интересов».

Мися потянула подругу в Венецию, где они встретились с Дягилевым. Он в ту пору страстно хотел по возвращении в Париж поставить новую версию «Весны священной» (как мы помним, бурно и гневно встреченной еще в 1913 году). Но проект потребовал бы весьма больших расходов. Дягилев и Мися почти каждый день обсуждали различные пути поиска необходимых средств.

Вернувшись в Париж, Габриэль, с ее щуплой фигурой и малопривлекательной внешностью не вызвавшая у Дягилева никаких эмоций, решает приехать в отель, где тот остановился. Сергей Павлович в раздумьях; но приняв женщину, он неожиданно для себя получает чек на 300 тысяч франков. Брюнетка, на которую он прежде не взглянул бы, становится его благодетельницей, а после и близкой подругой.

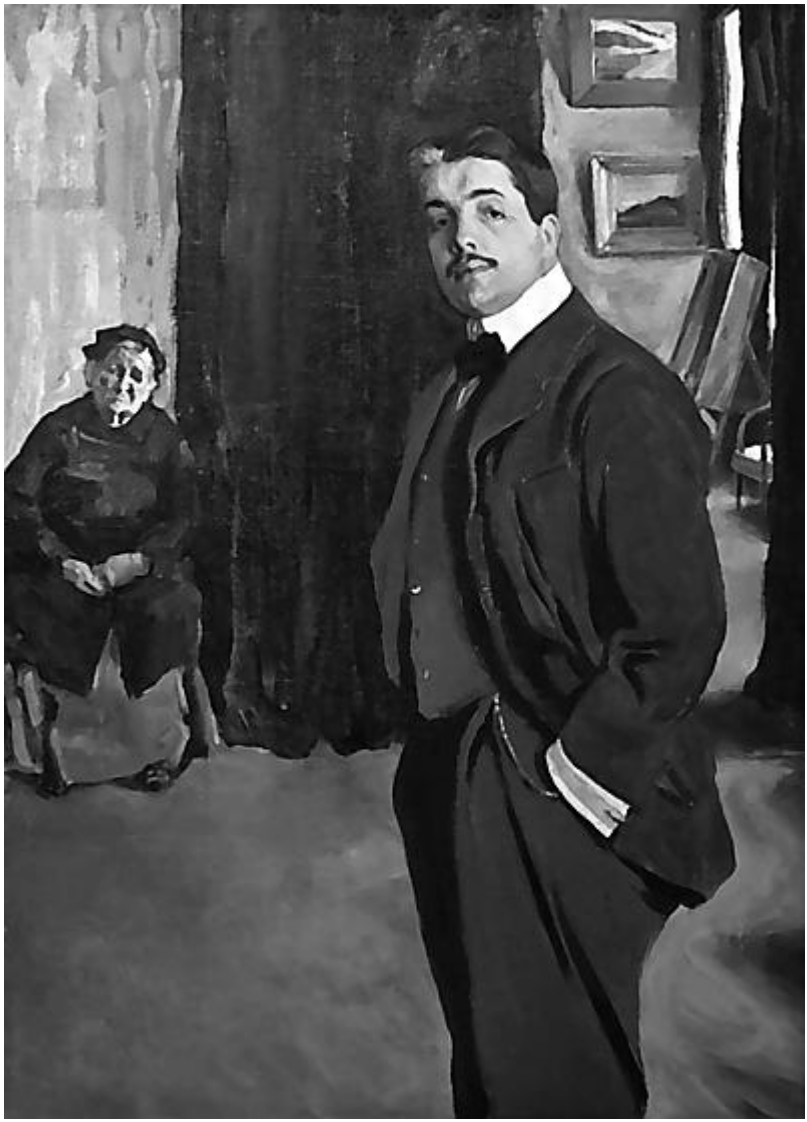
Сергей Дягилев

Начав свою карьеру меценатки с Сергея Дягилева, Коко не остановилась на этом. Узнав, что другой талант – Игорь Стравинский оказался в тяжелых финансовых обстоятельствах, она приглашает его вместе с семьей погостить на вилле «Бель Респиро». В течение двух лет, – сообщают историки музыки и историки моды – вилла наполнялась могучими аккордами музыки Стравинского. Пребывание в доме под Парижем дало композитору Игорю Стравинскому возможность закончить партитуру «Пульчинеллы», а самой Шанель – закрутить с ним короткий бурный роман. Даже одиннадцать лет спустя он

продолжал фигурировать в списке «стипендиатов Великой Мадемуазель» (по словам издателя Бернара Грассе).

Что касаемо Дягилева. По признанию самой Коко, то был самый очаровательный друг. «Она любила его – в его стремлении спешить жить, в его страстях, в его рубище, столь далеком от легенд, в его тяге к роскошествам; ей запомнилось, как он целыми днями забывал об обеде, репетируя ночами, засыпая в театре в кресле, разоряясь, чтобы поставить хороший спектакль, знакомя самых прекрасных художников с самыми выдающимися музыкантами…» И тогда она сама – примадонна высокой Моды – решает включиться в эту гонку. В какой-то мере и благодаря этому союзу «Русские сезоны» во Франции «узаконили отношения между балетом и модой».

Настоящий театральный успех Шанель получила, когда создала костюмы для нового балета дягилевской антрепризы – «Голубой экспресс». Компания, как это всегда бывало у Дягилева, самая высокосортная: либретто написал Жан Кокто, танцы ставила Бронислава Нижинская (сестра хореографа Вацлава), эскиз антрактного занавеса сделал Пикассо. Название балета исходило от супермодного «Голубого экспресса», который с недавних пор доставлял светскую парижскую публику на курортную Ривьеру. Да и герои постановки какие-то слишком уж вписанные в веяния времени: пловчиха, чемпионка по теннису, гольфист, британский аристократ. Все они вступают в романтические отношения, одновременно демонстрируя свою спортивную форму. К слову: спортивная тема была на пике моды, ведь Париж тем летом принимал Олимпийские игры.



Портрет Сергея Дягилева с няней. Художник Л.С. Бакст. 1906 год

«Ничего принципиально нового для себя Шанель в «Голубом экспрессе» не сделала: костюмы стали просто сценической версией ее последней коллекции – вариацией спортивного стиля, который она разрабатывала уже несколько лет. Полосатые свитеры и гольфы, теннисные туники, джерси и плотная шерсть. Аксессуары были не менее важны, чем костюмы – искусственный жемчуг, купальные шапочки и тапочки, наручные часы, очки и даже кодаковские фотокамеры. Танцовщики на сцене щеголяли несценическим загаром – загар был в моде – и во многом благодаря усилиям самой Шанель», – читаем в одном из номеров

современного Vogue (русская версия), в статье «Мода вне сезонов» об открытии выставки в Лондоне, посвященной Сергею Дягилеву и его «Русским сезонам». «Сходить на нее надо всем, кто хочет понять, откуда вышла современная мода», – честно приглашают журналисты.

О постановке дягилевской антрепризы «Голубой экспресс», руку к которой приложила и Коко Шанель, тот же Vogue – но десятилетиями ранее! – напишет: «Русские балеты уже не такие русские: холодные, спокойные, сдержанные цвета скорее напоминают о французском стиле». Откуда взялось такое скромное выражение эмоций? Не оттого ли, что все костюмы для спектакля разработала Шанель?

И ведь верно! Вон как просто объясняют журналисты как же «узаконились отношения между балетом и модой»: «Если для Шанель в этих костюмах не было открытий, то для балетного театра использование бытовых костюмов стало прорывом»; «Впервые светский костюм почти в неизменном виде перекочевал на сцену. Танцовщики дягилевской труппы вспоминали, что танцевать в шанелевских костюмах было неудобно: неудобно «держать» партнершу, одетую в трикотаж; бижутерия огромных размеров мешала движению и проч.»; ««Голубой экспресс» доказал, что мода может напрямую диктовать балетную эстетику».

Русские сезоны Сергея Дягилева. Сцена из балета

Благодаря своей связи с Игорем Стравинским, Сергеем Дялигевым и дружбе с его труппой, Коко Шанель на всю жизнь сохранила любовь не только к русскому балету, но к России и к русским. Известно, что ныне многие костюмы к тем русским балетам хранятся в Канберре, в Национальной Галерее Австралии, в Лондоне, Стокгольме, Техасе и, конечно, в Театральном музее Петербурга…

В 1961 году один из последних «дягилевских юношей» Серж Лифарь познакомил ее с Майей Плисецкой. Русская балерина в своих мемуарах вспоминает, как Шанель, которой было тогда за восемьдесят, устроила в ателье показ осенне-зимней коллекции только для двух зрителей: самой Плисецкой и танцора Лифаря, а потом предложила Майе выбрать любую вещь, которая ей по нраву. Плисецкая колебалась, и тогда Шанель выбрала сама – сарафан и мундир из плотного белого стеганого шелка с темно-синими аксельбантами и золотыми пуговицами. Шанель попросила Плисецкую пройтись по подиуму: «Посмотрим, как умеет носить изделия Дома Chanel балерина из России». После нескольких проходов престарелая кутюрье заключила: «Теперь я верю Сержу, что вы – великая балерина».

Русские сезоны Сергея Дягилева. Вацлав Нижинский, сцена из балета

Великий князь Дмитрий Павлович. В объятиях кузена Николая II

Осень 1920 года, курортный Биарриц. Это лучший сезон для отдыхающих: пронзительное небо, чистый воздух, дыхание океана, пропитанное йодом. Едва начав «роман» с семьей Стравинских в «Бель Респиро», Коко отправляется отдохнуть и посмотреть, как идут дела в ее филиале. В это время здесь продаж больше, чем в Париже.

В один из бесподобных вечеров, проводимых на отдыхе, за легким ужином в кафе собрались три приятельницы, три светские львицы: Коко Шанель, актриса Габриэль Дорзиа и певица из «Опера-комик» Марта Давелли, которая совсем недавно триумфально выступила в «Мадам Баттерфляй» и «Кармен». Последняя была не только популярной певичкой, но и любовницей Великого князя Дмитрия Павловича, кузена свергнутого русского царя. В момент, когда ее возлюбленный отлучился, она шепнула Коко: «Если хочешь, я тебе его уступлю! Он мне дорого обходится».

«В присутствии великого князя в Биаррице не было ничего удивительного. Баскское побережье, как и Лазурное, было населено русскими аристократами, которые вынуждены были бежать из России в годы, последовавшие за октябрьским переворотом семнадцатого. Вполне естественно, они съехались туда, где все напоминало о минувшем счастье. Но большинство из них, потеряв в революционном пожаре все свое состояние, в то же время сохранили в неприкосновенности вкус к роскоши…»

Габриэль Бонер Дмитрий Павлович Романов показался писаным красавцем. Ей импонировали его высокий рост, крепкие, длинные ноги, зеленые глаза, в которых затаилась меланхолическая грусть. Ну и, конечно же, его неотразимый славянский шарм и полная странных приключений судьба. Он участвовал в убийстве «зловещего старца» Распутина, пользовавшегося покровительством царицы Александры и державшего в руках судьбу ее страдавшего гемофилией сына. От гнева императрицы Дмитрий бежал в Персию, взяв с собой своего верного слугу Петра – двухметрового гиганта, который опекал его с детства. Этот побег из России спас Дмитрия от расправы большевиков; он был далеко, когда в Екатеринбурге зловещей июльской ночью 1918 года кровь царской семьи обагрила стены подвала дома купца Ипатьева.

«Роскошь – это когда изнанка так же красива, как и лицо»

Вечерние платья от Шанель, 20 – 30-е годы XX века

Великий князь Дмитрий – внук Александра II, племянник Александра III, кузен Николая II, он потерял мать еще в младенчестве. Его отец, Великий князь Павел, командовавший императорской гвардией, виделся с сыном нечасто; а когда мальчику исполнилось одиннадцать лет, и сам оказался в изгнании. Ребенка передоверили московскому градоначальнику Великому князю Сергею с супругой.

Но Великий князь Сергей пал жертвой покушения, подготовленного большевиками-террористами. «Габриэль влекло к Дмитрию еще и то, что, несмотря на несопоставимость условий, в которых они дотоле жили, в началах их жизненных путей наблюдалась некая схожесть»; «Сиротские детство и отрочество, в которые так недоставало радостей, оттенили его прекрасные

зеленые глаза налетом меланхолии. Кто лучше Габриэль мог понять его отчаяние?!»

Позже Коко, часто бывающая в театре, с эксцентричной значимостью произнесет:

– Принцы крови всегда вызывали у меня безмерную жалость. Их ремесло, когда они его исполняют, – самое грустное из всех возможных; но еще хуже, когда они не могут исполнять его.

Русский изгнанник, без сомнений, терпел материальную нужду, о чем свидетельствовали его потертый пиджак и покрытые трещинами башмаки. Хваткая Габриэль Шанель тут же пригласила Дмитрия в сентябре поселиться у нее в Гарше вместе со своим слугой Петром. Вилла «Бель Респиро» достаточно вместительна, чтобы приютить всех. К тому же, добавила она, там он встретится со своим соотечественником Стравинским и его семьей.

«Я создавала одежду для женщин всего мира, а теперь они стремятся ходить раздетыми»

Купальная мода 20-х годов XX века

А гость Игорь Стравинский вдруг почувствовал в себе неудержимую страсть к богатой женщине. А. Гидель свидетельствует:

« – Вы ведь женаты, Игорь, – возразила она, когда композитор признался ей в любви. – Представляете, что станет с вашей женой Екатериной, если она узнает…

Он ответил ей вполне по-русски:

– Она знает, что я вас люблю. Кому еще, кроме нее, я могу поверить такую великую тайну?!

Но эта обезоруживающая реплика ничуть не изменила отношения к нему Коко».

А здесь еще – в этом завораживающем многоугольнике отношений – встряла склочная подруга Мися Годебска, которая «терпеть не могла, когда что-то происходило между ее друзьями без ее ведома».

Мися, «обладавшая редкостным талантом затевать ссоры», принялась накалять обстановку, драматизируя ситуацию; она уверяла хозяйку «Бель Респиро», будто Стравинский собрался разводиться со своей Екатериной, чтобы взять в жены Коко. Скандалы, в которые включились все домочадцы Коко, а также близкие Миси, вплоть до ее супруга, тяготили Шанель. Она мучилась, Стравинский бесился.

Позже, когда «Русский балет» отправился в Испанию, Игорь пригласил Коко в Барселону, где он дирижировал оркестром. Вместо этого дама решает приступить к соблазнению Великого князя Дмитрия. Она пригласила его запросто, без сантиментов:

– Еду в Монте-Карло, хочу обкатать новую машину. Ты поедешь со мной?

Великий князь явно колеблется, ему неловко признаться, что… наконец он выдавливает:

– Мои финансовые возможности ограничены.

На переднем плане сидят Серж Лифарь и Коко Шанель, сзади сидит И. Стравинский

– Так мы разделим расходы. И нам не обязательно останавливаться в самом роскошном отеле. А бензин оплатит владелец гаража. У него есть средства, поверь мне.

Дмитрий Павлович сдается перед напором настойчивой женщины.

Но польская еврейка Мися не дремлет, она всегда начеку! Ведь «ее извращенная натура жаждет катастроф». Мися, жаждущая скандалов, тут же посылает Игорю Стравинскому, лихорадочно ожидающему в Барселоне свою пассию, телеграмму язвительного содержания: «Коко – попросту швея, которая предпочитает артистам великих князей». Вслед за этим взволнованный Сергей Дягилев предупредил свою подругу по телеграфу: «Не приезжайте, он вас убьет!»

…Когда Габриэль вернулась из Монако, Дмитрий уже был ее любовником. «Те несколько дней, что они прожили там, они развлекались как сумасшедшие – Романовы умели устраивать праздники! Носясь между казино, «Отель де Пари» и модными бутиками, они знали, чем себя потешить. Она дарила ему элегантные одежды, а он, со своей стороны, презентовал ей роскошные драгоценности, которые сумел вывезти из России: жемчужные колье, массивные золотые цепочки, кресты, инкрустированные рубинами, бриллиантами, изумрудами и сапфирами…»

Ну что ж, права была зловредная подружка: модистка предпочитает артистам мужчин царских кровей! А кто бы отказался на ее месте? Сердце бывшей нищенки, взлетевшей на самый верх общества, оказавшейся в постели красавца из разоренного царского рода, трепетало при виде того, как графини, княгини и баронессы, все еще блюдя этикет, почтительно склонялись перед Великим князем Дмитрием, и, титулуя «Ваше высочество», целовали ему руку. Возможно, наша героиня чувствовала себя среди знати в призрачных стенах Зимнего дворца…

Коко и Великий князь пробудут вместе около года, до осени 1921 года. А затем Дмитрий Павлович женится на богатой американке Одри Эмери и уедет жить в США. Но его дружба с Коко будет продолжаться аж до самой его смерти в 1942 году. Позже Коко Шанель примет участие в конфирмации сына Дмитрия – Павла Романова-Ильинского, обосновавшегося в Огайо.

«Если Бог – мужчина, то мужчина – бог»

Коко Шанель и великий князь Дмитрий Павлович Романов, 1921 год

Отношения Коко с русским Великим князем были безмятежными, блаженными. Решив пару месяцев отдохнуть от дел, она сначала поселилась со своим возлюбленным в «Отель де Пале» в Биаррице, затем сняли в Мулло белую виллу «Ама Тикиа», прямо у самой террасы которой плескались волны. Каждое утро за влюбленной парой приплывала моторная лодка, чтобы отвезти их на пустынный пляж, окаймленный соснами. Здесь, вдали от всех, они купались, загорали, занимались любовью, устраивали пикники, гуляли по лесу. К трем часам на лодке приезжал тот же рыбак и забирал их.

Иногда они ездили на экскурсии по окрестностям; или принимали у себя самых близких друзей, среди которых был Жан Кокто, живший в нескольких километрах от виллы «Ама Тикиа».

Отношения с Дмитрием окажутся благотворными для Габриэль. Великий князь помог ей преодолеть ее горе после потери Артура Кэпела – единственного мужчины, которого искренне любила. Коко вновь обрела вкус к жизни и веру в себя.

* * *

Коко на момент ее связи с представителем Русского царского

дома было тридцать семь лет, ее возлюбленному – двадцать девять. Он не только придал ее взгляду и надеждам толику молодости, но и внес в ее искусство моды истинно русские мотивы.

Коко приняла на работу многих русских эмигрантов, в первую очередь друзей и родственников Великого князя. В первую очередь это коснулось женщин из высшего общества, потерявших все свое благосостояние и остро нуждавшихся в работе, чтобы добыть средства к существованию. Габриэль наняла их в качестве швей, золотошвеек, манекенщиц и продавщиц. Она, как свидетельствуют биографы, также пригласила на работу князя Кутузова, бывшего губернатора Крыма, и двоих его дочерей. Этот Кутузов был потомком знаменитого маршала. Она приютила его с семьей у себя на вилле «Бель Респиро», которая стала своего рода русской колонией под попечительством Коко Шанель.

«Не всякая женщина рождается красивой, но если она

не стала такой к 30 годам – она просто-напросто глупа»

Коко Шанель на фото модного фотографа Адольфа де Мейра, 1930 год

«Общение с Дмитрием побудило Коко искать источник вдохновения в различных аспектах творчества русских и самой России… Кстати, в свое время связь с Артуром Кэпелом дала толчок к использованию в ее творчестве английских мотивов, хотя в более скромных масштабах. Славянские мотивы, по ее собственному мнению, оказались куда более яркими. Тут и вдохновленные русским фольклором цветастые вышивки, украсившие платья на бретельках, блузы и рубашки в деревенском стиле. Конечно, «Русские балеты» Дягилева, начиная с 1909 года, уже внесли свой вклад в популяризацию этих многоцветных художественных форм. В этом духе поработали также Поль Пуаре – с 1912 года и чуть позже – Жанна Ланвен. Но никто не черпал в этом источнике вдохновения столько, сколько Габриэль. Она, не колеблясь, наняла на работу 50 вышивальщиц, собрав их в особом ателье, во главе которого поставила родную тетушку Дмитрия – Марию Павловну. И в этом тоже проявилась ее оригинальность. «Никто не умеет лучше, чем Шанель, украшать свои модели оригинальными вышивками», – отметил журнал «Вог» в мае 1922 года. Она обожает оттенять свои креповые платья, блузы и плащи – с преобладающим коричневым и черным – многокрасочными рисунками, кстати, порою выполненными из бисера или в сочетании с блестками. Ну, а источники мотивов… берутся не только в России, но и в Румынии, в Персии, в Индии, в Китае… Выходит, появление этих разорительных вышивок в коллекциях Шанель знаменовало собою конец «роскошной нищете», в которой упрекал свою конкурентку Поль Пуаре, имея в виду, что она часто использует «бедные» материалы для своих изделий? В действительности все куда сложнее: Габриэль, одаренная расцветающим творческим гением, не ведала никаких запретов. Но она всегда оставалась верной своим принципам простоты, строгости и удобства в пользовании, которые определила для себя с самого вхождения в мир высокой моды».

Манекенщица княжна Мери Эристова, урожденная княжна Шервашидзе. Париж, 1929 год

К счастью, *русское влияние* на творчество Шанель не завершилось с окончанием их любовных отношений с Великим князем Дмитрием осенью 1921 года. Ведь с начала и до середины 20-х годов XX века «на рю Камбон язык Толстого слышался, пожалуй, чаще, чем язык Вольтера».

Княгиня Ирина Юсупова, урожденная княжна Романова. Париж, 1924 год

«Шанель № 5»: С любовью из России

Благодаря русскому князю родились самые известные духи XX столетия. Как-то во время прогулки с Дмитрием Павловичем по югу Франции Габриэль Шанель и ее высокопоставленный любовник нанесли визит уроженцу Москвы Эрнесту Бо, чьим отцом был француз, работавший в Грассе химиком в области парфюмерии. Большую часть своего детства Эрнест провел в благополучном Санкт-Петербурге, где его отец работал для Императорского двора. Так что Коко своим триумфом обязана не кому иному, как Великому князю, близкому родственнику Николая II.

…Ежегодно на рынке парфюмерии появляются до 600 новых ароматов. Лишь единицы из них надолго остаются в продаже и памяти покупательниц. Но, – признают утонченные ценительницы духов – нет аромата, способного сравниться с легендарным «Chanel №5». Узнаваемый прямоугольный флакон, знакомая упаковка, знаменитый аромат на протяжении вот уже нескольких десятилетий пользуется феноменальным успехом: флакон духов «Chanel № 5» продается в мире каждые 55 секунд!

Бывший парфюмер царского двора, бежавший из России после революции 1917-го, стал первым парфюмером, которому удалось построить на основе молекул альдегидов полноценный аромат. Существует легенда, по которой парфюмер Эрнест Бо представил мадемуазель Шанель на выбор десять ароматов, из которых она выбрала пятый – мол, отсюда и пошло название шедевра. К тому же, «пять» было любимым числом Коко Шанель.

Специальные справочники дают нам знать: знаменитый аромат «Chanel № 5» состоит из следующих парфюмерных нот:

Верхние ноты: альдегиды, нероли, иланг-иланг, бергамот, лимон;

«Женщины, которые не пользуются духами, – это очень самоуверенные женщины, ибо шлейф правильно подобранных духов, который тянется за прекрасной дамой, всегда сопутствует образу, создаваемому ею, играя в создании этого образа совсем не последнюю, а иногда даже первую роль»

Ноты сердца: ирис, корень фиалки, жасмин, ландыш, роза;

Базовые ноты: амбра, сандаловое дерево, пачули, мускус, виверра, ваниль, дубовый мох, ветивер.

Но революционным оказался не только аромат. Исходя из

своих принципов, обозначенных знаменитым конкурентом – Полем Пуаре как «бедность de luxe», Коко и на сей раз высказалась за простоту и аскетизм. До сих пор фабриканты, наиболее знаменитым из которых был Рене Лалик, изощрялись в изготовлении флаконов, избирая самые разнообразные формы и диковинные орнаменты. Наперекор этому принципу Габриэль предложила простой флакон в форме параллелепипеда, позволявший любоваться таящейся в нем золотистой жидкостью.

Изначально свои духи представляла сама Коко Шанель, однако затем лицами легендарного аромата «Chanel №5» становились блистательные актрисы: Катрин Денев, Николь Кидман, Эстелла Уоррен, супруга Жерара Депардье Кароль Буке. Кароль рекламировала «Chanel №5» на протяжении долгих 15 лет, а после окончания сотрудничества с Домом Chanel в начале XXI столетия трогательно призналась, что 15-летняя «история любви» – это самая длинная и прекрасная история в ее жизни.

Любопытно, что парфюмерная композиция аромата не менялась с момента его выхода в далеком 1921 году. Хотя дом Chanel и выпускал впоследствии новые интерпретации легендарного аромата, отдавая дань изменившимся традициям, оригинальный аромат не изменился ни на йоту. Даже розы, экстракт которых входит в состав парфюмерной композиции Chanel №5, до сих пор выращиваются на той же самой ферме во Франции.

Не так давно Дом Chanel запустил новую рекламную кампанию легендарных духов, лицом которой стала французская актриса Одри Тоту. Она же сыграла роль самой Коко Шанель в биографической ленте о кутюрье «Coco Avant Chanel», вышедшей на экраны в 2009 году. «Коко до Шанель» – это фильм-биография великого модельера, основательницы Дома моды Коко Шанель. Добавим, что в этой великолепной ленте кроме Одри Тоту сыграли Бенуа Пульворд (в роли Этьена Бальзана), Алессандро Нивола (Артур Кэпел), Мари Жиллен (Адриенна) и др. Среди прочих престижных премий, в том числе и премии «Оскар»-2010, этот фильм заслуженно получил премию Cesar за лучший дизайн костюмов.

Эмануэль Буле и Поль Пуаре на парфюмерной фабрике «Розина». Около 1925 года

Специально к выходу своих духов Коко зеркально перевернула букву «С», скрестив ее с другой. После этого и духи, и логотип стали не просто узнаваемыми, но, возможно, вечными в мире Высокой моды. Поразительно, но за первые 50 лет производства этих великих духов компания Коко получила более 70 миллионов долларов.

«Сама Коко Шанель, – пишет Н. Надеждин в своей книге, посвященной *Великой Мадемуазель*, – считала духи неотъемлемой частью женского образа. Она называла их «невидимым украшением». Эту убежденность Коко разделяла и Мэрилин Монро, которая на вопрос репортеров, что она надевает на ночь, кокетливо отвечала – пять капель «Chanel №5»; «…откройте флакон «Шанели №5». Вдохните этот дивный запах. Так пах мир в 1921 году. Так пахла восхитительная, умная, красивая женщина – Габриэль «Коко» Шанель».

Поклонниками этих духов, не выходящих из моды вот уже почти столетие, были и остаются женщины-политики, деловые леди, звезды европейской эстрады и блестящие звезды Голливуда…

every woman alive loves Chanel N° 5

CHANEL

«Каждая девушка должна всегда знать две вещи: чего и кого она хочет»

Игорь Стравинский. Миф о загадочной любви

В 2009 году в рамках Каннского кинофестиваля была продемонстрирована лента «Коко Шанель и Игорь Стравинский» (фр. Chanel Coco & Igor Stravinsky). В фильме рассказывается об отношениях между Коко и русским композитором, которые возникли у них в Париже в 1920-м, – том самом году, когда были созданы знаменитые духи «Chanel № 5». Фильм сняли по роману Криса Гринхала «Коко и Игорь »; свою помощь в создании кино оказал и Карл Лагерфельд, нынешний ведущий дизайнер «Дома Шанель».

Сюжет фильма прост и почти повторяет то, что случилось в жизни, и о чем уже известно нашему читателю.

1913 год, Париж. Коко присутствует на первом, скандальном представлении Игоря Стравинского «Весна священная». Диссонанс в музыке и шокирующая хореография вызывают бурю негодования, но Коко увлекает то, что композитор сумел взбудоражить публику. Семь лет спустя Коко и Игорь встречаются снова. И хотя дела Коко идут превосходно, она грустит по своему возлюбленному, Артуру Кэпелу. А Игорь был вынужден бежать во Францию, спасаясь от Революции 1917 года. В 1920-е между кутюрье и композитором возникает взаимное влечение. Коко приглашает Игоря вместе с женой и детьми пожить на ее вилле под Парижем. В это же время Шанель «одевала» балеты Стравинского, а много лет спустя старшая дочь композитора Людмила работала в ее мастерской. Далее создатели фильма строят актерские сцены на таком мифе: «Растущая близость модельера и композитора приносит пользу их работе: Игорь начинает сочинять произведения в новом, более вольном стиле; а Коко вместе со своим парфюмером Эрнестом Бо создает «Chanel № 5».

«Мужчина, способный на поступки, обречен быть любимым!»

Ну что ж, как и откуда взялись знаменитые духи, мы уже знаем. А вот была ли взаимная – пусть и мимолетная – любовь двух легендарных личностей XX века?

Нет противоречия в том, если мы скажем, что Коко бывала в постели Стравинского, – не зря же он так яростно ревновал кокотку. Впрочем, о его любвеобильном нраве было известно многим.

Влюбившись в свою кузину Екатерину Носенко, он, недолго думая, предложил ей руку и сердце, хотя на венчание пришлось испрашивать разрешение Синода. Воспылав страстью к актрисе и художнице Вере Судейкиной, с которой его познакомил в феврале 1921 года С. Дягилев, он не покинул жену и вплоть до ее кончины в 1939 году практиковал «шведскую семью» втроем. Успокоился Игорь Федорович только женившись на Вере, с которой и прожил благополучно последние тридцать один год жизни. Периодически изменяя супруге, благосклонно воспринимавшей его шашни. Так что даже если любовь между Коко Шанель и Игорем Стравинским была, в ней нет ничего сверхъестественно-романтического, загадочного, в общем, ничего, кроме мифа, где легко сплетаются пошлость и чистота.

Журналисты, ознакомившись с этой историей, вполне резонно утверждают: «Если фильм «Коко Шанель и Игорь Стравинский» воспринимать не как исторический документ, а как банальную мелодраму, то лента вполне смотрится, хотя и не лишена исторических неточностей». «Некоторым историкам показалось, что любовь Шанель к черному и белому (цвета клавиш рояля) – лучшее доказательство страсти русского композитора и французской мадемуазель. Да, Стравинский женщинам нравился и отвечал им взаимностью. Однако самые серьезные свои привязанности предпочитал оформлять законным браком». «Например, Шанель не произносит ни слова по-русски, в то время как доподлинно известно, что в школе она изучала русский язык. К тому же фильм вряд ли послужит хорошей рекламой всему русскому. Чувствуется, что режиссер Ян Кунен считает русских натурами странными и мрачными. Они плохо одеваются, много пьют и постоянно молятся». «Картина начинается мощно и многообещающе – с реконструкции фрагмента из балета «Весна священная» в постановке Вацлава Нижинского, но тут же провисает в череде вялых бытовых сцен, которые, впрочем, время от времени разнообразятся сексуальными контактами, в том числе под роялем. Эту «камасутру», за которой кроме томления от безделья ничего не чувствуется, оператор снимал с наибольшим вдохновением. Все остальное довольно тоскливо. Какой-то минимальный накал ощущается во взаимоотношениях между Коко (Анна Муглалис) и Екатериной (Елена Морозова). Но сам Стравинский в исполнении датчанина Мадса Миккельсена (русских актеров на эту роль режиссер, по собственному признанию, найти не смог) выглядит каким-то статистом».

«Своей манерой одеваться я вызывала насмешки окружающих, но в этом и состоял секрет моего успеха. Я выглядела не так, как все»

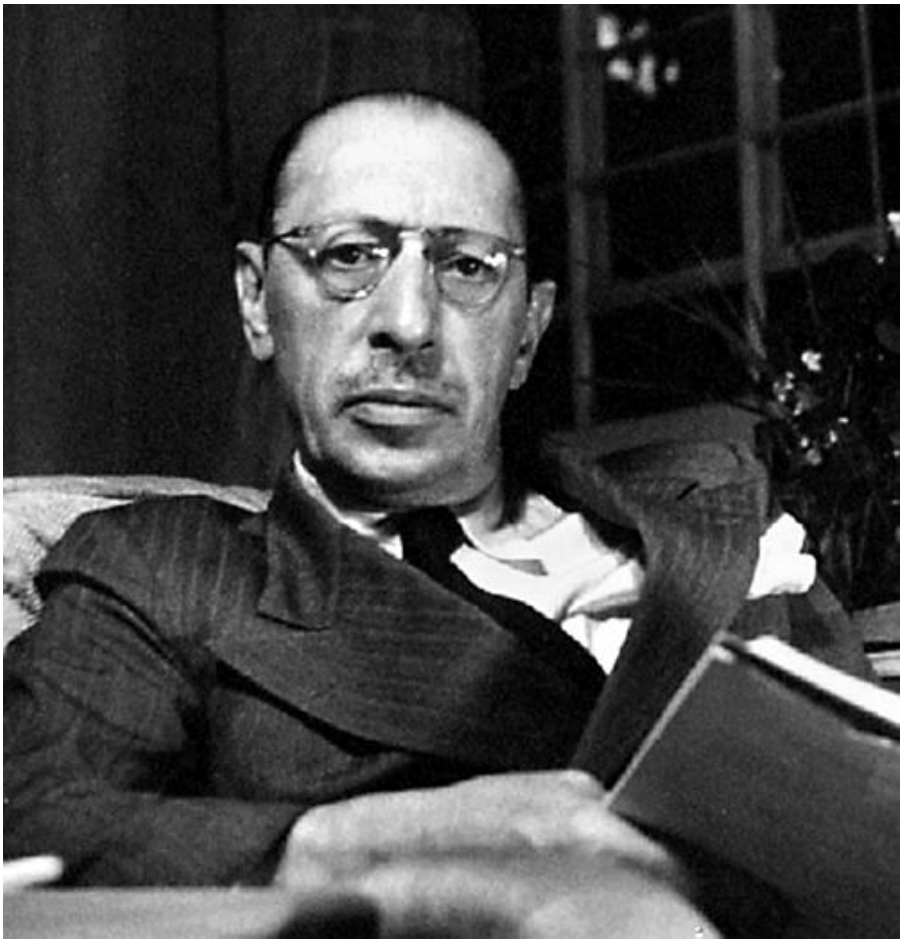
История, в которой мало исторической правды, зато есть захватывающий адюльтер, прокатилась по Европе, которая в тот

момент праздновала 100-летие дягилевских «Русских сезонов», в которых и Коко, и Игорь принимали активное участие.

* * *

Игорь Стравинский прожил огромную жизнь в 89 лет. «И, казалось бы, благополучно этот век, не самый комфортный для любого творчества, проигнорировал, да что там – просто не заметил… – пишет В. Терехина. – Он родился в 1882 году, под упоительный грохот вальсов Иоганна Штрауса и всего спустя год после убийства Александра Второго Освободителя, отменившего крепостное право. А умер в 1971-м, пережив Гагарина и распад группы «Битлз»… И вот ведь что интересно: заложенная в нем программа – создателя совершенно новой музыки, неоклассицизма – как будто вообще не предусматривала таких вещей, как мировые катаклизмы, революции, войны».

Игорь Федорович Стравинский после своей смерти покинет Америку, куда он прибыл накануне Второй мировой – его похоронили на острове Сан-Микеле в Венеции, недалеко от могил его второй жены Веры и старинного друга Сергея Дягилева. А имя Стравинского сегодня носит… загадочный кратер на планете Меркурий. Красиво и, по-моему, как и он сам…



«Мужчина не беспокоится о будущем, пока не женится»

Игорь Стравинский

Среди всех романов знаменитой француженки этот роман со Стравинским – всего лишь короткий всплеск «любви в черно-белой гамме – гамме фортепианных клавиш и платьев несравненной Коко».

Игорь Стравинский на рисунке Пикассо, 1919 год

Пикассо и Пьер Реверди: Между художником и поэтом

Композитор И. Стравинский, наконец смирившийся с тем, что Коко не разделяет его пламенной страсти, подарил ей бывшую до того с ним повсюду икону, которую ему удалось вывезти из России. До самой смерти Габриэль Шанель эта русская святыня будет неизменно находиться на почетном месте в ее доме.

После известных событий с Великим князем Габриэль сняла новое жилище в пятистах метрах от рю Камбон. Размещалась оно в особняке 1719 года. Люди, жившие в этом особняке, тоже были увлечены высоким искусством. Здесь, к примеру, многие годы ранее на суд взыскательной публики молодые таланты выносили свои новые произведения. Вот как об этом свидетельствовал молодой итальянский композитор Джоаккино Россини после того, как в апреле 1865 года он отыграл «Маленькую торжественную мессу» в особняке Пилле-Вилля. В письме к Франческо Флоримо от 10 июня он сообщал: «Счастлив известить тебя, что месяц назад моя месса исполнялась моим другом графом Пилле-Виллем в его палаццо. Поверите ли вы? Парижские ученые благодаря этому произведению произвели меня в разряд ученых и классиков. Россини – ученый! Россини – классик!»

Сначала Коко сняла у владельца, графа Пилле-Вилля, первый этаж, затем второй, а сам хозяин остался на верхнем, третьем этаже. «Комнаты показались ей слишком просторными, но ей по сердцу пришлись высокие застекленные двери, выходившие на террасу, откуда каменная лестница вела в сад, разбитый во французском стиле. Вековые платаны, каштаны и липы смотрелись в расположенный в центре бассейн, хрустальную гладь которого оживлял радужный фонтанчик. Парк простирался до самой авеню Габриэль, от которой он был отделен высокой оградой, раскрашенной в золотой и черный цвета. Точно такая же планировка была и у располагавшегося по соседству посольства Великобритании, и у елисейского особняка…»

Пабло Пикассо

Коко – в который уж раз – с особым неистовством занялась украшательством дома. Впоследствии вспоминая свои квартиры, она скажет:

– Повсюду у меня был чудесный ковер цвета светлого Колорадо, сияющий шелковистыми отблесками, как хорошие сигары, и вытканные в моем вкусе занавески из бархата каштанового цвета с золотыми позументами, похожими на перехваченные золотистым шелком головные уборы, которые носил Уинстон Черчилль. Я всегда платила не торгуясь, хотя мои друзья протестовали, а Мися даже рвала на себе волосы.

* * *

Старинный графский особняк на рю Фобур-Сент-Оноре

посещали самые яркие, самые выдающиеся люди той эпохи, среди которых было немало клиентов Коко. В гостях у Шанель были и Дягилев, и Стравинский, и Кокто, и Борис Кохно, и Этьен де Бомон; и Пикассо, и прочая творческая братия. О Пикассо мы поговорим отдельно. А пока стоит вспомнить, что в этих роскошно убранных покоях бывали и господа из главного мирового финансового клана; несколько членов семьи Ротшильдов охотно проводили вечера у популярной кутюрье.

С авангардным художником Пикассо Коко познакомилась еще в 1917 году, когда тот вместе с Дягилевым работал над спектаклем «Парад». А ныне он был влюблен в Ольгу Хохлову, танцовщицу дягилевской труппы (она подарит ему сына Пауло), и уже не выглядел никчемным мазилой с непомерными амбициями. Ныне его амбиции были удовлетворены: подобного рода искусство охотно ценилось американцами, вот почему в сложные 1920-е годы, когда он посещал особняк Коко Шанель, он всегда был элегантен, при галстуке и часах на цепочке…

Жизнь. Художник Пабло Пикассо. 1903 год

Среди тех. кто наведывался в гости к Габриэль, был и поэт Пьер Реверди – крепкий южанин-коротышка с черными, как смоль, волосами. И с ним она также была знакома много ранее. Коко и Пьер впервые встретились через несколько месяцев после гибели Боя у их общих приятелей.

Сын виноградаря, живущий в Париже лишь на заработок корректора в типографии, Реверди был на шесть лет моложе ее.

Его жена Анриетт трудилась помощницей швеи в ателье.

Прижившись на Монмартре, Реверди стал бывать в гостях у художников и писателей – Амедео Модильяни, Пикассо, Аполлинера, Макса Жакоба, Хуана Гриса и проч.

Творчество Реверди вызывало восторг у его более молодых коллег; в середине 1920-х известный уже тогда Андре Бретон называл его одним из основоположников сюрреализма, а позже и вовсе пафосно называет «самым великим из ныне живущих поэтов».

«Вплоть до 1921 года Габриэль и Реверди были связаны друг с другом узами тесной дружбы. Но мало-помалу это чувство переросло в разделенную любовь. Не объясняется ли отчасти привязанность Коко к Реверди земными корнями поэта? То, что его отец был виноградарем, разоренным кризисом 1907 года, заставляло ее вспомнить об Альберте Шанеле, о котором она сложила красивый миф для своих подружек по сиротскому приюту в Обазине и который на деле лишь мечтал иметь виноградники… Больше даже, будучи ребенком, бедняга содержался взаперти в пансионе, как она – в монастыре. Все это притягивало Габриэль к поэту».

В известных биографических источниках мы находим удивительное описание Шанель как раз того времени, оставленное ее другом Саксом: «Когда она появлялась, вызывал удивление ее маленький рост. Она была очень худощава. Ее черные жесткие волосы были посажены низко, брови срослись, губы улыбались, а глаза блестели, но взгляд был резок. Одежда ее почти вся была одного, очень простого фасона и главным образом черного цвета. Засунув руки в карманы, она начинала говорить. Начало ее разговора было удивительно быстрым и стремительным… Ее мысль следовала теме и развивалась до конца, ей не были присущи, как это часто бывает у женщин, склонность к резонерству, привычка брать свою долю в разговоре, останавливаться на всех сюжетах, о которых заходит речь, и ни одной темы не доводить до завершения. Нить мысли была ясна. В ней чувствовалось крестьянское упорство, которое было одной из черт ее характера».

Герника. Художник Пабло Пикассо. 1937 г. Мадридский журнал «Сабадо графике» писал: «Герника – полотно огромных размеров – ужасна. Возможно, это худшее, что создал Пабло Пикассо за свою жизнь».

Коко Шанель, попавшей под влияние вдохновенной поэтической мысли, не заботили ни странности в поведении возлюбленного поэта, ни его самомнение; эпатажность, перепады настроения и дикие поступки даже импонировали женщине, страстно желающей быть любимой. Вот он – среди сюрреалистов и атеистов, а вот ныне он уже – идеалист и верующий… «Неудивительно, что он снискал ореол «проклятого поэта», этакого Артюра Рембо послевоенных лет. Воистину, это была неординарная личность. Как и Габриэль, которая отводила себе место среди ремесленников, а не среди художников, ему требовалось занятие для рук. Он обожал чинить что-нибудь, мастерить поделки…» А еще он «презирал деньги, но обожал роскошь» (удивительная черта, характерная лишь сумасбродным поэтам да маниакальным большевикам).

Как вел себя этот творец? Он то неделями торчит в богатом особняке у Коко, то в одночасье срывается с места и мчится на Монмартр, где его терпеливо дожидается бедная, страдающая от отсутствия мужа и денег Анриетт.

…30 мая 1926 года он торжественно сжег на глазах друзей многие из своих рукописей, чтобы затем удалиться в Солем, где разочарованный поэт вместе со своей верной подругой Анриетт станет вести скромную жизнь в скромном домике (уж не на деньги ли, ссуженные ему любовницей?).

На протяжении еще многих и многих лет Пьер Реверди и

Габриэль Бонер останутся не только друзьями, но и… О, Шанель умеет платить за любовь. Пусть даже и призрачную!

Коко тайком, через друзей приобрела у Реверди рукописи, она передавала деньги издателям, чтобы те печатали его стихи и выплачивали отшельнику гонорары. В ее личной библиотеке имелись все сочинения Реверди, а также большая часть его рукописей.

«Уход за собой должен начаться с сердца, в противном случае никакая косметика не поможет»

Этот возлюбленный Габриэль умрет в 1960 году (а был ему 71 год), и, если верить литераторам, до самой своей смерти он не переставал испытывать к ней самые нежные чувства. Коко искренне считала Реверди величайшим поэтом своей эпохи. она читала и перечитывала его стихи, подчеркивая карандашом близкие порывам ее души строки и мысли. Когда его не станет, ее будет бесить то, что поэт оказался забытым своими современниками.

Справедливости ради, стоит сказать, что его имя все же осталось в литературных энциклопедиях. Открыв одну из них, мы прочтем совершенно сухие строчки, за которыми спрятана ранимая душа мятущегося французского поэта. «Родился в Нарбонне на юге Франции в семье потомственных народных скульпторов и виноградарей; воспитание в патриархальной среде провинциальных ремесленников определило «руссоистское» отношение поэта к буржуазной цивилизации. Разорение отца заставляет молодого человека уехать в Париж, где, живя в большой бедности, работая в типографии, все свободное время он посвящает поэзии; скоро происходит его сближение с передовыми поэтами и художниками Г. Аполлинером, Б. Сандраром, А. Сальмоном, М. Жакобом, П. Пикассо, А. Матиссом и др. В годы Первой мировой войны Реверди пошел в армию добровольцем, но в 1916-м был демобилизован.

Его ранние стихи сер. 1910-х – нач. 1920-х, объединенные в сборник «Осколки неба» (1924), тесно связаны с сюрреализмом, к разрыву с которым поэт приходит в 1925 – 1926; в это же время он бежит от городской цивилизации в местечко Солем на реке Сарте, где и поселяется навсегда, весьма редко появляясь в столице. Стихотворения второго, солемского периода его творчества, в которых постепенно начинают преобладать реалистические тенденции, объединены в итоговой книге «Труд рабочего» (1949), куда были включены также неизданные стихи 1913 – 1915. Реверди является автором романа «В нашей шкуре» (1926), сборника рассказов «Среди риска и опасностей» (1930) и трех книг заметок и размышлений философского и эстетического характера: «Шершавая перчатка» (1927), «Мой судовой журнал» (1948) и «В навал» (1956). Поэт, в своих теоретических построениях определявший поэзию как «деятельность духа», как «действие», с особой силой воплотил этот постулат в своей творческой практике в мрачный период гитлеровской оккупации Франции (книга «Песнь мертвых»): патриотические стихи, полные гнева, отчаяния, но также и надежды, воли к борьбе стали его вкладом в Движение Сопротивления. Творчество и эстетические

искания Пьера Реверди сыграли важную роль в процессе обновления и развития французской поэзии XX века».

Париж начала XX века

* * *

А что же Пикассо?

Период его жизни с 1922 по 1924 г. называют «Между Кокто и дадаизмом». Этим обозначением его жизнь словно бы разграничена на две половины: на светские контакты, которые означали заказы и выставки, и на искания в живописи, встречи с художниками и поэтами, интерес к выдвинувшемуся на передний план дадаизму.

В своей книге «Непостижимая Шанель» биограф французской кутюрье Эдмонд Шарль-Ру пишет, что, когда весной – летом 1921 года Ольге Хохловой пришлось уехать в Фонтенбло для поправки здоровья после родов, ее возлюбленный Пикассо, начавший работать по заказу Дягилева над оформлением танцевальной андалузской сюиты «Куадро Фламенко», особенно сильно подружился с Шанель: «Подружился настолько, что порою даже жил у нее… Ужас перед одиночеством – доминирующая черта его характера – приводил к тому, что больше всего он боялся провести ночь один в своей квартире на улице Ла-Боэси, оказаться в пустой спальне с двумя медными кроватями, в пустой гостиной с тяжелым канапе эпохи Луи-Филиппа, перед безмолвным пианино с неизбежной парой канделябров – обычное убранство дома человека, остепенившегося и женатого на Ольге

Хохловой, балерине Дягилева и офицерской дочке…»

Пабло Пикассо

Светский круг Коко, поняв серьезную увлеченность Пикассо женой и сыном, взялся за «убогую» семейную жизнь Пикассо через циничные, уничижительные сравнения: «Вот посмотри, как у нас тут весело и интересно, и посмотри, как скучно у тебя…» Нападки ревнивых приятелей ранили самолюбие Пикассо.

В статье Е. Шатохиной «Пикассо и Хохлова» мы находим великолепные сравнения и замечания по поводу интимной дружбы великого художника и великого модельера. «Никакие перемены в личной жизни не влияли на главную цель его жизни – успех. Пикассо ценных контактов с Габриэль Шанель с рождением сына не потерял, только укрепил их связь через Мисю Серт, интимную приятельницу Коко. Знаменитый Дом моды Шанель на rue Cambon становился настоящим центром законодательницы парижского вкуса, престижной маркой. Модельер переживала расцвет своего таланта и популярности. Она стала весьма состоятельной дамой, вокруг Коко теперь крутилось еще больше важных и интересных личностей, в том числе и иностранцев с титулами. С Пикассо и его женой она встречалась на вечеринках и приемах, обменивалась новостями по поводу Дягилева (именно Шанель предстояло оплатить его похороны и позаботиться о последней церемонии упокоения в Венеции) и его балетов. Ольга заказывала у нее платья. Только главные – душевные, интимно-

дружеские встречи исключительно с Пикассо происходили у Коко дома, на Рю де Фобур Сент-Оноре. Только для него двери ее дома были открыты и днем, и ночью. Дело в том, что Шанель предпочитала общество талантливых мужчин, а не женщин (ее подруга Мися была едва ли не единственным исключением из правил). Пикассо, в свою очередь, произвел на нее сильное впечатление. Шанель однажды призналась, что Пикассо в состоянии злости или аффектации приводил ее в дрожь. Это было притяжение двух сильных и равных личностей, поднявшихся из бедности к высотам славы и богатства и хорошо понимавших азарт, силу и вечное одиночество друг друга. Как и Пикассо, Шанель жила в вечном беспокойстве – успеть доказать миру, что она лучшая и первая, превзойти самое себя…»

Портрет дягилевской балерины и супруги Пикассо Ольги Хохловой, написан в 1917 году. Художник Пабло Пикассо.

Не за то ли, что Великая Мадемуазель пригревала его в своем доме, талантливый, непредсказуемый, жестокий, «вольнолюбивый стихийный испанец» Пикассо назовет Шанель «самой рассудительной женщиной на свете»? Какая странная «рассудительность» – пригревать в своем доме, в своей постели именитых мужчин. Впрочем, XX век принес много странностей в рассудочное некогда общество…

«Элегантность не в том, чтобы надеть новое платье. Элегантна – потому что элегантна, новое платье тут ни при чем»

Кокто. Маленькое черное платье

Говорят, что однажды вечером на премьере в «Гранд-Опера», Габриэль, видя разодетых зрительниц (по ее словам, «ряженых»), решает для себя: Я всех их переодену в черное!» И, не теряя времени, приступила к осуществлению своего нового проекта. Результатом столь смелой мысли явилось миру знаменитое маленькое черное платье на каждый день – «узкое прямое изделие из крепдешина с тщательно подогнанными рукавами, которое получит название «Форд от Шанель» и обретет такой же успех, как и автомобиль, сходящий с конвейера в Детройте».

Так воплотилась заветная мечта Женщины, пришедшей в высокую моду с ярмарочных улиц – сделать моду достоянием этих самых простонародных улиц.

Под таким мощным напором и пала империя знаменного конкурента Шанель – Пуаре, олицетворявшего уходящую эпоху. Великий мастер, обласканный публикой, через короткий срок – в 1937-м – окажется на мели. «Преследовавшая его нищета была такой, что ему самому пришлось скроить и сшить себе пальто из старого банного халата. Он покинул этот мир в 1944 году; одним из последних способов, которыми он зарабатывал себе на хлеб, было чтение басен».

Нелепая судьба, нелепый конец… нелепый век…

* * *

А наша героиня уже нашла себе нового творческого друга – Кокто. Вернее, это он обратился к великой Кутюрье за помощью, когда вознамерился осуществить постановку переработанного творения Софокла. Музыку к нему Кокто заказал композитору из «Группы шести» Онеггеру, декорации – Пикассо, ну а за костюмами он обратился к Шанель. В итоге спектакль выдержит добрую сотню представлений.

«Хорошо выкроенное платье идет любой женщине. Точка!»

«Эти платья из шерсти натуральных тонов создают впечатление античных одежд, обретенных спустя века…» – вот один из отзывов прессы тех лет.

Когда в 1926 году Кокто показал своего «Орфея», он снова обратился к Шанель за костюмами для персонажей. В 1929 году она будет одевать артистов спектакля «Аполлон Мусагет», в создании которого принимали участие также Дягилев, Стравинский и Баланчин. В 1937-м – артистов спектакля «Рыцари Круглого стола», «для которого она создала, помимо прочих, костюм молодого красавца Жана Маре из парчовой ткани – золото с белым, – такой же, как материал для папских риз!»

Забавное совпадение – на которое указывают биографы – панталоны актеру расписывал молодой стилист по имени Кристиан Диор.

Утверждают, что это Сергей Дягилев создал Кокто, сказав ему свое знаменитое: «Жан, удиви меня!» Жан удивил не только учителя, но и – всю Францию. Кокто признается, что Дягилев заставил его умереть, чтобы родиться настоящим Жаном Кокто – великим поэтом.

Настали времена, когда Кокто назвали «принцем поэтов»; на склоне лет он вошел в число «бессмертных» творцов, был препоясан шпагой и облачился в зеленый камзол Французской академии. Он выпускал и книги рисунков, делал афиши, плакаты и декорации к спектаклям, и, кроме того, расписал несколько церквей в окрестностях Парижа и даже в Лондоне. Были еще и пьесы Кокто-драматурга, нередко сопровождавшиеся скандалами, но собиравшие лучших актеров: Жанну Моро, Шарля Дюллена, Жана Маре, Ивонн де Бре; эти пьесы шли по всему миру: «Священные чудовища», «Двуглавый орел», «Ужасные родители»; были и фильмы по сценариям Кокто: «Вечное возвращение», «Ужасные дети», «Кровь поэта», «Орфей», «Завещание Орфея»; не раз выступал он и как актер…

Модное ателье. Открытка первой половины XX века

Однажды сойдясь с Дягилевым, Кокто стал одним из его сотрудников. Он делал афиши с портретами Нижинского и Карсавиной, сочинил либретто к балету «Синий бог», а потом придумал великолепные «Парад» и «Голубой экспресс». И в этом творческом тандеме видное место заняла Коко Шанель.

Щедрость и жалость Коко к своим друзьям и товарищам по высокому искусству часто не знали границ. Несмотря на то, что ее возлюбленный поэт Реверди откровенно ненавидел Жана Кокто за его жеманность и гомосексуальные связи, Шанель активно сотрудничает с последним.

И даже больше – она пытается лечить Кокто от пагубной страсти к опиуму, оплачивает его счета, его обеды, его отдых. Она даже похоронит за свой счет его двадцатилетнего любовника Реймона Радиге, умершего от тифа.

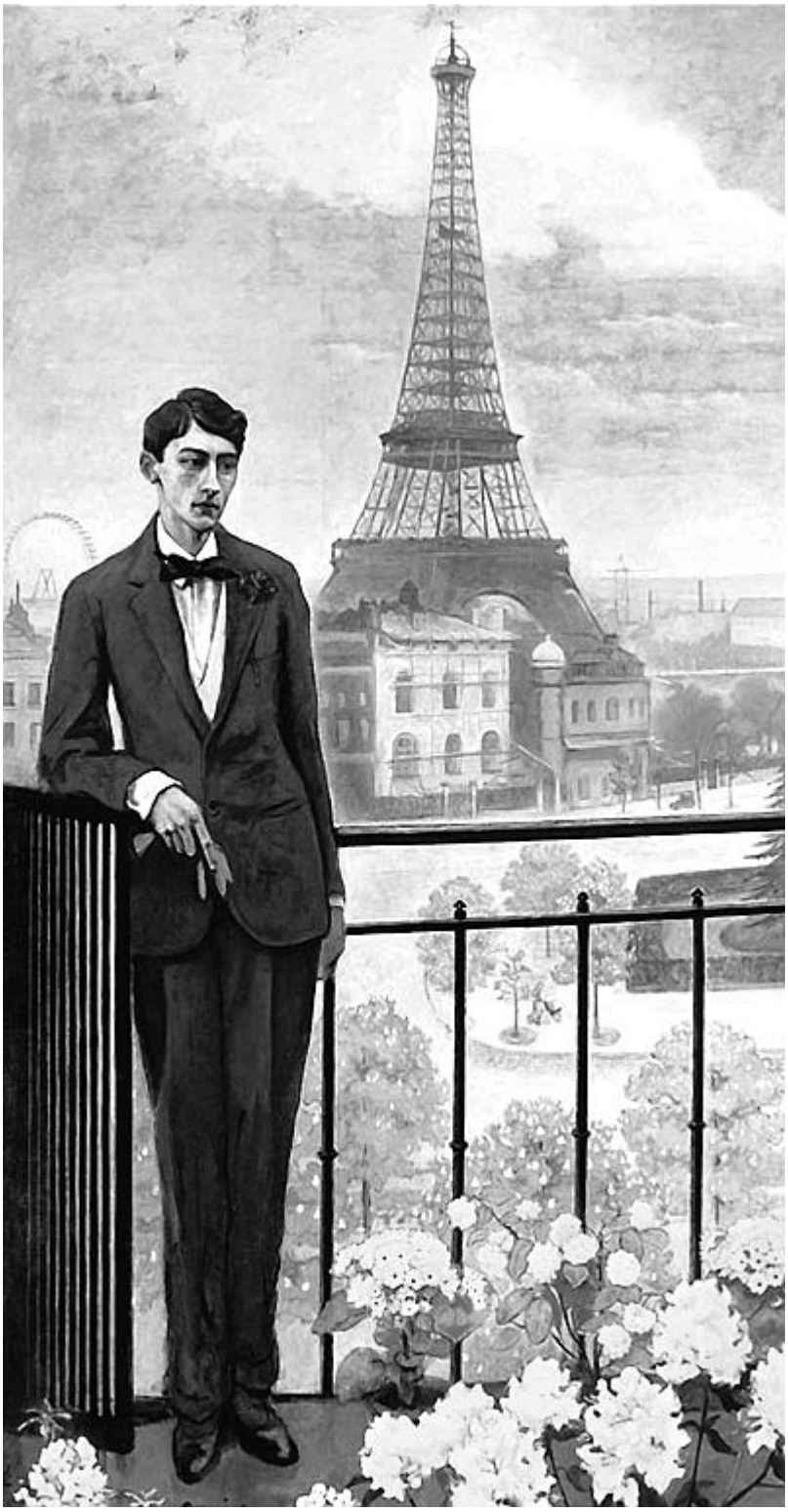
Кокто отплатит ей тем, что назовет ее уникальной личностью, пугающей, притягивающей и человечной. И тем самым признает ее выше всех, кого он знал в своем окружении.

Рядом с Жаном Кокто всегда были сильные, яркие женщины – Шанель, Эдит Пиаф, Мися Серт, Франсин Вейсвейлер. Он принимал опеку. Эдит Пиаф в одном из писем говорила Кокто, что ей всегда хочется защитить его от жестокостей мира, но после каждой встречи она чувствует, как Жан помогает ей жить в этом мире.

Он был возлюбленным и другом Раймону Радиге, Жану Деборду и Жану Маре, – и помог состояться каждому из них.

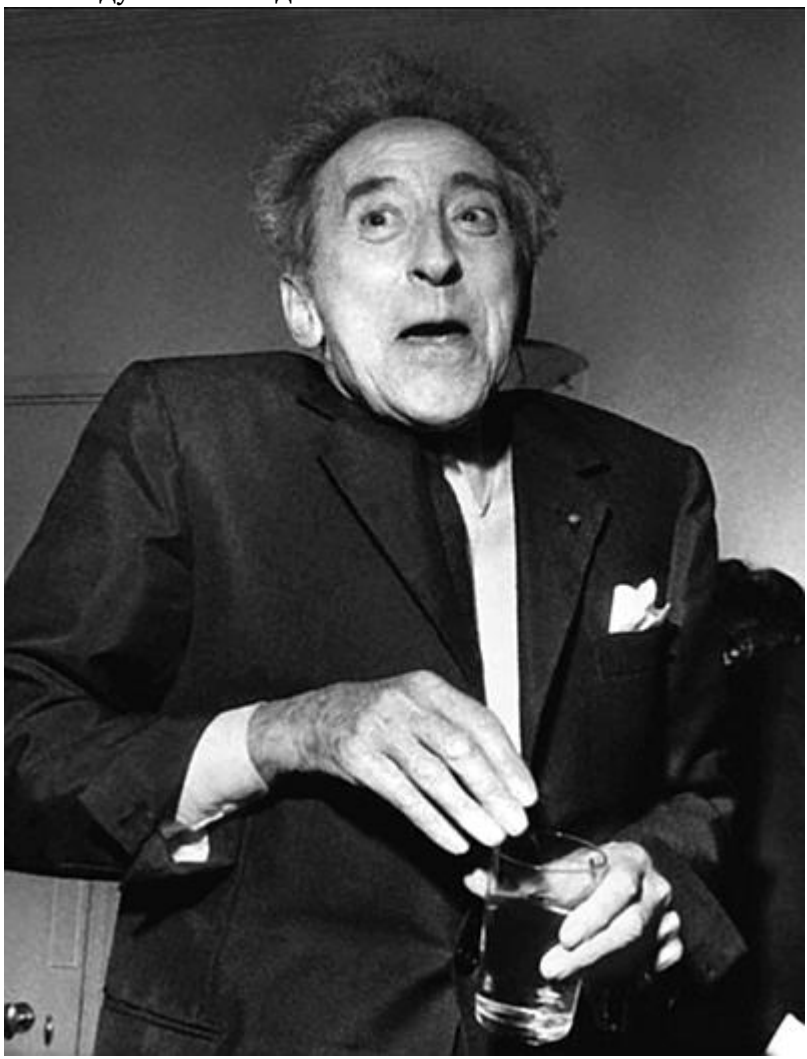
Писателя Жана Жене, когда того судили за воровство, Кокто защищал в суде. Поэта-священника Макса Жакоба арестовало гестапо, и Кокто начал кампанию за его освобождение (к сожалению, больной Жакоб умер в тюрьме).

«Кокто не боялся ни боли, ни смерти – даже сознавая, что стоит у нее на пороге. Но Смерти в «Орфее» он придал черты некогда любимой женщины, Натали Палей, и говорил, что мертвые совсем недалеко – мы разделены с ними, как две стороны одной монеты. Артист, он странным образом был независтлив и неревнив к чужому успеху – редкий случай! – и подталкивал к творчеству всех, кто был с ним рядом» (по Е. Виноградовой). Поэт со щедрым на любовь сердцем ушел из жизни в октябре 1963 года.



Жан Кокто в эпоху великого переворота. Художник Брукс Ромейн. 1912 год

Жан Кокто запечатлел множество рисованных звезд, многих великих звезд он создал своим талантом, но не зря он и сам ставил звезду вместо подписи.



Жан Кокто

Герцог Вестминстерский. «В его натуре было что-то от клошара»

К 1924 году Габриэль Шанель уже снискала всемирную славу, и даже стала героиней скандальной светской хроники. Причем не только французских СМИ. Ей прочили место в… Вестминстерском королевском дворце! А все потому, что эта пылкая мадемуазель оказалась в объятиях британского ловеласа голубых кровей. «Новой герцогиней будет красивая и блистательная француженка, руководящая большим парижским Домом мод», – охотно сплетничали журналисты.

Герцог Вестминстерский, кузен его величества, вел свое происхождение от внучатого племянника самого Вильгельма Завоевателя. «Этот самый далекий внучатый племянник отличался дородством и неутолимой страстью к охоте, за что и стяжал прозвище Gros Veneur, что значит Толстяк-Охотник. Ну а британские языки переиначили его в Гросвенора. Род Гросвеноров явился одною из важнейших ветвей королевской фамилии. …Но только в 1831 году дед нашего герцога получил из рук королевы Виктории титул маркиза Вестминстерского. С этого времени Гросвеноры стяжали славу страстных любителей лошадей. На их попечении были конюшни, обитатели которых одерживали на скачках самые громкие победы. У деда-маркиза был исключительный чистокровный жеребец, неоднократно выигрывавший дерби. …Каким образом и почему к его внуку, официальное имя которого было Хью Ричард Артур, с детских лет приклеилось прозвище Вендор, да так и осталось за ним на всю жизнь – тайна сия великая есть, ни на шаг не приблизившаяся к разгадке. Но так или иначе, домашние знали его как Вендора, уменьшительно Бенни или Бонни».

«Секс – главное в жизни мужчины, а женщина – это только средство»

Герцог Вестминстерский (Вендор) и Коко на скачках

В 1924 году симпатяге Бонни исполнилось сорок пять; он был рослый, белокурый с рыжеватым отливом и бледно-голубыми глазами; обожал женщин, лошадей и яхты.

Вендора познакомила с Габриэль Сара Гертруда Аркрайт, более известная как Вера Бейт. Она родилась в Лондоне в 1888 году, а в 1919-м вышла замуж за американского офицера Фреда Бейта. «Редкостная красавица пользовалась в высшем обществе исключительной любовью; притом поговаривали, будто она незаконная дочь кого-то из членов королевской семьи. Неудивительно, что круг ее близких друзей включал принца Уэльского, Уинстона Черчилля, герцога Вестминстерского, Альфреда Даффа Купера, Линду и Кола Портеров, Сомерсета Моэма… Габриэль пригласила ее к себе на службу – модные наряды смотрелись на ней с особым шиком, и лучшей живой рекламы издателям Дома Шанель среди высшего лондонского общества было не найти. Случилось так, что в 1924 году две подруги отправились на несколько дней в Монте-Карло. Там Вера передала Габриэль приглашение от герцога Вестминстерского на обед на яхте «Летящее облако», которая как раз стояла на якоре в монакском порту. Но Коко ответила отказом: личность Вендора не произвела на нее никакого впечатления».

Странное дело, но убедил французскую кокотку принять

приглашение Великий князь Дмитрий Павлович, «сохранявший с Коко отношения доброй дружбы». Та ответила согласием, намереваясь придти в гости только вместе с бывшим царственным возлюбленным.

Многие до сих пор задаются вопросами: чем же так покоряла мужчин Коко Шанель, никогда не слывшая роковой красавицей? Не откроет эту загадку и ее связь с британским герцогом.

Почувствовав в новой пассии строптивость, герцог (не зря же он прозывался Толстяк-Охотник) в разы увеличил количество знаков внимания: посылал свежие цветы и фрукты из королевских оранжерей, чтобы в разгар зимы Коко могла лакомиться клубникой или украшать свои апартаменты орхидеями. Специальные курьеры регулярно стали поставлять в дом Коко свежайшие продукты, любовные письма, а после и драгоценности.

Коко и Вера Бейт (Ломбарди). Шотландия, 1925 год

Женщина стала посылать дарителю ответные подарки, давая понять, что мало верит в их общее будущее. Можно ли было ожидать брака от мужчины, обладающего такой властью и богатством?

А пока Коко брыкалась, пресса успела уже свести ее с английским герцогом в одной постели. Она не мыслила себя как будущая герцогиня Вестминстерская (по определению прессы), однако желала думать, что для Вендора она была «чем-то неизмеримо большим, чем эфемерный каприз знатного

господина». А когда он пожаловал к ней в ателье на рю Фобур-Сент-Оноре, приведя с собою друга – принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII, Шанель почувствовала себя и вовсе счастливой. И вот – «в один прекрасный вечер, оказавшись на борту «Летящего облака», она притворилась, будто не заметила, что все другие приглашенные гости разошлись, что яхта покинула порт и что они с герцогом остались наедине в открытом море…»

Шанель стала постоянным гостем Итон-Холла. Каждый уикэнд Итон-Холл принимал до шести десятков гостей. И здесь любой член королевской семьи, который изволит удостоить визитом любое из владений герцогов Вестминстерских, обязан был быть принят сообразно своему рангу; вместе с ним почести испытывали и его гости.

«Я познала здесь роскошь, о которой никогда более не посмею и возмечтать», – грустно признается позже Габриэль. Чтобы почувствовать себя в своей тарелке, Коко станет сбегать в парк, где ее поразят ухоженность зеленых газонов, роскошь огромных теплиц, мастерство садовников и ландшафтных архитекторов, в роли одного из которых часто выступал сам герцог Вестминстерский.

Во время посещений замка после обеда традиционно давался бал под аккомпанемент местного оркестра, и герцог с гостями начинали танцевать. Здесь в качестве приглашенных гостей часто бывали разные артисты и мировые знаменитости. На этих приемах Габриэль познакомилась с Уинстоном Черчиллем, в то время занимавшим пост министра финансов. Черчилль – благородный отпрыск рода Мальборо – был одним из лучших друзей Вендора, с которым познакомился еще по англо-бурской войне (проходила в 1899 – 1902 гг. на юге Африки).

«Мода – это иллюзия, что родилась новая женщина, соответствующая своей эпохе»

Габриэль «Коко» быстро сделалась хозяйкой дома; со своей стороны, Вендор не стыдился показать свою *пассию* чопорному истеблишменту. Наверное, и впрямь, как говорила Шанель, «в его натуре было что-то от клошара». Она неплохо понимала по-английски и даже тайком брала уроки у секретаря герцога.

* * *

Вполне естественно, герцога Вестминстерского заботило участие его чистокровных жеребцов в больших скачках. Каждый год герцог нанимал специальный поезд, который отвозил гостей в Ливерпуль на розыгрыш Национального Гран-при. По словам Габриэль Шанель, видимо, такова была воля свыше, чтобы на ее жизненном пути постоянно встречались лошади и любители лошадей…

Вместе со своим британским возлюбленным Коко принимала участие не только в скачках в качестве зрительницы, но также в охоте на кабана в Мимизане, а то и в ловле лососей в Шотландии, приезжая специально в Стэк-Лодж. Ее участие в подобных великосветских развлечениях высоко оценил Черчилль. Однажды будущий премьер-министр написал жене: «Приехала знаменитая Коко, и я восхитился ею. Это одна из самых умных и приятных женщин и самая сильная личность, с которой Бенни (Вендору) когда-либо приходилось иметь дело. Весь день она провела на охоте, нимало не потеряв в бодрости, а после обеда помчалась на машине в Париж – и сегодня занята совершенствованием и улучшением платьев, наблюдая за проходящей перед нею бесконечной чередой манекенщиц».

«Быть все время инновационным невозможно. Я хочу создавать классику!»

Высший политический бомонд – клиенты фирмы Коко

Связи Коко и британского отпрыска царских кровей суждено будет продлиться долгих пять лет. За эти годы Габриэль совершила немало круизов на принадлежащих Вендору яхтах. Однажды они с герцогом даже побывали в крепости Гибралтар, где под скалою располагалось громадное хранилище питьевой воды – целое подземное озеро, и по нему они проплыли на лодке. В другой раз, в августе 1929 года, Вендор пригласил Габриэль и ее подругу Мисю в плавание на «Летящем облаке», чтобы побывать на далматинском побережье, в устье Котора и в Венеции. И вот уже сама блистательная Коко мечтает приобрести на Лазурном берегу хорошее имение. В 1928 году она купила на высотах Рокебрюн имение с видом на море. Ее роскошное, перестроенное под вкусы новой владелицы имение «Ла Пауза» располагалось всего в нескольких километрах от княжества Монако, где в порту приписки стояла яхта герцога Вестминстерского «Летящее облако». Вендор по приглашению Габриэль прибывал на виллу «Ла Пауза», чтобы насладиться и видами, и присутствием своей возлюбленной.

Однако счастье в новых апартаментах длилось недолго. В 1929 году, когда все работы по обустройству и переделке на вилле наконец-то были закончены, связь Габриэль и Вендора подошла к своему предопределенному финалу.

В прощальный вечер герцог преподнес Габриэль большой ценности изумруд. Но, взяв драгоценность из рук спутника, она посмотрела ему в глаза и, не произнеся ни слова, бросила прямо в воду. Чтобы затем так же молча развернуться и уйти к себе в каюту.

«Однако в дальнейшем отношения между двумя бывшими возлюбленными оставались, судя по всему, дружескими. Каждый раз, когда герцог бывал в Париже, он наносил визит Габриэль. Похоже, он был несколько раздосадован, когда обнаружил, что их разлука вроде бы никак не отразилась на ней. Ему даже показалось, что у нее было легче на душе, и она объяснила это с радостью: все стало проще! К тому же теперь она знает, что ей не придется расставаться со своим делом – ее истинной страстью, – равно как и с литературной и художественной средой, которая доставляет столько радости…»

Коко Шанель и Сесиль Битон, знаменитый британский фотограф, запечатлевший всех известных европейских и американских звезд XX века. Был придворным фотографом британской королевской семьи

29 апреля 1930 года герцог Вестминстерский Морис де Нексон потерял отца, что дало ему возможность больше не обращать внимание на запрет родителя и жениться на Адриенн, которая преданно ждала его все эти долгие годы. Ну а Габриэль? Французская любовница была на этой свадьбе свидетельницей. Да уж…

«Женщины, как правило, гораздо тщательнее выбирают для себя ночную рубашку, чем мужа»

Коко Шанель и леди Абди, 1939 год

Сэм Голдвин. Как одеть Голливуд

В 1930 году Габриэль часто приезжала из «Ла Паузы» в Монте-Карло, где встречалась со своими друзьями, в том числе с незабвенным Великим князем Дмитрием Павловичем. Здесь, в Монте-Карло нашу героиню познакомили с голливудским продюсером Сэмом Голдвином, мечтавшим с ней познакомиться.

Об этом деятеле, чьи потомки и ныне успешно занимаются киноиндустрией, еврейская энциклопедия свидетельствует: «Шмуэль Гельбфиц родился в польском штетле, сын неудачного торговца подержанной мебелью. Учился в еврейской школе и в возрасте 12 лет, без гроша в кармане, мальчик пересек Европу и направился в Америку, сменив имя на англоязычное – Сэм Голдфиш. В 1918-м он из продавца перчаток стал подающим надежды продюсером Голливуда. Он вновь переименовал и создал себя и стал Сэмом Голдвином. Голдвин, подобно большинству евреев-иммигрантов создававших Голливуд, не был привлекательным человеком. Его покойная жена, Франциска, и его дети, Рут Каппс и Сэм-младший, свидетельствуют, что он был очень трудным мужем и плохим отцом. Он имел мерзкий характер, был одержим игрой, обманывал в карты – и все же спустил однажды $ 150 000 (эквивалент 2 миллионам долларов сегодня) на одной из его еженедельных игр в покер. Как независимый продюсер, в то время как Голливуд управлялся системой студий, Голдвин принес зрителям некоторые из наиболее незабываемых фильмов 1930-х и 1940-х. Он сделал 74 фильма».

На момент их знакомства с Шанель Сэму было 46 лет.

«Сделавшись одним из самых могущественных персонажей в Голливуде, он брался только за очень важные поставки. Но ввиду экономического кризиса, который разразился в Соединенных Штатах вслед за печально знаменитым «черным четвергом» 24 октября 1929 года, кинематограф здесь потерял значительную часть аудитории. Чтобы поправить положение, Голдвин решил одеть звезд в платья от самой великой кутюрье своей эпохи – таким путем он надеялся вновь привлечь публику в кинозалы». Голдвин предложил Шанель контракт в неимоверную сумму – миллион долларов в год за приезд в Голливуд каждую весну и каждую осень. Продюсер мечтал, что «это положит начало новой эре в кинематографе», ибо дамы пойдут в кинозалы по двум причинам: смотреть сами фильмы и видеть последний писк моды.

Модель в одежде Коко Шанель на обложке знаменитого журнала мод

Неудивительно, что расчетливый Шмуэль обратился к Шанель: не было почти ни одной состоятельной американки, которая не была бы ее клиенткой. Они оба знали: под ее началом работает четыре тысячи работниц, и она ежегодно продает 28 000 платьев в Европе, Америке и на Ближнем Востоке, причем это далеко не самые дешевые платья.

Весной 1931 года Габриэль в компании с доверенной подругой Мисей села на пароход «Европа», чтобы отправиться в Америку. На борту судна вместе с патронессой были манекенщицы, ассистентки и портные, сорванных с насиженного места на рю Камбон.

* * *

«Наконец поезд подошел к перрону в Лос-Анджелесе. Габриэль увидела, что для ее встречи собрался весь штат киномагната во главе с боссом и множество кинозвезд. Среди них была Грета Гарбо, которая в свои двадцать шесть уже находилась на вершине славы; в руках у нее была огромная охапка орхидей, которые она поднесла гостье. «Встретились две королевы», – писали об этом событии газеты. Две женщины мигом прониклись друг к другу симпатией и стали подругами. Вскоре Коко станет одевать Грету Гарбо до того самого дня, когда великая артистка, несмотря на блистательные триумфы, ушла в тень, в инкогнито, на долгие 33 года… Но наилучшим образом Габриэль нашла взаимопонимание с Марлен Дитрих, которая после двух десятков фильмов, где она была совершенно не замечена публикой, достигла всемирной славы в картине «Голубой ангел» – шедевре ее любовника и постановщика Иозефа фон Штернберга. Как и зрители широкого круга, Коко обожала странную красоту Марлен, ее дезабилье, ее хрипловатый голос, высокие ноги и манеру курить сигареты одну за другой… Марлен станет одною из лучших подруг Габриэль и нередко будет заказывать у нее наряды».

«Моду нельзя называть модой, если ее не носят на улице»

Модели Коко Шанель, середина XX века

Во время своего пребывания на Американском континенте Шанель много общалась с целой толпой голливудских звезд своего времени: Джордж Кьюкор, Клодетт Кольбер, Фредерик Марч. Она встречалась с Кэтрин Хэпберн, которая полагала, что именно ей выпадет возможность сыграть французскую гостью, эту «маленькую необузданную Шанель» в музыкальной комедии.

Да, ее визит проходил плодотворно! Прежде чем вернуться в Париж, Габриэль сумела не только познакомиться со звездами большого экрана, но и наладить связи в нью-йоркском мире моды. «Она начала с того, что принялась обольщать двух американских императриц моды – директрису «Харперс базар» Кармел Сноу и владелицу журнала «Вог» Маргарет Кейс. Оказанный ей прием был тем теплей, что главными редакторами этих двух журналов были эмигранты из России: им ли не помнить, сколько сделала Габриэль для их соотечественников!»

Русская колония на Манхэттене в те годы была очень

значительной, и отдельные ее члены были хорошо известны в культурной американской среде, к примеру, бывшие дягилевцы Леонид Мясин и Джордж Баланчин, которые блистали на сцене «Метрополитен-опера».

Понятное дело, что американские клиентки Коко, узнав о ее визите в Нью-Йорк, почли за честь пригласить мадемуазель к себе, и та вместе с Мисей посещала самые богатые американские дома. Рассказывают, что как-то раз случилось им обедать у одной жительницы Нью-Йорка, а на тот же вечер они были приглашены в «Метрополитен-опера» на спектакль русского балета и боялись опоздать. На что им хозяйка небрежно сказала: «Не беспокойтесь, второй акт начинается не раньше десяти». Таким оказались местные снобские обычаи. Но Мися, не сдержавшись, пикировала опешившей хозяйке: «Мадам, а у нас в Париже зрители ждут танцовщиков, ибо те предъявляют в свое оправдание талант!»

Актриса Мари-Элен Арно в наряде от Шанель. Французская актриса стала знаменитой после выхода на экран ставшего культовым фильма «Фантомас»

Знаменитый американский комик Чарли Чаплин с Вацлавом Нижинским и др.

Поль Ириб. Дамский угодник и несостоявшийся супруг

С начала 1920-х годов Габриэль Бонер взялась за изготовление искусственных драгоценностей, которые называла *фантазийной бижутерией*. Эскизы изделий рисовал ее друг Этьен де Бомонт, ставший официально «консультантом по разработке бижутерии Шанель». Начиная с 1929 по 1937 год для нее рисовал многочисленные эскизы итальянский герцог Фулько ди Вердура; «вспоминая о родной Сицилии, он возродил традицию эмалевых браслетов». Франсуа Гюго, правнук знаменитого писателя, получал от Шанель еще и заказы на создание эскизов брошей, клипсов и всякого рода фантазийных гарнитуров. Она и после, в 1950 – 1960-е годы – сообразно своему вкусу – продолжала создавать бижутерию по своему вкусу, прибегая к услугам блестящих профессионалов.

В ноябре 1932 года произошло одно знаменательное событие, связанное с этим увлечением Шанель. В особняке по улице Фобур-Сент-Оноре, 29 проходила выставка бриллиантов, организованная Габриэль в пользу благотворительных организаций. Помимо выручки от билетов в доход поступали также средства от продажи роскошных каталогов; фотографии для них выполнил юный друг Коко кинематографист Робер Брессон.

Выставка роскошных бриллиантов повод для удивления, ведь Габриэль еще недавно вела войну с настоящими драгоценностями, а женщин, которые носили их, обвиняла в стремлении выставить напоказ богатство мужей и любовников. «Изделия ювелиров «наводят на меня тоску», – кокетничала Мадемуазель. «Все равно, что носить вокруг шеи банковский чек», – метко уничижала она прелестниц из высшего общества. И добавляла: «Самые красивые украшения заставляют меня думать о морщинах, о дряблой коже богатых вдов, о костлявых пальцах, о смерти, о завещаниях».

Поль Ириб. Карикатура на Вильгельма II

Самым популярным украшением от Шанель стали жемчужные нити. Свои нити, на которых был нанизан великолепный крупный

жемчуг, Шанель получила от Вендора – поистине царственный подарок. Та, которая остерегала от ношения «банковского чека на шее», сама всю сознательную жизнь будет носить великолепные жемчужные бусы, явно свидетельствующие об их истинной ценности. Они станут своего рода визитной карточкой великой Шанель, что прослеживается на многих известных фото француженки.

К созданию своей, как она сама называла, фантазийной бижутерии Шанель привлекала Этьена де Бомонта, Франсуа Гюго и Фулько ди Вердура, благодаря которому на свет появились также знаковые эмалевые браслеты Шанель.

Но что заставило популярную модистку в сложные годы мировых потрясений обратить свой взор к драгоценностям? – Ну конечно же, очередная любовная связь.

В роли нового любовника на сей раз выступил молодой стилист Поль Ириб, ставший автором эскизов этих великолепных украшений, и он же проявит большую изобретательность в создании украшений «новой формации»: когда одно украшение вдруг превращается в другое. К примеру, одно роскошное колье можно было с легкостью превратить в несколько браслетов или брошь. «Успех выставки был столь велик, что акции компании «Де Бирс» в первые же два дня после открытия взлетели на двадцать пунктов, а имя Шанель вновь всколыхнуло мировую прессу». Никогда еще модельный бизнес так прямо не способствовал притоку прибылей в мировую еврейскую корпорацию. А Шанель тем временем убеждала публику, что стремится к тому, чтобы возвратить «забавной безделице ее истинную цену». И до конца своих дней она будет изготовлять и продавать новые украшения, – благо недостатка в талантливых помощниках у нее никогда не будет.

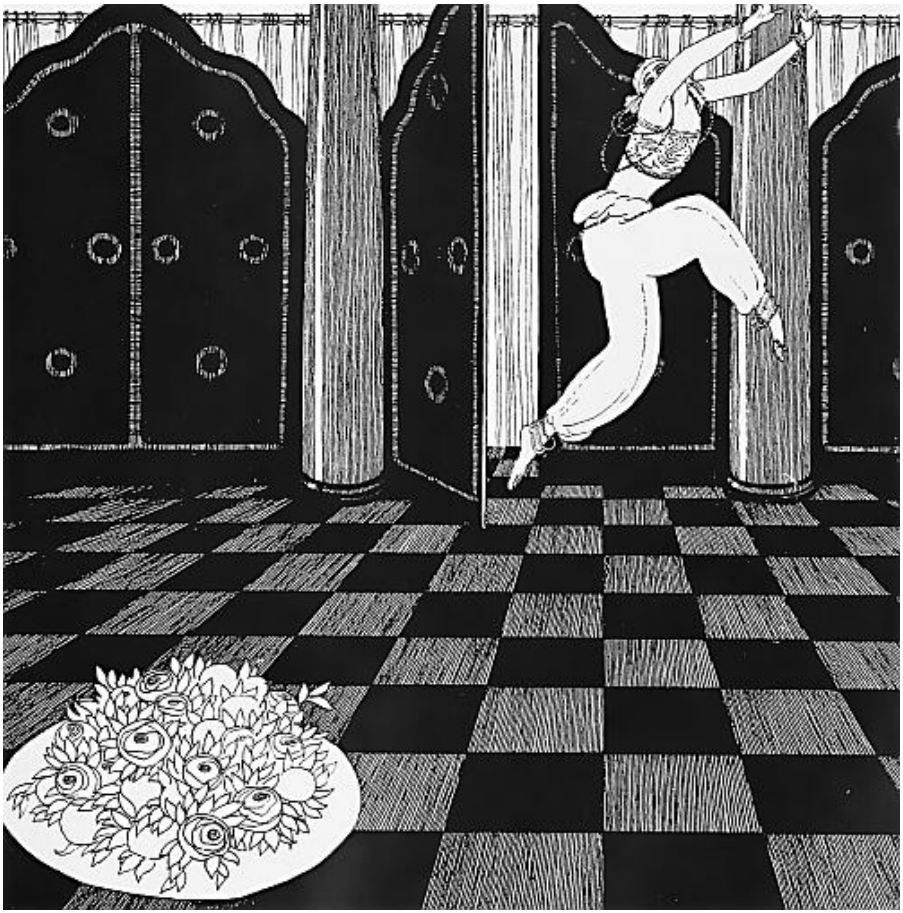
«Наши дома – это наши тюрьмы, но мы обретем в них свободу, если сумеем украсить их по нашему усмотрению»

Но кто же такой Поль Ириб, который убедил Габриэль «Коко» прислушаться к предложениям бриллиантовых королей?

Поль Ирибарнегаре, баск по национальности, журналист, художник, декоратор и авантюрист. Ириб – это псевдоним, сокращенный от баскской фамилии отца, корреспондента газеты «Тан». Этот журналист имел проблемы с правосудием, потому что успел «вляпаться» в революционные разборки: будучи коммунаром, Ирибарнегаре-старший в 1871 году участвовал в разрушении Вандомской колонны. На него был объявлен розыск, он сбежал на Мадагаскар.

Его сын Поль родился в 1883 году (как и Габриэль Шанель). Как сообщают биографы, юноша, тянувшийся к искусству, поступил на архитектурные курсы в Академии художеств; в 17 лет он уже публикует свои рисунки в знаменитом сатирическом еженедельнике и тогда же становится самым молодым архитектором Всемирной выставки 1900 года. Амбициозный юноша в 1906 году, в возрасте двадцати трех лет, создает свою собственную иллюстрированную газету «Temoin» («Свидетель»). Многие современники считали его остроумным карикатуристом. Одним из сотрудников молодого редактора стал Кокто, подписывавший свои работы неприхотливо «Джим». Молодые люди подружились. Дошло до того, что два друга основали ассоциацию, члены которой давали клятву… разрушать все смешные безделушки, бесчестящие гостиные, куда их приглашают… Сказать по правде, обещание бесполезное: в результате их в лучшем случае перестали бы куда-либо приглашать. Пришлось им от этой клятвы отказаться… «Вот почему, – говорит Поль Ириб, – у людей еще осталось столько ужасных безделушек, которыми они так дорожат».

К *высокой моде* Поль Ириб приобщился еще в начале XX века, но не благодаря Коко, а благодаря ее вечному конкуренту Пуаре. В 1908 году усилиями Поля Пуаре и художника-иллюстратора Поля Ириба в свет выходит модный каталог под названием «Платья Поля Пуаре глазами Поля Ириба». Можно сказать, что Ириб выступил в роли фотографа; тогда как каталог стал своеобразной отправной точкой в представлении модных коллекций того времени. К тому же это Поль Ириб создал логотип одежды от Пуаре – стилизованную розу, подписанную его именем.



Вацлав Нижинский в танце. Художник Поль Ириб

Впрочем, Ириб также был знаком и с Коко, ведь у них были общие друзья – Мися Серт, Кокто… Ириб познакомился с ней, когда служил санитаром-добровольцем, и в первые недели 1914 года с фронта на своем огромном «Мерседесе» перевозил раненых в парижские госпитали. И вот прошли годы…

Около 1930 года его отношения с Габриэль набирают новые обороты. В 1930-е годы Ириб был уже не хрупким юношей, но элегантно одетым мужчиной крупного сложения, с густой кудрявой шевелюрой и пронзительным взглядом умных глаз.

«В эту пору Габриэль было как никогда одиноко. Ее связь с герцогом Вестминстерским закончилась, а Пьер Реверди был слишком поглощен своими проблемами и сомнениями, чтобы на его внимание можно было рассчитывать. Требовался новый любовник, чтобы заполнить пустоту, которую она переносила все с большим трудом. Тем временем и Ириб находил все меньше взаимопонимания с Мейбл – по-прежнему страстно любя мужа,

она после долгих лет терпения более не могла выносить его неверность. Ну а Габриэль, находившаяся в зените славы, была в глазах Ириба еще очень красивой; к тому же она баснословно богата, что тоже не следует сбрасывать со счетов».

Вкус к роскоши всегда побуждал Ириба искать пути заработка где только возможно. Даже его браки и любовные связи заключались в расчете на хорошую финансовую подпитку. Почуяв новые возможности для своего всестороннего таланта, он в 1919 году отправляется за океан, между делом разводится с супругой Жанной, открывает магазин на Пятой авеню в Нью-Йорке, и тот же год женится на соблазнительной красотке и богатой наследнице Мейбл Хоган. Он обосновывается в Голливуде, становится художественным консультантом у Сесиля Б. де Милля. «Жемчужный наряд, который он создает для Глории Свенсон в картине «Мужчина и женщина», сделал ему имя – и он сотрудничает с постановщиком в дюжине картин». Охваченный страстью к кинематографу, он создает декорации к фильмам.

Вацлав Нижинский в танце. Художник Поль Ириб

Симпатичный прощелыга, вытягивавший деньги из своих жен и многочисленных любовниц, наконец обратил внимание на богатую женщину Коко Шанель. К тому же Мейбл Хоган, желая положить конец, под давлением семьи решила потребовать развода, прежде чем будет разорена окончательно. Но пока Мейбл ничего не знала о француженке, та сняла для встреч с жиголо усадьбу «Ла Жербьер», находившуюся невдалеке от Парижа. И даже более – чтобы поразить воображение молодого любовника, Шанель приобретает еще замок Мениль-Гийом с тремястами пятьюдесятью гектарами земли.

Человек, пользовавшийся благами жизни благодаря Коко,

как-то всерьез ей заявил:

– Не пойму, зачем вам столько комнат? Для чего все эти предметы? Одни убытки! И на что вам вся эта домашняя прислуга? Вы кормите всех на убой. Я, пожалуй, пожил бы рядом с вами, если бы вы умели довольствоваться меньшим! Терпеть не могу бесполезных людей, пустых расходов на роскошь и сложных человеческих созданий!

Она пошла ему навстречу и поселилась в «скромных» номерах отеля «Риц», заняв там комнаты с видом на Вандомскую площадь. Теперь она могла созерцать из окон ту самую Вандомскую колонну, в разрушении которой полвека назад участвовал отец Поля Ириба.

…Казалось бы странным, но в 1933 году «Свидетель» снова появился в киосках, наполненный сатирическими статьями и рисунками Поля Ириба. Лишком деятельный, он же стал во главе «Журнала спорта и мира». «Восьмилетнее пребывание за океаном открыло ему, сколько велика его привязанность к родной стране. Но эта привязанность сделалась навязчивой – он постоянно представлял Францию в образе прекрасной Марианны во фригийском колпаке, без конца терзаемой и преследуемой чужеземцами – а то и соотечественниками. Иные из его рисунков показывали Францию изможденной, но трогательной и достойно держащейся перед трибуналом, членами которого были не кто иные, как Муссолини, Рузвельт, Гитлер и тогдашний британский премьер Рэмси Макдональд. На другой карикатуре, названной «Могильщик», Даладье забрасывает комьями земли тело Марианны, лежащей на дне глубокой ямы…»

«Никто не молод после сорока лет, но мы можем быть неотразимыми в любом возрасте»

* * *

Не выходя из роли *верной подруги с подленьким характером*, Мися растрезвонила всем «по секрету», что Коко наконец-то выходит замуж. Претендент был один – Поль Ириб.

«Ее любовь к нему была неподдельной – ибо уже весною 1934 года она отказывается от особняка, где ей так уютно жилось, рассчитывает прислугу – включая Жозефа, верой и правдой прослужившего ей шестнадцать лет, – оставив только горничную.

Взамен она находит близ рю Камбон маленький семейный пансион, где нанимает две комнаты. Единственная роскошь – поскольку в этом скромном жилище не было ванной комнаты, она распоряжается ее устроить. Коко поселяется здесь со своими любимыми книгами, единственной ширмой от Короманделя, двумя каминными стульчиками и несколькими коврами».

В бурно пролетевших 1934 – 1935 годах Габриэль часто проводила выходные дни вместе с Ирибом у его сестры и племянниц в Барбизоне. Ириб, занимаясь руководством журналами и оформлением декоров, сочинял рекламные слоганы. Тогда как Габриэль, хоть и нечасто, выезжает в свет, участвует в целом фейерверке празднеств, которые охватили высшее французское общество в 30-е годы. Костюмированные балы и балы-маскарады шли своей чередой… страна, находившаяся на грани военной катастрофы, спешила вершить свой «пир во время чумы».

Коко – то ли в силу распространяемых в обществе сплетен, то ли в силу возраста и душевного дискомфорта – начала всерьез задумываласъ о браке со своим возлюбленным. Его странности, его любовь к наживе и благосклонность к молоденьким женщинам не пугали Коко. Может, правы были ее друзья, считавшие его «демоном, который ее околдовал».

«Красивое платье может красиво выглядеть на вешалке, но это ничего не значит. О платье надо судить, когда оно на женщине, когда женщина двигает руками, ногами, изгибает талию»

…Закончилось средиземноморское лето. В знойный сентябрь 1935 года парочка пребывала на отдыхе в Рокебрюне. Днем Поль находился на теннисном корте со своими партнерами по игре. В какой-то момент появилась Коко, улыбаясь всем в этой тесной компании. Он сделал шаг навстречу ей, и… тут страшная боль молниеносно пронзила его грудь. Мужчина схватился за сердце и растянулся на земле. Все бросились на помощь.

Попытки привести Поля в чувство оказались безуспешными. Когда подъехала карета «Скорой помощи» и увезла его в клинику в Ментону, он был уже мертв. Коко вновь – в который уж раз – осталась одна-одинешенька.

Такая неожиданная, мгновенная смерть любимого человека – восторженного, веселого, циничного, ироничного, пытливого – погрузила Коко в страшную депрессию. Она даже лишилась дара речи. Единственным выходом из создавшейся ситуации друзья посчитали звонок к Мисе. Та мгновенно примчалась, и оставалась возле подруги долгие дни.

Но не только задушевная подруга вытащила Коко из прострации душевного опустошения. Тайна ее выживания кроется в простых словах, сказанных Коко своему близкому знакомому Раймону Массаро:

– Не забывайте, Раймон, что если даже вы окажетесь на самом дне горя, если у вас не останется вообще ничего, ни одной живой души вокруг – у вас всегда есть дверь, в которую вы можете постучаться… Это – работа!

«Безвкусица имеет пределы, только хороший вкус бесконечен»

Лукино Висконти. В постели графа-бисексуала

А вскоре любвеобильная Шанель, пережив смерть близкого, затевает краткую отдушину-интрижку с Лукино Висконти. «Этот уроженец Милана, прямой потомок знаменитого рода гибеллинов, в свои тридцать лет был одним из самых соблазнительных персонажей. Приехав в Париж, он встретился с Шанель, которая произвела на него сильнейшее впечатление – по его собственным словам, он был очарован редкостным сочетанием в ней «женской красоты, мужского ума и фантастической энергии». Приключение было недолгим – тайные мужские предпочтения Висконти были сходны с теми, что и у Кокто, – но оно переросло в глубокую дружбу, которая продлится до самой смерти Габриэль».

Любителям кино хорошо известно это имя. Если заглянуть в энциклопедический справочник, мы узнаем совершенно любопытные вещи. Лукино Висконти ди Модроне (1906 – 1976) – итальянский режиссер оперного и драматического театра и кино; представитель одной из ветвей аристократического рода Висконти. Его полное имя и титул звучат так: дон Лукино Висконти ди Модроне, граф Лонате Поццоло, синьор ди Корджело, консиньор ди Сомма, Кренна и Аньяделло, миланский патриций. Его отец носил титул герцога Висконти ди Модроне, владел замком в Ломбардии, честно служил Савойской династии, покровительствовал театру Ла Скала и в 1914 – 1919 годах возглавлял футбольный клуб «Интернационале». Мать была дочерью богатого промышленника. С юности Лукино увлекся оперой и полюбил лошадей. В конце 1930-х годов уехал в Париж, где стал ассистентом режиссера Жана Ренуара.

Вот с таким уникумом свела судьба утонченную модистку, познавшую многое на своем творческом и жизненном пути.

Граф Лукино Висконти

Их ни к чему не обязывающая связь длилась около трех лет; они совершили множество поездок в Италию – в Венецию, в Рим, на Капри, а еще – в Милан, где любовник представил женщину своему отцу. И этот счастливчик, оказавшийся в постели с Великой Мадемуазель, получил свой золотой шанс. Началом своей кинематографической карьеры Висконти обязан Шанель, потому что «именно она, уверенная в его таланте, без колебаний рекомендовала его Жану Ренуару, который, по ее настоятельным просьбам, выбрал его в 1936 году ассистентом для съемок картины «На дне» по пьесе Горького, а в 1937 году – фильма «Дачная прогулка» по повести Мопассана».

* * *

Все это время Шанель была занята над созданием новых нарядов, а к ним – фантазийной бижутерии, а еще – ею налажено косметическое производство и производство линии духов. И, как многие годы подряд, помогала своей семье – двум своим братьям

Люсьену и Альфонсу (последний благодаря поддержке сестры содержал кафе в Вальроге, в департаменте Гар). Однако уже с 1939 года она перестанет слать деньги и прекратит всякие отношения с ними. Единственным связующим звеном с семейством Шанель, с детством и давней юностью кутюрье останется лишь неплохо устроившаяся в жизни Адриенн.

«Весною и летом 1939 года – в последние предвоенные сезоны – много говорилось о новых творениях Шанель, в частности, о платьях типа «Гитана» и «Триколор», которые, впрочем, не имели никакого отношения к патриотизму, разве что некоторые оттенки отдаленно напоминали национальный флаг. Как бы там ни было, Габриэль показала, что ей по силам отражать атаки конкурентов, алчущих лишить ее первенства. Но каких усилий ей все это стоило! Вскоре эти маленькие войны, державшие мир моды в напряжении, покажутся ерундой по сравнению с суровыми событиями, угрожавшими Европе. Много было таких, кто предпочел бы ослепнуть перед лицом надвигавшейся реальности».

«Драгоценности – это целая наука! Красота – это грозное оружие! Скромность – это верх элегантности!»

Коко с итальянским ювелиром Фулько ди Вердура

Война застала Европу врасплох. Впрочем, Франция не сразу ощутила военные веяния; на фото тех лет француженки, как и прежде, разгуливают по улицам оккупированных нацистами городов, не прекращая при этом привычных занятий: ходят в кино, покупают модные наряды, пьют кофе с булочками, флиртуют с солдатами и офицерами…

В годы Второй мировой войны Висконти сблизился с итальянскими коммунистами, помогал Сопротивлению, был арестован по подозрению к организации антифашистского

заговора. Автор А. Плахов (он защитил диссертацию о творчестве Висконти) уверял, что «Висконти стал жертвой сексуального насилия в фашистском пансионе Яккорино, где он провел пятнадцать суток, приговоренный к расстрелу». Звучит страшно, однако подобными «экспериментами» в деле получения сведений и уничтожения человеческой личности занимались и советские энкавэдисты. Впрочем, режиссер и не скрывал своей «неправильной» ориентации. В разное время возлюбленными этого бисексуала были фотограф Хорст, режиссер Франко Дзефирелли, актер Хельмут Бергер; среди его известных миру женщин-возлюбленных были Коко Шанель и Ирма цу Виндишгрец (с австрийской аристократкой короткое время он был даже обручен).

Плен и насилие не сломили Висконти – в 1943 году он снял свой первый полнометражный фильм «Одержимость». По словам режиссера, чтобы снять эту ленту, он продал драгоценности, доставшиеся ему от матери. Кстати, симпатии к коммунистической партии и «левые убеждения» графский отпрыск Висконти сохранил до конца жизни.

Среди провокационных работ режиссера имеются фильмы так называемой «германской трилогии», в которых Висконти впервые так откровенно поднял темы однополой любви и инцеста: «Гибель богов» (1969), «Смерть в Венеции» (1971), «Людвиг» (1972). Во время съемок продолжения этой темы Лукино Висконти умер в Риме от сильнейшей простуды.

«Как ни крути, женщина в жизни мужчины бывает только одна. Все остальные – ее тени…»

Коко и Серж Лифарь

Ганс Гюнтер фон Динклаге. «Оккупационная» связь

Июнь 1940 года. Гитлеровский блицкриг в самом разгаре, под ударами германского оружия французские части стремительно катятся на юг. Мир недоумевал: почему мощная европейская держава рушится словно карточный домик? Ответ прост: французское общество в критический момент не нашло в себе моральных сил для сопротивления врагу. Это в равной мере касалось и верхов, и низов.

14 июня 1940-го немцы заняли Париж. «Перемирие», заключенное 22 июня, представляло собой фактически капитуляцию Франции. Страна разделялась на оккупированный немцами север с центром в Париже и южную «свободную зону» со столицей в городке Виши. Сдавшаяся без боя Франция почувствовала на себе «прелести» военной оккупации. Начался поспешный исход миллионов растерянных людей на юг; среди беженцев была и Коко. Впрочем, не все так мрачно; однажды она пошутит об этих событиях: «В конце концов, не будь такой хорошей погоды, не было бы и массового исхода на юг». Габриэль доехала до имения своего давнего друга и любовника Этьена Бальзана, нашла его женатым и сильно постаревшим, но так же, как и в молодости, увлеченным чистокровными лошадьми.

Проведя несколько дней в замке, Габриэль возвратилась в Париж. Чтобы сразу же со своими светскими друзьями обойти любимые рестораны, салоны и бутики. Все по-прежнему признавали, что «здесь так весело и приятно», однако были моменты, которые настораживали.

Вернувшись в Париж, мадемуазель обнаружила, что отель «Риц», где она изволила проживать, реквизирован немцами. Перед входом стоял водруженный новыми властями металлический шлагбаум, а с каждой стороны стояло по часовому при оружии. Со стены здания свисал нацистский флаг – черная свастика в белом круге на красном полотнище.

В оккупированном Париже

Управляющий известил Коко, что ее мебель и личные вещи были вынесены из занимаемых ею комнат; но высокий немецкий начальник в чине генерала, узнав, что это вещи Коко Шанель, дозволил ей остаться в отеле. Однако постоялице могли предоставить лишь две комнаты с ванной, выходящие на рю Камбон, которые не шли ни в какое сравнение с теми роскошными апартаментами, что мадемуазель занимала прежде. Впрочем, о чем печалиться, ведь у нее еще квартира в доме номер 31.

Нам говорят, что Шанель начинает вести очень замкнутый образ жизни. Она больше не бывает на светских балах, не предпринимает выезды в высшее общество. Но она по-прежнему посещает дорогие рестораны, чтобы отобедать или отужинать вместе с кем-то из своих. Вот обычные «злачные» места их пребывания: «Максим», «Серебряная башня», модный бар «Каррера» и проч. Среди сопровождающих ее в то время часто замечают Сержа Лифаря, проживавшего по соседству, в отеле «Кастилия» на той же рю Камбон. Танцор заглядывает к ней почти ежедневно и развлекает, читая вслух отрывки из классических произведений; а она и сама время от времени бывает в «Гранд-опера», чтобы аплодировать своему другу.

В ее окружении практически все те же лица – Кокто, Мися, Русся, Серт (на огонек к последнему заглядывала вся знать Парижа, ведь он по-прежнему угощал гостей изысканными яствами). В это время ближайшая подруга Коко – Мися, давно злоупотреблявшая наркотиками, заболевает, а в результате

сердечного приступа она слепнет на один глаз.

* * *

Шанель неожиданно для всех принимает решение о закрытии Дома моделей. После того как она закрыла свои ателье, ее лучшим швеям пришлось искать работу в других модельных домах. «Безделье, на которое она обрекла себя, повесив замок на дверь Дома моделей, ожесточило ее. Она не могла себе представить, что ничегонеделанье окажется таким жестоким. Работа была для нее как наркотик – и теперь она начинала сознавать это. Да, она, пожалуй, просчиталась, думая, что клиентки разбегутся, и приняв решение о прекращении своего дела. Потому что остальные Дома моделей – Ланвен, Фат, Лелон, Пиге, Пату, Баленсиага – продолжали шить и продавать платья».

«Красивые глаза только у того, кто смотрит на тебя с нежностью»

Коко и Серж Лифарь

Интересно, с каким настроением сотрудницы покидали ее предприятия? Ведь не секрет, что мадемуазель Шанель была грубоватой и резкой. Закройщицы, швеи и манекенщицы боялись работодательницу до судорог: вылететь из модного дома ничего не стоило. Однажды они заикнулись о прибавке к жалованью, и Шанель уволила всех одним махом. Она орала на манекенщиц, если те смели чуть пошевелиться. Однажды одна из девушек пришла на работу в платье от Живанши, и Шанель искромсала

дорогую вещь ножницами прямо на манекенщице.

…В дни вынужденного безделья Шанель проводит целые часы, разучивая знаменитые арии из опер Верди, Пуччини и других. Прочтем свидетельство секретаря Миси Було Ристельхьюбера, сына дипломата, в своем дневнике: «Приехав к Коко, мы услышали рулады. Меня это удивило. В комнате, помимо хозяйки, были две старые ведьмы с огненно-рыжими гривами – одна сидела за роялем, другая стояла, опершись на его хвостовую часть. Коко прилежно выслушивала их наставления. Это был урок пения. «Невероятно, – сказала мне Мися, когда мы вернулись. – Это в пятьдесят четыре-то года! Она решила, что у нее еще может прорезаться голос!» Запись датирована январем 1941 года. Но здесь – не только свидетельство о ведьмах, но и между строк – отношение их друг к дружке. На тот момент Коко было уже 57 лет, о чем ее закадычная зловредная подруга даже не догадывалась!

Пение было лишь временным увлечением кутюрье. Уставшая от безделья Шанель наконец-то соглашается заняться созданием костюмов для постановки Кокто «Антигона» на музыку Онеггера. Премьера пройдет в «Гранд-опера» в январе 1943 года.

Французские девушки в оккупированном Париже тоже интересуются модой…

* * *

Резкие на слова историки свидетельствуют: в начале 40-х XX века Шанель чуть было не стала позором Франции, совершив головокружительный скачок от русских аристократов к немецким оккупантам. Впрочем, кроме аристократов, в ее объятьях побывало немало и плебеев, претендующих – и становящихся великими фигурами своей эпохи.

В годы оккупации Коко возобновила давнее знакомство с одним весьма колоритным человеком. Немецкий дипломат Ганс Гюнтер фон Динклаге родился в 1896 году в Ганновере. Мать его была англичанка, в силу чего тот великолепно владел английским. «Живой и остроумный, страстный любитель музыки, он к тому же был еще и красавцем: высокий, худощавый, гибкий и стройный блондин с бесцветными голубыми глазами. Он нравился женщинам и не ведал числа своим победам. Будучи не в состоянии долго выносить это, его жена Максимилиенна, урожденная фон Шенебек, подала в 1935 году на развод. Двумя годами ранее его назначили атташе при посольстве Германии на рю де Лилль, и он занимался связями с прессой. Он нанял прекрасную квартиру на Марсовом поле, в доме номер 41 по авеню Шарля Флоке и быстро сделался вхожим в самые лучшие парижские гостиные. Галантный дипломат, в котором, помимо других качеств, открылся великолепный танцор, шел нарасхват. Друзья без особой церемонности прозвали его «Шпатц», что по-немецки значит «воробей», за ту легкость, с которой он порхал по жизни и влетал, как пташка, в сердца самых красивых женщин».

Вот как говорят об этом субъекте: «он, в ряду себе подобных, должен был своим шармом создавать лестный образ своей страны и своим очарованием компенсировать человеконенавистнические заклинания Гитлера»; «его главной заботой в эти годы было остаться в обожаемом им Париже». Впрочем, биограф Шанель Пьер Галант, сам в годы Второй мировой войны бывший французским тайным агентом стран-союзниц, убежден, что в Париже фон Динклаге работал на абвер – немецкую службу военной разведки и контрразведки, которой с 1935 года руководил Вильгельм Канарис.

Нацистские офицеры в Париже

Сотрудник ведомства министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа был помимо прочего великолепным игроком в поло, участвовал в матчах в Довиле и коллекционировал спортивные трофеи-кубки. Ну разве могла не знать о таком великосветском господине Коко Шанель? Она была наслышана о нем еще до войны. Кстати, и о Шанель знали многие, вернее, ее связями интересовались многие; Коко наверняка многие годы была под колпаком спецслужб разных стран.

Ганс Гюнтер фон Динклаге был на тринадцать лет младше Шанель. Когда ее как-то спросили об этой порочащей связи с врагом, она ответила: «Помилуйте, если женщине моих лет выпадает шанс подцепить любовника, она не требует у него паспорт».

Фон Динклаге представил свою подругу Коко немецкому офицеру Теодору Момму, который также был прекрасным кавалеристом, победителем стольких состязаний по конному спорту. А еще – он отвечал в оккупационном правительстве за французскую текстильную промышленность. Герр Момм был в курсе, что его новая знакомая владеет прядильными фабриками в Аньере и в Маретце. Правда, последняя после 1939 года была закрыта. Коко тут же получает деловое предложение: открыть фабрику, дать людям возможность работать на благо Франции и

фатерлянда. «Нужно ли говорить, что Коко питала бесконечную благодарность Шпатцу за то, что он представил ее Теодору Момму – ее привязанность к нему от этого только возросла… Очевидно, об их идиллии ведали несколько друзей Коко, но и только».

Габриэль не афишировала своей связи с молодым немцем, но и скрывать ее совсем тоже не собиралась. Чаще всего Коко и Шпатц встречались на третьем этаже дома номер 31 по рю Камбон. Но она приглашала его и на виллу «Ла Пауза», где они подолгу отдыхали, особенно летом.

Август 1944 года. Париж освобожден от нацистов

Уинстон Черчилль. Операция «Модная шляпа»

В какой-то момент, блюдя свои коммерческие интересы, Коко Шанель предлагает обратиться к ее давнему знакомому – премьер-министру Великобритании Уинстону Черчиллю, дабы обрести некий компромиссный мир. Она даже придумала и озвучила целый план действий, в который посвятила Теодора Момма.

Коко намеревалась стать посредником между новыми властями и Британией; «Шанель было ведомо, что в ноябре 1943 года путь Уинстона Черчилля лежал через Мадрид, и, если бы немецкие власти разрешили ей поехать туда, она могла бы встретиться с ним, например, в посольстве Великобритании. Кстати, она прекрасно знала самого посла, сэра Сэмюела Хоуара, друга герцога Вестминстерского». Удивительные связи у этой великосветской кокотки, не прав ли? Да и намерения у нее явно выходящие за рамки простого обывателя, не облеченного полномочиями дипломата или разведчика.

В Берлине Теодор Момм решает поделиться своими соображениями с ведомством, которое возглавлял Вальтер Шелленберг, «который был протеже Гиммлера и при этом пользовался доверием Гитлера».

На тот момент ему было всего 33 года, а он уже руководил Шестым управлением, контролировавшим службу внешней разведки. Он выслушал планы о включении Черчилля и Коко в дальнейший политический расклад. «Против ожидания Момма, Шелленберг счел его предложение интересным, и была достигнута договоренность об операции «Модельхут» – «Модная шляпа», с намеком на первую профессию Коко»; «Но дело несколько осложнилось тем, что Коко непременно захотелось, чтобы ее сопровождала Вера Бейт (по мужу – Ломбарди), но строптивая красотка, живущая в Риме, отказалась приехать в Париж, и ту пришлось доставить силой. Сотрудники немецких спецслужб поместили ее в каталажку, доставив через пару недель в отель «Риц», где ее ждала Коко.

«Не выходите замуж за мужчин с кошельком для мелочи»

Коко Шанель с Уинстоном Черчиллем на охоте

Дело в том, что и Вера, и Коко были давними

приятельницами Черчилля. Но в какой-то момент между женщинами пробежала черная кошка. Уж не из-за этого ли мужчины они поссорились? И уж не собиралась ли Коко – исполняя операцию «Модная шляпка» – подложить приятельницу под *британского борова*? Или, наоборот, воочию показать свой триумф былой сопернице? Как знать…

Известно, что Уинстон Черчилль наведывался к Габриэль Шанель еще и после 1 сентября 1939 года, когда уже началась война. Шанель пока еще занимала номер в «Рице» с видом на площадь Вандом, и в архивах отеля сохранились записи о том, что Черчилль приезжал каждый месяц, пока немцы не заняли Париж, и непременно звонил Шанель. А вот еще свидетельства об этой связи близкого приятеля француженки – Жана Кокто. Художник и режиссер записал в дневнике, что в конце 1936 года он обедал с Шанель и Черчиллем в ее люксе отеля «Риц». Черчилль тогда напился и горько сетовал по поводу намерения короля Эдуард VIII жениться на Уоллис Симпсон, что повлекло отречение короля от престола.

Ну а Коко, не посвятив Веру в тайну предстоящей операции, лишь сказала, что собирается привезти ее в Мадрид под предлогом открытия там Дома моделей (впрочем, существуют и другие версии развития событий). «Но когда спутницы достигли испанской столицы, поведение Коко показалось Вере очень странным, и той пришлось рассказать подруге всю правду. Но увы, Габриэль не довелось свидеться с Черчиллем – пришлось довольствоваться встречей с послом Великобритании сэром Сэмюэлем Хоуаром, которому она в отчаянии вручила послание для передачи премьер-министру. Но отныне она знала, что коль не смогла напрямую встретиться с Черчиллем, то ее миссия провалилась».

«Есть время работать и есть время любить. Никакого другого времени не остается»

Уинстон Черчилль действительно тогда находился в Мадриде, но был, как свидетельствуют биографы этого государственного мужа, настолько серьезно болен, что по распоряжению личного врача отменил все встречи и прекратил любые контакты. Историки подмечают: в кембриджских архивах Черчилля найдутся свидетельства того, что у них с Шанель были общие дела – на фоне глобальных потрясений эти письма не кажутся важными, однако содержат тонкие намеки на былую дружбу и взаимную преданность.

Как бы там ни было, в испанской столице Габриэль Коко Шанель попала под колпак британских тайных агентств. Полагают, что Коко попала в составленный Интеллидженс сервис секретный список французов, которым выказывалось полное доверие и к которым можно было обратиться в случае необходимости.

Итак, считается, что миссия Коко в Испании не была выполнена. Впрочем, Шелленберг на следствии относительно заговора неожиданно для всех сказал, что его план был все-таки

реализован в апреле 1944 года.

* * *

Доподлинно установлено, что визу для поездки из Парижа в Испанию Шанель получала дважды: первый раз 17 декабря 1943 года, второй – 16 марта 1944-го.

В начале 1944-го Шанель пыталась встретиться с Черчиллем. На стол к личному секретарю Черчилля на Даунинг-стрит попало письмо с примечанием сотрудника посольства в Мадриде, датированное 10 января 1944-го. «Мадемуазель Шанель утверждала, что она знакома с господином премьер-министром, и просила нас переслать ее письмо. Будьте любезны передать ему запечатанный конверт». Она обращалась к нему «Мой дорогой Уинстон!» и писала в основном по-английски, иногда переходя на французский. В письме речь шла о Вере Ломбарди, оказавшейся в сложной ситуации в том числе из-за прожектов и связей Коко с нацистами; однако это ли главное? Вот она пишет Черчиллю: «Вы, дорогой мой, безусловно, догадываетесь, за 4 года оккупации судьба свела меня во Франции с огромным множеством разных людей! Как бы я хотела обсудить все это с Вами!..»

«У вас никогда не будет второго шанса произвести первое впечатление»

А вот отрывок из письма другой знакомой Черчилля – той самой англичанки Веры Ломбарди, чье настоящее имя было Сара Гертруда Аркрайт, и в чьих венах, как поговаривали, текла кровь кого-то из членов британской королевской семьи. Если помните, некогда эта светская красавица познакомила Шанель с герцогом Вестминстерским. Позже она была соратницей и подругой Коко, ее моделью, – пока в 1937 они не расстались.

Итак, Вера писала премьер-министру: «Мы с Вами давние знакомые… В моем послужном списке с 1914 года 7 медалей и т. д. За 16 лет усердной работы на Коко я многому научилась и приобрела ценный опыт… В 1937-м она меня уволила. Это было подло и грустно, я не встречалась с ней до декабря 1944 года, когда по ее наущению ее немецкие дружки и мои тюремщики свойственными им методами силой вынудили меня ехать к ней в Париж. Я представила письменный и устный отчет обо всех известных мне деталях моего заключения и похищения, больше я ничего не знаю. По-моему, Коко очень изменилась за семь лет». Это письмо, как и письма Шанель – если верить интересным рассекреченным сведениям – только подтверждает, что и красавица Вера Ломбарди, да и Коко Шанель, вероятно, входили в круг личной разведки Уинстона Черчилля. Советую, к примеру, прочесть интригующую книгу Ольги Грейгъ «Черчилль-Мальборо. Гнездо шпионов», в которой рассказано, кто из светской и театрально-художественной элиты Европы входил в круг личной разведки У. Черчилля.

В Мадрид, сказала Вера, она попала благодаря тому, что перехитрила Шанель: «Я сумела обманом заставить Коко помочь мне сбежать сюда. Это, несомненно, большая удача, потому что она и сейчас хитра необыкновенно. Но мне это удалось, и, естественно, я думала, что все неприятности позади». К сожалению, она ошиблась – оказалось, что это она, а не Шанель, попала под подозрение.

«У судьбы нет причин без причины сводить посторонних»

Коко и Черчилль. Фото на память

Работала ли Шанель на разведку? Наверняка. Но ее ведь могли и просто использовать «вслепую». В немецкой разведке Шанель фигурировала под псевдонимом *Вестминстер* (по всей вероятности, из-за ее любовной связи с герцогом Вестминстерским). «Однако, – пишет Анри Гидель, – во многих аспектах эта сторона деятельности Габриэль остается тайной за семью печатями. Ни документальный фильм Би-би-си «Шанель: частная жизнь» (1995), ни свидетельство агента Стюарта Хэмпшира, допрашивавшего Шелленберга в 1945 году, ни даже доклад Интеллидженс сервис о вышеупомянутом Шелленберге, в котором о самой этой афере рассказывается исключительно кратко, не утоляют нашего любопытства». Впрочем, на то и *секретная служба*, чтобы хранить свои тайны от любопытных глаз…

«Роскошь должна быть удобной, иначе это не роскошь»

Вальтер Шелленберг. Полюбить врага

Бригаденфюрер СС, член НСДАП с 1934 года, начальник политической разведки, Вальтер Шелленберг стал неожиданной любовью экстравагантной француженки Габриэль Шанель.

Об этой связи осталось мало свидетельств, уж слишком щекотливая тема. А ведь Коко была очарована и великолепной черной формой, и с каким изяществом носил ее новый возлюбленный, и, конечно же, умом молодого немца, его связями и влиянием на людей. Да что говорить – на саму историю… Коко обожала «исторические личности».

Их связи можно найти романтичное объяснение: мол, во всем виноват знаменитый аромат. Во время разговора Шелленберг слишком близко склонился к маленькой француженке и почуял теплый и манящий аромат, а потом повнимательнее посмотрел в ее полные ума и нежности глаза…

Если верить общим скупым сведениям, большинство и не знают, что когда-то Шанель ездила в Берлин, чтобы строить козни вместе с главой гитлеровской внешней разведки Вальтером Шелленбергом. Публично в наше время об этом рассказала журналистка Кейт Мур, чья статья о связях Шелленберга с дизайнером одежды Коко Шанель была напечатана в британской газете «Te Times». По данным газеты, Шанель также пыталась, используя проарийские законы, отобрать контрольный пакет фирмы, которая производила для нее духи, у еврейской семьи Вертхаймер.

Как утверждает Мур, бригаденфюрер СС Шелленберг хотел передать Черчиллю письмо от Шанель с предложением вступить в тайные переговоры о прекращении войны. После войны на допросах Шелленберг сказал о Шанель: «Мне порекомендовали ее как человека, достаточно близко знакомого с Черчиллем для проведения переговоров с ним, как врага России, как желающую помочь Франции и Германии». Но операция провалилась, а общий друг Черчилля и Шанель – Вера Ломбарди – донесла на нее как на немецкую шпионку.

Вальтер Фридрих Шелленберг – начальник политической разведки службы безопасности (VI управление РСХА), бригаденфюрер СС (с 1944), позднее – преемник адмирала Канариса на посту руководителя военной разведки Третьего рейха

Другой историк, пожелавший раскрыть эту нелицеприятную связь – Хэл Воган, автор книги «В постели с врагом: тайная война Коко Шанель», рассказал, что знаменитая модельер сотрудничала с германским правительством во время Второй мировой войны. И не просто «сливала» нацистам информацию из Франции, но и

официально числилась в немецкой разведке. Мол, на счету Шанель более десятка успешно выполненных шпионских миссий. Хэл Воган также подтверждает, что одна из самых знаковых фигур в мире моды XX века была любовницей немца Ганса Гюнтера фон Диклаге. Это достаточно известный факт, и до недавнего времени историки не придавали ему особого значения. Однако, как пишет историк, согласно рассекреченным недавно документам из швейцарских военных архивов, Гюнтер фон Диклаге был на хорошем счету у германской разведки и лично переписывался с Гитлером и Геббельсом. Интересно, что историки, которые часто любят противоречить друг другу, в случае с Коко Шанель пришли к редкому согласию.

В книге историка моды Жюстин Пикарди «Coco Chanel: легенда и жизнь» мы читаем: «В августе 1944 года после освобождения Парижа следователи французского министерства внутренних дел подвергли допросу и Шанель. Ее быстро отпустили, что вызвало немало пересудов, при том что другие женщины, вступившие в связь с немцами, были сурово наказаны – им брили головы, срывали с них одежду и проводили обнаженными по улицам перед гогочущей толпой, некоторых мучили и избивали. По общепринятому мнению, в защиту Шанель каким-то образом выступил Черчилль, хотя существует более интригующая версия о тайном сговоре и участии членов британской королевской фамилии, вероятно, желавших скрыть некрасивые контакты с нацистами герцога и герцогини Виндзорских».

Француженки радуются победе! Париж освобожден. Вторая мировая близка к завершению

Итак, вероятно, Шанель была не немецкой, а британской шпионкой (или работала на тех и на этих). Вот смотрите: когда после освобождения Парижа от нацистов за ней пришли, чтобы отвести на допрос, она вышла в ванную переодеться и сказала служанке: «Жермен, если я сейчас же не вернусь, попроси мадам на улице Камбон позвонить месье Черчиллю». Это происходило 10 сентября 1944 года. К тому же, как известно: после всех событий, вызванных течением и окончанием Второй мировой, как только у Габриэль появилась возможность, та, съездив сперва в Швейцарию, где у нее размещались основные средства, и взяв определенную сумму денег, отправилась в Лондон. Чтобы навестить своих друзей, с которыми ее разлучила война, и не в последнюю очередь герцога Вестминстерского. Но прежде успела присмотреть и купить в Швейцарии виллу на холме, возвышавшемся над городом Совбален.

* * *

После победы союзных войск и освобождения Франции для Коко Шанель наступили тревожные времена.

…Эта хитрая бестия не только привлекла внимание освободителей-американцев, но и приобрела симпатии, для чего кинула из окна своего магазина клич, что артиллеристы могут бесплатно получить духи, и вот солдаты выстроились в очередь за «Chanel № 5». Понятное дело, они растерзали бы всякого, кто захотел бы причинить неприятности знаменитой мадемуазель.

После капитуляции Германии Шелленберг некоторое время жил на вилле Бернадота в Швеции. Но уже в июне 1945-го союзное командование добилось его выдачи как военного преступника. В качестве обвиняемого он был привлечен к суду Международного военного трибунала в Нюрнберге. В ходе судебного разбирательства с него были сняты все обвинения, кроме членства в преступных организациях, а также причастности к расстрелам военнопленных. 11 апреля 1949 приговорен к 6 годам тюремного заключения. В декабре 1950 по состоянию здоровья досрочно освобожден. Жил в Швейцарии, а затем был вынужден переехать в Италию. К концу жизни тяжело болел, умер в клинике Форнака (г. Турин), где готовился к операции на печени.

Американские солдаты в очереди за парфюмом «Шанель № 5»

Известно также, что после крушения Третьего рейха Коко Шанель самолично ратовала за освобождение нацистского любовника Вальтера Шелленберга, а когда тот уехал в Швейцарию готовиться к операции, приехала к нему поддержать, помочь. Свое последнее подношение Шелленбергу она сделала уже после его смерти: бригаденфюрер похоронен на ее средства.

Французские солдаты читают прессу. На первых полосах – главная новость, логически завершающая Вторую мировую войну в Европе

Мишель Деон. Как из легенды делать женщину

И все же некоторые изменения происходили не только вокруг нее, но и с самой Шанель. «Шанель не исчезла, но явно удалилась на покой – и можно было подумать, что она уже не вернется» (по Ж. Пикарди). Впрочем, этот ее покой никак нельзя назвать одиноким. Странное дело, но уехавшая «на покой» стареющая звезда моды поселилась в Швейцарии, куда к ней – после капитуляции Германии 8 мая 1945 года – приезжает не кто иной, как… бывший немецкий любовник дипломат Ганс Гюнтер фон Динклаге, а попросту Шпатц – Воробышек.

Мужчина поселяется в Лозанне, и, хоть и не живет с Коко под одной крышей, их часто можно встретить вместе. И вот уже в который раз за спиной Шанель распространяются слухи о ее скором замужестве. Но и на сей раз семейное счастье Габриэль не состоялось.

«Стареющий улыбающийся плейбой, элегантно одетый в плащ превосходного покроя, по-прежнему блещет бравой выправкой», и, как и многие другие любовники, барон фон Динклаге был не прочь оказаться в роли альфонса. Ведь все знали, что Коко – и благодаря модельному бизнесу, но особенно благодаря выручке от самых продаваемых в мире духов *Chanel* (с 1947 г. Коко получала два процента выручки) она стала одной из самых состоятельных женщин на Планете.

Помимо Швейцарии, Габриэль в те годы подолгу живет в «Ла-Паузе», куда Шпатц также часто наведывается. Она также проводит время и в Париже, где «страдает от того, что более не находит там общества, в котором блистала в период между мировыми войнам».

«Говорят, что женщины одеваются ради женщин, что их вдохновляет дух соперничества. Это правда. Но если бы на свете больше не осталось мужчин, они перестали бы одеваться»

Коко и Сальвадор Дали, 1938 год

Несмотря на то, что Габриэль его содержит, немецкий возлюбленный не очень-то ласков с пассией. Поговаривают, что Шпатц поколачивает Коко, и между ними даже происходят драки.

К 1952 году барон фон Динклаге покидает Швейцарию, чтобы осесть в прекрасной солнечной Ибице, где «предается наслаждениям эротической живописи».

* * *

Среди тех, кто скрашивал «отшельничество» Коко, была ее приятельница писательница Луиза де Вильморен, с которой та познакомилась в 1947 году в Венеции. Коко – близкая подруга У. Черчилля, знала, что он немалые средства заработал благодаря литературному творчеству; политик писал статьи в газеты, а после издавал исторические книги, целые тома воспоминаний были написаны им после Второй мировой. Естественно, что

мысль о мемуарах пришла в голову и великой Коко. Во-первых, она давно не юная девочка, во-вторых, она хотела, как и все великие, оставить потомкам рассказанную ей самой, а, значит, приукрашенную биографию. Ведь нет сомнений, что и после смерти о ней будут говорить еще долгие годы.

Ее приятельница тоже была той странной штучкой, которая так полно блистает в высшем обществе любого государства. Эта дама слыла любовницей британского посла Даффа Купера, который смешно прозывал ее «Кокилье» (Ракушка), и, более того, эту греховную связь поддерживала супруга посла, испытывавшая нежную привязанность к Луизе. «Удивительным было согласие во взаимоотношениях этих трех персонажей, которые, согласно хорошо известной формуле, считали брак столь тяжелой цепью, что требуются трое, чтоб ее нести».

Писательница стала на какое-то время личным секретарем престарелой кокотки, ведя за ней аккуратные записи. И как только книга была завершена, Шанель помчалась на другой конец земли – в США, где надеялась за хорошую цену пристроить свои мемуары, а еще – получить заказ на экранизацию. Она прекрасно понимала, какие сливки можно снять, запустив кино. Ведь не зря она так много времени крутилась среди кинематографистов: актеров, режиссеров, сценаристов, постановщиков. Последним в ряду новых знакомых из этой когорты стал Франко Дзеффирелли, с которым ее в 1949 году свел Лукино Висконти. Дзефирелли тогда было 26 лет, и она стала патронировать его, выводить в свет, осыпала подарками.

«Мода проходит, стиль остается»

Но надежды Коко на издание и кино не оправдались, ведь в надиктованной книге не было самого главного – не было правды. В рассказе не содержались интрижки, любовные сцены, разведывательные операции и прочие тонкости, за которые бы охотно ухватились издатели и кинематографисты.

Навязчивая мысль написать свою биографию так и не покинет Габриэль, и спустя полтора года она обратится к молодому журналисту и писателю Мишелю Деону. Получив от него спустя какое-то время вариант ее же воспоминаний, Коко поняла: история повторяется. «В этих трехстах страницах, нет ни одной фразы, которая была бы не моей, но я думаю, что американцы ждали бы не этого». Итак, лгать себе и читателям стало бесполезно, пора было из Легенды делать Женщину…

Воспоминания Коко Шанель были фальшивые, и это понимала и сама Коко. Потому-то все лучшие книги о ней будут написаны совсем другими авторами. Которые никоим образом не умалят ни ее творческую натуру, ни ее женскую сущность, ни то значение, которое оказала Коко на весь XX век.

Отель «Риц» – последнее пристанище великой Коко

Триумфальное возвращение Коко

В октябре 1950 года ушла из жизни самая верная (а одновременно – самая нервная и язвительная) Мися Серт. В 1953 году покинул этот мир герцог Вестминстерский… смерти друзей, возлюбленных и просто знакомых, которые прошли через жизнь Коко, множились… Она, как никогда, начала осознавать, что тоже не вечна. И тогда Коко – на то она и великая женщина! – предпринимает фантастическую попытку вернуться в мир Высокой моды. И это – несмотря на возраст и долгое отсутствие в этом бизнесе.

В 1954 году 71-летняя Габриэль Коко Шанель, представив свою новую коллекцию, вернулась в мир моды. Оказывается, она вновь открывала на рю Камбон, 31, два ателье, и готова расширять штат, если ее задумка увенчается успехом.

Но былого восхищения Габриэль добилась лишь спустя три сезона. Ей удалось усовершенствовать свои классические модели, – а в результате самые богатые и знаменитые женщины стали постоянными посетительницами ее показов. Костюм «от Шанель» стал символом статуса нового поколения: изготовленный из твида, с узкой юбкой, жакетом без воротника, обшитым тесьмой, золотистыми пуговицами и накладными карманами. Также Коко вновь представила дамские сумочки из стеганой кожи, ювелирные изделия и обувь, которые впоследствии имели ошеломительный успех.

Этот знаменитый дамский костюм с тесьмой, придуманный (вернее, обновленный) Коко в 50-е годы, дополнит ее знаменитое маленькое черное платье 1926 года.

В 1950 – 1960-е годы Коко активно сотрудничает с голливудскими студиями, одевает таких звезд, как Одри Хепберн и Лиз Тэйлор. В 1969 году легендарная актриса Кэтрин Хепберн исполнила роль Шанель в бродвейском мюзикле «Коко». Так сбылась мечта самой Великой Мадемуазель.

«У меня осталось только одно неудовлетворенное любопытство – смерть»

Купаясь в лучах славы, Шанель все еще полна решимости работать. Она создает сотни различных вариаций своего костюма. Она предлагает взыскательной публике роскошные вечерние платья, наряды для коктейлей и вечеринок, воздушные платья-туники, платья-болеро. В ее гардеробе обнаруживаются даже изящные брючки. Любимыми материалами Шанель на склоне ее лет становятся шелк, муслин, мягкие ткани; самыми востребованными орнаментами – сложные, замысловатые тибетские и китайские мотивы.

Многие отмечали, что в 1954 году Коко… физически и морально помолодела на десять лет. При том, что знаменитая кутюрье работала по 10 – 12 часов в день, часто без перерыва на

обед. Впрочем, не стоит забывать, что молодящаяся мадемуазель была в надежных руках визажистов, массажистов, косметологов, медиков и т.д. и т.п. Даже в последние годы ее распорядок дня начинался с посещения молодого визажиста Жака Клеманта. И вновь – благодаря ее влиянию этот человек поднимется до самых высот в искусстве визажа; он станет обслуживать Элизабет Тэйлор, Софи Лорен, Катрин Денев и других мега-звезд XX века. Жак станет едва ли не последним доверенным лицом, коему Шанель поведает о многих своих тайнах.

Со своей стороны, оставаться (чувствовать себя) молодой Коко помогал и другой профессионал – психоаналитик и писатель Клод Дале, с которым та подружилась.

10 января 1971 года в возрасте 87 лет великая Габриэль скончалась от сердечного приступа в отеле «Риц». В этом роскошном отеле *Ritz* в разное время останавливались такие знаменитости, как Эдуард VII, Реза-шах Пехлеви, Марсель Пруст, Чарли Чаплин, Грета Гарбо, Марлен Дитрих, а Коко Шанель провела в отеле 30 лет и здесь же умерла… И вот спустя годы, как дань их памяти, в честь знаменитых постояльцев отеля названы наиболее роскошные номера.

«Так вот что такое слава: одиночество…»

Самая знаковая фигура моды XX столетия – Коко Шанель – похоронена в Лозанне в Швейцарии в могиле, на верхней части надгробия которой изображены пять львов.

С 1983 года руководство Домом моды Шанель принял Карл Лагерфельд, он же стал его главным дизайнером. В честь 125-летия со дня рождения Коко Шанель глава Дома Chanel представил уникальный дизайн юбилейной монеты номиналом в 5 евро с изображением легенды мировой моды.

Коко больше нет, но оглянитесь вокруг – ее *бессмертный*

стиль процветает, он повсюду, он с нами…

* * *

В последние годы, чувствуя себе безмерно одинокой – без семьи, детей, без мужа или хотя бы любовника – она будет скорбно брюзжать: «Вот так мы все оставлены умирать». И когда однажды ее спросили, отчего бы ей вместо того, чтобы скучать в одиночестве дома, не отправиться к друзьям, она ответила:

– Да что друзья! У женщин нет друзей. Их либо любят, либо нет.

…и только Настоящая женщина знала, как тяжелы сумерки одиночества, спускающиеся каждый вечер…